

91.5. Базилли Л.
Очерки Рочестан-
мишоналя

1835e

ОЧЕРКИ

КОНСТАНТИНОПОЛЯ.

91:9
5-7

ОЧЕРКИ

КОНСТАНТИНОПОЛЯ.

СОЧИНЕНІЕ

КОНСТАНТИНА БАЗИЛИ.

Le seul moyen de voir un pays tel qu'il est, c'est de le voir avec ses traditions et ses souvenirs.

Chateaubriand.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. ГРЕЧА.

1835.

1835
581/61
239/8
15404

92

ИЗДАНИЕ
1835

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по оппечаташи предшавлены были въ Цен-
сурный Комитетъ три экземпляра.

Санктпетербургъ, 16 Ноября, 1835 года.

Ценсоръ Петръ Корсаковъ.

ИЗДАНИЕ
1835 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

	СТР.
ГЛАВА I. Прилипчивость лѣни. — Очеркъ Леванта. — Песпрона. — Древній Грекъ и современный Ишаліянецъ. — Неопришность. — Спѣна Генуэзцевъ — Судьба Кесарей. — Скука и шабакъ. — Оспрогъ и карпина Гопа. — Старость и юность. — Албанцы. — Аристокрытъ въ оспрогѣ. Религія и прозелитизмъ.	1
ГЛАВА II. Рѣшимость. — Приспань. — Преобразование Турецкихъ головъ. — Археологическія погрѣшности Турокъ. — Посуда, оружіе и надгробный камень. — Табачная промышленность и народное сочувствіе. — Очеркъ базаровъ. — Дерзость Турчанокъ. — Маленькіе фанатики и урокъ благочіія. — Книги и богословскія прѣвія. — Судьба шипографіи и манифестъ о ней. — Силлогизмъ улемъ. — Государственная газетша. — Бумага. — Сабля, ножъ палача и кивжалъ. — Кабалистическая надпись. — Хань. — Экипажи. — Разносчики и заколдованный шкафъ.	19
ГЛАВА III. Небольничій рынокъ. — Арапы. — Женщины въ клѣткахъ. — Возвышеніе цѣвъ. — Греческія плѣнницы. — Впечатлѣнія дѣтства и религіи. — Ангелика. — Ея приключенія. — Черкешенки и ихъ надежды. — Нѣжность купцевъ. — Кавказская красота. — Происхожденіе Турецкихъ дельможъ. — Евнухъ полководецъ и евнухъ въ Сенатѣ. — Рабство въ Турціи и его преимущества.	48
ГЛАВА IV. Выгоды сумасшесивія. — Воспорженный дровишъ и ругательства. — Излеченіе безумія побоями. — Безуміе ожиданія, безуміе логики и безуміе вора. — На-	

II

стр.

ходка для черепослововъ. — Ошибка двухъ Султаншъ. — Народная черпа въ безуміи. — Полиція и пюръмы. — Ариеметическое правосудіе. — Тюремная промышленность. — Съеззные прѣпасы. — Ухищренія хлѣбниковъ. — Привилегированныя казни. — Сшупка для Улемъ, и преданіе о ней. — Пышки. — Живость Турецкаго правосуділ. — Балконы-вистѣлицы. — Слѣды про улокъ. . 89

ГЛАВА V. Тюрма преданная проклятію. — Брѣшья Мурузи и ихъ судьба. — Географическія познанія Турецкихъ Миниспровъ. — Фанатизмъ чесплюбія. — Ромовое письмо. — Оружіе и споловые ножи. — Обвиненіе архитектора. — Радости Пасхи, и Пасха 1821 года. — Папріархъ Григорій. — Его казнь. — Евреи. — Ихъ неистовства. — Тѣло Папріарха. — Эмиграншы. — Ошибка Поршы. — Флосъ. 117

ГЛАВА VI. Чешыре народа. — Взаимная ненависть. — Лагерная споянка. — Сонъ величія. — Упадокъ Фанріотовъ. — Папріархъ Констанцій. — Его соборъ и Грецескія церкви. — Типографія и посъщеніе Музъ. — Армяне, воспочные Англичане. — Религіозныя распри. — Гоненіе Кашполиковъ. — Вероника Тенкыр-Оглу и Князь Г * *. — Ихъ приключенія. — Турецкій Кади. — Чары. — Сполица Израіля. — Разсказы объ Евреяхъ. — Книга Раббина. — Кладбище Евреевъ и долина Юсафата. 145

ГЛАВА VII. Разряды Пушешествениковъ. — Искашели приключеній. — Медики. — Медицина дервишей. — Докпоръ Балы. — Крѣпительныя. — Медицина въ гаремахъ и языки Турчанокъ. — Приключенія двухъ мичмановъ. — Миниспръ медицины, и его вліяніе на полишкку. — Анапомическія свѣдѣнія Турокъ. — Удивительный рыбакъ. 181

ГЛАВА VIII. Поприще искашелей приключеній. — Калосо, пивоварня и Султанская лошадь. — Пера и ея населеніе и ея націи. — Кашполики-изувѣры и аббашъ Жансонъ. — Лѣйніе вечера и кладбище. — Дервиши Мевлеви. — Ихъ религіозныя пляски. — Ихъ попойки. 215

III

СТР.

ГЛАВА IX. Спарина. — Сила воспоминаій. — Колонна Константина и геній искусства въ пѣну. — Колонна дѣлы и преданіе. — Колонна въ Сераль. — Феодосіева колонна. — Спашуя Юстиніана и выспавка головы. — Дворецъ Велиссарія. — Вуклеонъ и элегическое воспоминаніе. — Влахеры. — Вогословское совѣщаніе. — Обувь Св. Софія и преданіе. — Архитектура религии. — Горжество Юстиніана и послы св. Владиміра. — Нагоша мечешей — Теашральное освещеніе — Ковъ Магомеша. 245

ГЛАВА X. Древніе храмы. — Гробъ Анны Компиной. — Звѣриецъ, и леопарды защитники Византіи. — Арсеналь, Римскіе орлы и знамена Крестоносцевъ. — Церковь Крови. — Гипподромъ. — Обелискъ. — Дельфійская колонна. — Колонна Порфирогенеша. — Венеціанскіе кони. — Мѣдныя спашуи и ихъ судьба. — Воспоминаія. — Гладіаторь. 268

О ЧЕРКИ КОНСТАНТИНОПОЛЯ.

ГЛАВА I.

Прилипчивость льня. — Очеркъ Леванта. — Пестрота. — Древній Грекъ и современный Италинецъ. — Неопрятность. — Стѣна Генуэзцевъ. — Судьба Кесарей. — Скука и табакъ. — Острогъ и картина Гюгга. — Старость и юность. — Албанцы. — Аристократія въ острогъ. — Религія и прозелетизмъ.

Есть Европейцы, которые живутъ по нѣскольку лѣтъ въ Перъ, и не рѣшаются переправиться чрезъ заливъ *золотаго рога* и посѣтить Сшамбуль. Царственныя его холмы лежатъ предъ ними величественнымъ амфитеатромъ, широкіе куполы, башни и минареты вѣнчаютъ Мусульманскій городъ каменнымъ вѣн-

демъ Цибеллы, и эта чудная мозаика мелкихъ и колоссальныхъ зданій, древнихъ стѣнъ и водопроводовъ обросшихъ садами, массивныхъ базаровъ и легкихъ азійскихъ дворцовъ, спелеша предъ ними на необозримое пространство, и они каждое утро любуются этимъ видомъ съ высоты Перскаго холма, и съ испинно Турецкимъ безспрашемъ не рѣшаются заглянуть въ панспвенную внутренность Спамбула. Можетъ быть воздухъ Воспока внушаетъ въ посипишелей Воспочное равнодушіе ко всему, можетъ быть Турецкое безспрашіе прилипчиво, какъ Турецкая чума. Удивительное явленіе! Европейцы въ Азіяскихъ городахъ почти всегда представляютъ чудныя крайности: или мечутся съ предприимчивостію и неутомимостію искапелей приключеній, или предались глупой лѣни Азіяца. Въ Галапъ увидише пеструю толпу со всѣхъ концевъ Христіанскаго Міра, копорая съ меркантильною заботливостію на лицахъ, съ безпокойнымъ взоромъ, усталая толпиша въ грязныхъ улицахъ, базарахъ и приспаняхъ, шепется на двадцати языкахъ сполпшвренія, шоргуешся съ шкиперами, бранится съ факшорами, нагружаетъ, выгружаетъ съ какою шо судорож-

ною поропливостію, со всею мелочною дѣя-
 тельностію чловѣка въ жишейскихъ его забо-
 пахъ. Эпа часпъ города сохраняетъ, во всей
 первоначальной песпротъ своего древняго насе-
 ленія, суешно предпримчивый духъ шорговыхъ
 ресубликъ Ишалін. Эпо не Воспокъ, не Му-
 сультманскій городъ, а то что Европа назвала
Левантомъ; — случайный сбродъ Ипаліянцевъ,
 Нѣмцевъ, Славянъ Адріанического залива, Гре-
 ковъ съ Іоническихъ острововъ, Французовъ,
 Испанцевъ, Англичанъ, Шведовъ и Американцевъ;
 между ними исчезаютъ почти коренные жише-
 ли Воспока, или служатъ только для живопис-
 ной обшпановки разнонародныхъ группъ на все-
 мірной биржѣ Галапы. Поэтому что вся Гала-
 па, душная, шемная, крикливая, представляетъ
 въ огромномъ размѣрѣ шорговую биржу, предъ ко-
 то споятъ двѣ тысячи кораблей, подъ флагами
 всѣхъ возможныхъ цвѣшовъ, гошовые опплыпъ
 во весь концы земнаго шара.

Я любилъ въ моемъ воображеніи сравнивать
 эту каршину съ колоніями древняго Міра, рас-
 положенными на свхъ же берегахъ отъ Геллес-
 понша до Тавриды. И въ шѣ вѣки какъ и те-
 перь не было суждено кореннымъ ихъ жише-

лямъ были дѣйствителями собственной своей промышленности. Здѣсь сходились народы предприимчивой Греціи, мореплаватели Финикій, Карфагена и Сициліи съ народами внутренней Азіи, на непрерывную ярмарку. Промышленный рой чужеземцевъ жужжалъ среди колоній на всѣхъ нарѣчіяхъ древняго міра; гармоническій языкъ Іоній сливался съ горпаннымъ выговоромъ Африки и съ языками Азіатскихъ племенъ; шюга Аоніянина красиво драпировалась среди яркихъ цвѣтовъ восточныхъ костюмовъ; живость Элленическихъ племенъ представляла разительную противоположность съ наследственнымъ спокойствіемъ Азіатца; такъ и шеперь въ базарахъ Галапы узнаете по быстрымъ плодовиженіямъ, по выразительности жестовъ, по разговору подобному речитативамъ Италіанской оперы, жишеля Неаполя или Венеціи, тогда онъ, въ курскѣ моряка, въ широкой соломенной шляпѣ, шолкуешъ, на испорченномъ нарѣчій своего поэпического языка, о цвѣнъ сала и сельдей съ шучнымъ Армянскимъ факшоромъ, ко порога каменная недвижность представляешъ разительный контрастъ съ гримасною живостію Италіанца.

Не знаю впрочемъ были ли въ древности города эпихъ колоній такъ неопряжны какъ нынѣшняя Галапа. Тѣснопа улицъ, кошорья со времени взятія Констанщинополя не были ни перемощены ни вычищены, и безъ проливныхъ дождей были бы совершенно непроходимы, опврашительное зловоніе многихъ узкихъ переулковъ, за коими рѣжутъ барановъ, или выдѣлываютъ кожи, и среди конхъ расположилсь семи собакъ кругомъ надины, длинный крикливый рысокъ наваленный овощами, рыбою и грязною шолпою народа — вопль первая каршина вась ожидающая, когда по прибытіи въ Констанщинополь ваша шлюбка причалишь къ пристани Галапы, и ваше воображеніе, еще сохраняя роскошныя впечатлѣнія панорамы Сшамбула и Босфора, коею любовались съ палубы корабля, представивши вамъ эту спрану подобною плодамъ береговъ Мершваго Моря, прекраснымъ снаружи — и наполненнымъ гадинами. Не одинъ путешественникъ, проходя въ первый разъ зловонную Галапу, ошь души жалеть, зачѣмъ не просилсь съ эпою спраною послѣ перваго взгляда на нее съ корабля, и не ухаль съ Босфора, какъ шомъ Англичанинъ, кошорый бивъ преду-

вѣдомлень о каршинахъ ожидавшихъ его на берегу, оспался безвыѣздно нѣсколько дней на корабль, въ ожиданіи попутнаго вѣтра, и поплыль обратно, чтобы сохранить такимъ образомъ несравненное впечатлѣніе панорамы Константинополя и Босфора въ ея магическомъ совершенствѣ. Послѣ роскошнаго проспекта видовъ и картинъ, среди коихъ разгульно блуждали ваши взоры отъ пейзажа въ пейзажъ, отъ причудливой архитектуры кіосокъ, отъ свѣжески садовъ и отъ необъятныхъ мраморныхъ массъ мечетей въ дрожащее ихъ отраженіе въ волнахъ, и въ глубокой куполь неба — вы спѣсены въ узкихъ улицахъ, ваше зрѣніе отражаетъ отъ пасмурнаго цвѣта уродливыхъ зданій, вашъ слухъ отъ крикливыхъ продавцевъ, и болѣе всего ваше дыханіе, ваше обоняніе отъ духоты, которая какъ зараза впилась въ улицы Галаши. Всѣ ваши впечатлѣнія безжалостно убиты; вы хотите утѣшиться блестящимъ колоритомъ неизмѣннаго неба, и спросить: ужели это та самая страна, которую обѣгали недавно ваши очарованные взоры! — чтоже? — такъ какъ живительное дыханіе Босфорскихъ зефировъ не долеплетъ до этихъ мѣстъ, такъ какъ виды бере-

говъ и моря закрылись вѣпхими кучами домовъ въ извивистыхъ улицахъ, пакъ и небо заслонилось высокими здаѳіями, и едва просвѣчивается его узкая полоса въ изломанной рамѣ широкихъ карнизовъ, далеко выдавшихся надъ домами.

Мѣстами среди домовъ показывается спаринная крѣпостная стѣна, построенная Генуэзцами, и вы проходите подъ воротами копорыя никогда не запираются. Она остаеется дряхлымъ, разорваннымъ памяшникомъ морсходной республики; въ одномъ изъ ея угловъ поднимается тяжелая башня, на коей во времена владычества Генуи развивался ея алый крестъ на супротивъ устарѣлыхъ орловъ Визанціи. Мѣстами стѣна совершенно развалилась; ея матеріалы послужили для построения новыхъ домовъ и мечепей; каждая развалина, оставленная какъ слѣдъ прешедшихъ народовъ, служить камсоломнею для народовъ заступившихъ ихъ мѣсто. Большою частію прилѣплены къ стѣнѣ въ обѣихъ споронѣ дома, коихъ кровли соспавляютъ надъ нею пестрый вѣнецъ.

Было время когда эта грязная, мерканшильная Галана, соспавляющая вмѣстѣ съ холмомъ Перы XIII и послѣдній регионъ Констанцианско-

ля, предписывала законы *Всемирной столицей*. Купеческое племя Генуэзцевъ и Венеціанъ успѣло выпросить, потомъ купить, потомъ завоевать привилегіи, которыя давали имъ въ полное владѣніе это предмѣстіе. Правда, они признавали себя вассалами Императорской короны, такъ какъ Венеція вспарину признавала себя подъ безсильнымъ скипетромъ Кесарей; но когда ихъ метрополіи располагали судьбами Имперіи, повиновеніе коммерческихъ колоній соспояло въ пустыхъ обрядахъ, коими могущесшвенное племя купцевъ льстило Византійской гордостии. Когда Михаилъ Палеологъ изгналъ изъ Константинополь Балдуна II, послѣдняго изъ Французскихъ Императоровъ дома Куртеной (1261) онъ, въ ознаменованіе своей признательности Генуэзцамъ, за оказанное ему пособіе, подарилъ имъ Галату, разрушивъ прежде ея укрѣпленія. Въ эту эпоху глашатая и возвыщали народу, что одни Императорскіе эдикты внушали врагамъ Имперіи болѣе страха, нежели самыя многочисленныя войска; а Императоры искали золота у торговыхъ республикъ, и вошновъ для защиты престола — въ сбродѣ искашелей приключеній; для удовольстворенія первыхъ — своихъ алчныхъ заимодав-

цевъ, они дарили и продавали участки своей Имперіи, и рвали лоскутья распадавшейся порфиры; а наемные пѣлохранители сами, какъ хищныя звѣри, терзали злополучную Имперію. Византійское щеславіе утѣшалось призракомъ древняго величія; Палеологъ шребовалъ у Генуэзцевъ только, чтобы ихъ *Юдеста*, или правитель колоніи назначенный опть Республики, по прибытіи въ Константинополь дважды преклонялъ колѣно въ Аудіэнць-заль, и попомъ цѣловалъ руку и погу Кесаря; сенаторы Генуэзскіе должны были соблюдать попомъ же обрядъ при своемъ представленіи, а Генуэзскіе корабли, проходя подъ окнами дворца, должны были привѣстствовать восклицаніями.....*

Вскорѣ попомъ ударили новыя шревоги, и междуособіе двухъ Андрониковъ, коимъ воспользовались Венеціанцы, чтобы вмѣшаться въ шапкія судьбы Имперіи, подало поводъ Генуэзцамъ обвести спѣшною Галаму; тогда дерзосісь энихъ купцовъ скинула личину; они вели войну съ вѣч-

* Этоитъ любопытный фактъ, который болѣе говоритъ о состояніи Имперіи въ шу эпоху и о духѣ Императоровъ, нежели цѣлыя помы комментарій, сохраненъ у Пахимера и у Грегора.

шымъ своими соперниками Венеціанцами въ глазахъ Греческаго Императора, въ его столицѣ; однажды даже хотѣли арестовать самого Императора за долги. Но нѣсколько Генуэзцевъ съ храбрыми Джусиніани были единственными представителями Христіанской Европы при великой драмѣ, которая рѣшала судьбы Востока.

Самыя историческія воспоминанія Галапы внушаютъ мрачное впечатлѣніе; я спѣшилъ на холмъ Перы, чтобы съ высоты его насладиться вновь видомъ Сизамбула, который открылся моимъ усталымъ взорамъ въ рамѣ могильныхъ кипарисовъ и развалинъ, оставленныхъ недавнимъ пожаромъ. Другихъ впечатлѣній я въ Перь не искалъ; лучшее пребываніе здѣсь наводитъ убійственную скуку; лучшее общество — Европейскія миссіи проводятъ льшо на Босфоръ; остается одинъ торгующій классъ; немногіе Европейцы поселенные здѣсь такъ свыклись съ празднымъ спокойствіемъ Азіянца, такъ довольны вечернею прогулкою на кладбищѣ, что не чувствуютъ ни скуки ни лишенія общества. Когда я спрашивалъ: гдѣ вы проводите вечеръ? — всегдашній отвѣтъ былъ: просижу у себя, выкурю трубку табаку; и совѣшавши мнѣ дѣ-

лапъ поже. Въ продолженіе немногихъ дней проведенныхъ мною въ Перѣ, послѣ долгихъ моихъ прогулокъ въ Синамбуль и въ окрестностяхъ, я былъ въ необходимости довольствоваться однимъ вечернимъ развлеченіемъ трубки, и какъ говорятъ Османлы «разгоняшь облако скуки облаками дыма».

Я осматривалъ арсеналь, и за умѣренную плату получилъ позволеніе войти во внутренность адмиралтейскаго оспрога, объ которомъ носились въ Европѣ столько ужасныхъ слуховъ. Мое воображеніе живо хранило еще мрачное описаніе этихъ мѣстъ въ прекрасномъ романѣ Гюгго. Высокія свѣтны, мрачныя своды и башни, подземныя ходы, и среди всего этого поражающій звукъ дѣпей и стонъ спрадальца — вотъ картина, оспавленная въ моей памяти по прочтеніи *Анастасія*, и теперь получившая новую жизнь, когда я готовился всупить въ это жилище спрадавія. По воображенію себя свѣтны, не многимъ выше того забора, чрезъ который въ дѣтствѣ случилось вамъ украдкою перепрыгнуть за грудами, деревянныя ворота, подъ ними на цыпковъ нѣсколько грязныхъ солдатъ, попомъ обширный дворъ, и въ немъ сотни двѣ или три

преступниковъ. Не знаю что я почувствовалъ при видѣ этой прозаической тюрьмы, которая подала поводъ къ прекраснымъ описаніямъ Англійскаго романиста, и не спомню ни одной изъ тюремъ оспавленныхъ Венеціанцами въ крѣпостяхъ, и напоминающихъ во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ простиралось владычество республиканской инквизиціи, *свинцовые чердаки и колоды* Св. Марка*. И здѣсь меня ожидали каршины нещасія, сираданія и порока, но онѣ не носили на себѣ печати поэтическаго ужаса.

Преступники употребляютъ въ арсенальскихъ рубахахъ; въ это время они гуляли, или лежа на солнцѣ отдыхали. Всѣ были въ кандалахъ, и даже нѣкоторые изъ нихъ связаны попарно тяжельми и коронками цѣвлями; одни не могъ сдѣлать малѣйшаго движенія, не преревожа шоварища своихъ сираданій. Въ одной по-

* *I rombi, i rozzi*—такъ назывались тюрьмы Инквизиціи; первыя были ничто иное какъ свѣтые чердаки, покрытые свинцомъ, въ которыхъ мучились заключенники отъ солнечнаго зноя; вторыя — узкія, сырыя подземелья. Я видѣлъ подобныя тюрьмы, въ которыхъ едва могъ помѣститься человекъ; въ гнилломъ ихъ воздухѣ сираданія несчастныхъ оканчивались только съ жизнью. Были люди, которые прожили въ этихъ тюрьмахъ 40 лѣтъ.

добной группѣ поразило меня соединеніе спарика, съ длинною бѣлою бородою, съ яснымъ лицомъ, цвѣщущимъ подъ румянцемъ здоровія, и съ взглядомъ, въ коемъ изображалась спокойная вѣра въ предопредѣленіе, презиращая всякое земное утѣшеніе, и молодаго спрадальца, измученнаго долгою неволею, одержимаго сильною лихорадкою, и убитнаго подъ бременемъ своихъ спраданий нравственныхъ и физическихъ. Двѣ эпохи спрадальческой жизни сближались здѣсь между цѣнами въ разительной противоположности; старость въ самой неволѣ проявлялась во всей своей величественной красотѣ, исполненная жизни и утѣшенная вѣрою, а юность — изнеможенная, блѣдная, и лишенная даже подпоры мусульманскаго фашизма. Это были Янычары, осужденные кончить жизнь въ неволѣ адмиралшейскаго оспрога; почти половина преступниковъ принадлежала къ разрушенному оджаку. Большая часть изъ нихъ, казалось, свыклись съ новымъ родомъ жизни, и преспокойно курили шрубки; ибо въ Турціи нѣтъ мяса, въ которое не проникла бы благодѣтельная выдумка дикихъ Американцевъ, для утѣшенія человѣчества.

Болѣе всѣхъ преслупниковъ заключенныхъ въ оспрогъ меня поразили своими фizioноміями Албанцы, посланные изъ Румелии Верховнымъ Визиремъ за бунны, и за то чпо не хотѣли промѣняшь свою красивую фусшанелу, классическую драпировку Гомеровыхъ героевъ, на прозаическій костюмъ *Магометовыхъ побѣдоносныхъ воиновъ*. И въ кандалахъ силлились они сохранить гордую поспуль горцевъ; ихъ сухая улыбка напоминала воиновъ Аларика, привыкшихъ услаждать взоры видомъ обласней устьянныхъ развалинами.

Посреди оспрога поднимается старое, уродливое зданіе, въ кошоромъ проводятъ ночь преслупники; верхній этажъ назначенъ для Музульманъ, нижній для другихъ народовъ подвласныхъ Порты; привилегированная нація и въ цѣпяхъ не разстася съ аристократическими своими притязаніями. — Чрезъ все зданіе проходитъ узкій корридоръ; одно эпо мѣспо покрыто вѣчнымъ мракомъ, и внушаетъ нѣко порый ужась, согласный съ впечатлѣніями шюрмы. Но эпошь корридоръ служишь рынкомъ, и въ его пошьмахъ при блѣдной лампадѣ, преслупники покупають свои провизіи; правительсво даетъ имъ по

Фунду хлѣба и по кружкѣ воды; часныя подаванія и пособія, посылаемыя въ особенності Христіанамъ отъ ихъ церквей, доставляютъ имъ средства существованія; болѣе достаточныя изъ нихъ могутъ за нѣсколько паръ услаждать свою неволю чашкою Аравійскаго нектара.

Въ глубинѣ черной преспективы корридора падаетъ сомнительная полоса свѣта, какъ лучъ надежды среди печалей и спраданій; тамъ укрылась небольшая Греческая церковь, и эпопѣя свѣтъ — небесный свѣтъ той религіи, которая не покидаетъ несчастливца отчужденнаго отъ общества, и приноситъ ему свои чистыя утѣшенія, и подкрѣпляетъ его вѣру, и внушаетъ ему лучшія надежды. Старый священникъ читалъ молитвы по усоншемъ; около сорока члвкъ Грековъ, Албанцевъ, Босняковъ, Болгаръ — всѣхъ народовъ, соединенныхъ у олшаря православною Церквю и связанныхъ узами нещасія и неволи въ одно семейство, окружали гробъ почившаго страдальца. Не знаю были ли эти люди преслужники — но предъ величіемъ скорби и молитвы я видѣлъ въ нихъ только спадю Христіанъ, и принялъ участіе въ ихъ молитвѣ. Я

говорилъ попомъ съ священникомъ, которому Греческій Папріархъ ввѣрилъ, по собственному его вызову это высокое и истинно Христіанское мѣсто. Чшо можетъ бытьъ прекраснѣе и благороднѣе самоопроверженія чловѣка, копорый рѣшился поселиться въ это жилище спраданія и порока, раздѣлять неволю преслушниковъ, бытьъ поспояннымъ свидѣтелемъ явленій, копорыя приводящъ васъ въ содроганіе при одномъ воспомнаніи, шерпѣшь опъ варварства и фанатизма Турецкой спражи — и это все безъ всякой земной цѣли, безъ всякаго земнаго возмездія! Такъ какъ въ полвническомъ мірѣ, въ эпохи народныхъ бѣдъ и скорбей, обыкновенно являющія великіе характеры и высокія призвація, такъ и въ жизни народа, подлѣ каршины порока и спраданія, свѣпшился утѣшительная картина добродѣтели.

Здѣсь и Каполики имѣли прежде свою капеллу; но духъ прозелитизма, одушевлявшій ихъ миссіонеровъ, нарушалъ даже могильное спокойствіе этой шемницы, и Турки наконецъ ихъ выгнали. Турки не имѣють мечети въ осирогъ; чшо можетъ сказать спрадальцу религія, Магомета? какое утѣшеніе данъ чловѣку, копорый

прежде всего долженъ вѣрнѣе, чѣмъ часъ его заключенія и его освобожденія, и все чѣмъ онъ перпишъ давно начертаны въ книгѣ судьбы, а онъ — одно слѣпое орудіе неизмѣннаго рока?

Если Адмиралтейскій оспрогъ обманываетъ ваши ожиданія въ отношеніи къ ужасу, за то съ другой стороны отвратительная неопрятность, царствующая во всѣхъ углахъ, превосходнѣе всякое описаніе. Здѣсь свирѣпствуютъ многія болѣзни; я видѣлъ несчастныхъ, которые въ сильномъ пароксизмѣ лежали въ грязи и грѣлись на солнцѣ, едва прикрывая лохмотьями свою наготу; многіе были заняты истребленіемъ гаднѣй, которыя ползали на живыхъ ихъ трупахъ; иные протягивали руку, прося подавнїя; я просилъ священника раздасть нѣсколько серебряныхъ монетъ болѣе достойнымъ сосиранданія между ними.

Адмиралтейскій оспрогъ замѣняетъ въ Констанцинополѣ ссылку на галеры; сюда посылаются преступники всѣхъ народовъ подвласныхъ. Порты, и даже Европейцы, въ особенности Италіянскіе моряки осужденные консулами своихъ націй; въ разнонародной толпѣ преступниковъ показывалось нѣсколько бродягъ въ кру-

Часть II.

глыхъ шляпахъ. Духовные Главы Грековъ, Армянъ и Евреевъ, облеченные въ Турціи и гражданскою властію надъ своимъ спадомъ, посылаюшъ также въ оспрогъ за важныя пресупленія, иногда на опредѣленное время, иногда на всю жизнь.

Г Л А В А II.

Рѣшимость — Приспань — Преобразование Турецкихъ головъ. — Археологическія погрѣшности Турокъ. — Посуда, оружіе и надгробный камень. — Табачная промышленность и народное сочувствіе. — Очеркъ базаровъ. — Дерзость Турчанокъ. — Маленькіе фанатики и рокъ благочинія. — Книжки и богословскія прѣнія. — Судьба типографіи и манифестъ о ней. — Силлогизмъ улемъ. — Государственная газетта. — Бумага. — Сабля, ножъ палача и кинжалъ. — Кавалистическая надпись. — Ханы. — Экипажи — Разнощники и заколдованный шкапъ.

Когда я намѣревался посѣпить базары Константинополь, меня пугали опасеніями чумы. Она не свирѣпствовала въ эту эпоху въ Сшамбуль открыто и разгульно, какъ въ прошедшемъ году, но опъ времени до времени неожиданно появлялась въ разныхъ кварталахъ, и какъ шапъ поражала одинокія жертвы. — Я не намѣревался проспиться съ Константинополемъ, не посѣпивши еще разъ пѣ мѣста, копорыя при всѣхъ преобразованіяхъ Махмуда сохраняютъ еще свой Воспощный характеръ, среди коихъ въ обѣднѣвшей столицѣ Турецкой Имперіи, видя остатки ея спаривной азійской роскоши, вы можете вообразить себя на рынокъ Багдада и древней

Испагани. Припомъ въ Турціи надо непременно бытъ фапалистомъ; начиная опъ всиръчи съ гробомъ на улицъ до легкой головной боли—все будеть васъ перевозитъ и мучитъ, во всемъ будеть являться ужасающій приракъ смерти. И попому я, со всею рѣшимосцію спараго Дервиша, сълъ въ кайкъ у Топханы, и вмѣстѣ съ Армяниномъ моимъ провожаемымъ опправилъ ся къ приспани Бакче-Капысы, недалеко опъ Серая. Эпо самая многлюдная изъ Стамбульскихъ приспаней; въ раннее утро сюда причалилъ въ изящномъ кайкъ вельможа, идущій въ засѣданіе Дивана, и просипель съ челобитнею; Армянскій банкиръ, служащій въ монешномъ дворѣ, купецъ, копорый провелъ ночь въ загородномъ домѣ и возвращается къ своимъ дневнымъ занятіямъ, призванный къ Поршѣ за конприбуціею или посланный въ шюръму опальный богачъ, и иногда Франкъ, копораго привлекаетъ одно любопытство въ эту разнохарактерную шолну.

Впрочемъ если вы въ Европейскомъ плашьѣ, у приспани непременно привѣщивуетъ васъ слово *Базирьянъ*, купецъ; попому что Турокъ никогда не пойметъ, чшобы изъ далекой земли Франковъ вы шли къ нему съ другою цѣлію,

кромѣ надежды обогатишься на щепъ право-
вѣрныхъ кармановъ; любопытство, которое бро-
саетъ Европейскаго путешественника въ раска-
ленные снѣги Африки, въ глушь Американскихъ
лѣсовъ и въ страну тающего льда, останет-
ся всегда непонятнымъ для Азіянца.

Первая вещь, которая поразитъ васъ въ пол-
къ на площади, между приспанію и крѣпостны-
ми вратами Бакче-Капысы, первая перемѣна пре-
образованнаго Спамбула та, что вмѣсто беско-
нечнаго разнообразія фантасмической чалмы,
вмѣсто *кавуковъ*, *колпаковъ*, *колафовъ*, по коимъ
узнавались всѣ классы Спамбульскихъ жителей,
найдете одни алые фесы подъ шелковыми сини-
ми кисьями. Не одни только военные, но всѣ
сословія Спамбула кромѣ Улемъ должны были
опказаться опъ спариной чалмы, подъ копо-
рою согрѣвался фанатизмъ правовѣрныхъ головъ;
даже Греческіе и Армянскіе купцы разлучились
съ своими огромными шапками въ видѣ пузырей
изъ Крымскихъ барашекъ, и надѣли фесы. На
одни головы Евреевъ еще не подулъ въперъ
преобразованій.

Я опъ души досадовалъ на эту сторону пре-
образованій, которія совершенно испортили

живописный эффект Спамбульскихъ головъ; было прежде до шестидесяти различныхъ образовъ ношенія причудливой чалмы; тонкая Англійская кисея, узорчатые шкани Малой Азии и богатые шкани Кашемира — все служило для красивыхъ складокъ и граціозныхъ круговъ на головъ правовѣрнаго; яркіе ихъ цвѣта заставили кого-то сравнить собраніе Музульманъ, когда на нихъ смотришь съ высокаго мѣста, съ цвѣтникомъ, въ коемъ рука садовника небрежно разбросила весь богатства Флоры. Теперь удачно сравниваютъ толпу Мусульманъ, подъ красными фесами и синими кисьями, съ полемъ усеяннымъ василькомъ и краснымъ макомъ. Не знаю останетсѣ ли на всегда этошъ досадный фесъ единственнымъ головнымъ уборомъ въ Турціи; но, не говоря уже о томъ, что онъ некрасивъ для фронта и портитъ введенный Султаномъ костюмъ, онъ не можетъ понравиться Туркамъ болѣе всего потому что въ спирани, гдѣ лучи солнца падаютъ почти вертикально на голову, онъ не предохраняетъ зрѣнія; а на шаричныхъ чалмахъ въ пору лишняго зноя прибавлялись складки, и составляли родъ козырка. Говорятъ даже, что самъ Султанъ въ 1828 году, когда

быль заняпъ нѣсколько мѣсяцевъ сряду войсками въ лагерь въ Даупъ-Паша, гдѣ во время войны съ Россіею спюяло знамя Пророка, сильно спрадалъ глазною болью. Но онъ въ пвердомъ намѣреніи преобразованъ свой народъ, началъ съ его головъ, или лучше сказанъ съ головныхъ уборовъ; злые языки даже говоряпъ, что покаместъ преобразование большей части Турецкихъ головъ ограничилось фесомъ; можетъ бытъ это пошому что и шеперь подъ фесомъ, какъ прежде подъ чалмою, скрывается бриная голова, съ однимъ только клочкомъ волосъ посрединѣ, немногихъ волосъ, копорые Мусульманину всего дороже, пошому что за нихъ ангель смерти долженъ пощадить его въ Магомешовъ рай.

Бакче-Капысы, или садовыя вороша, назывались во время Греческой Имперіи *прекрасными вратами*; и шеперь въ нихъ проглядываетъ спаринная ихъ красаща, хопя Турецкія надписи ихъ покрываютъ. Турки весьма мало свѣдуши въ Археологін, и безъ зазрѣнія совѣспи на памятникъ другаго народа часно выспавляютъ какой нибудь годъ своего льшосчисленія, какую нибудь надпись изъ своего корана, имя какого нибудь Султана: я опъ души прощаю имъ эти

оскорбленіе священи, каждый разъ, когда оно выкупаеѣся живописнымъ эффектомъ мрамора и позолоты. Недалеко отъ воротъ, въ уютномъ заливѣ, сполнѣ парадныя цѣлюбки Сераля; красивыя ихъ формы и роскошныя убранства, зеленый кіоскъ на берегу, огромный мраморный фонтанъ маврипанской архитектуры, пощомъ набережная Сераля и дряхлыя сѣсны Конспанпинополя — все это соединилось въ одну очаровательную картину.

За воротами самая многочюдная часть города и центръ Стамбульской торговли; все роды Стамбульской промышленности соединились въ шѣсныхъ улицахъ, которыя выюся между домовъ, прилѣпленныхъ къ сѣнѣ, и длинныхъ рядовъ деревянныхъ лавокъ, или ползающъ по скалпу первого холма Конспанпинополя до Гипподрома. Въ огромномъ дворѣ каменщики изсѣкающъ изъ бѣлаго мрамора памятники различныхъ формъ для Мусульманскаго кладбища, вырѣзываютъ надписи и узоры, и покрываютъ позолотой; далье оружейные маспера гнутъ въ дугу Дамасскую саблю, и выдѣлываютъ перламутровыя и серебряныя украшения на Турецкихъ пистолетахъ; далье производятся шумныя рабо-

пы мѣдной посуды. Здѣсь вся жизнь въ шрехъ каршинахъ: средства кормить людей, ихъ убивать и камни для ихъ гроба. Спукъ молоша о, мѣдь, о сшаль, о камень, слился въ оглушающей концершъ; и не смотря на то, чпо въ Сшамбуль ишь ни экипажей ни колоколовъ, но спеченіе столькихъ шумныхъ промышленостей почти замьняетъ колоколыни Хрисшанскаго мѣра, и мосшювя Европейскихъ сполщъ.

Но и забыль упомянушь о другомъ родѣ работъ; онъ не оглушающъ васъ; онъ не наводящъ ни шраурнаго впечатльнїя надгробныхъ камней, ни кровавыхъ впечатльнїи Азіянскаго оружія, ни гаспрономическихъ идей Мусульманской кухни. Онъ напоминающъ вамъ только услажденіе Турецкаго кейфа и его воспорженную лѣнь; поэтому-то эти работы производящя шихо, людьми, которыхъ можеше принять за Восшочныхъ мудрецовъ, смотря на спокойствіе ихъ физіономїи, на старинные ихъ костюмы, на длинный рядъ лавочекъ, въ конхъ сшдящъ они съ очками сжимающими ихъ носы, сложивъ ноги и сгорбившись въ недвижную дугу, и въ пространствѣ двухъ квадрашныхъ аршинъ помѣспились со всею своею торговлею со всеми инструменшми сво-

его миролюбиваго заняшя. Вы безъ сомнѣнiя угадали, что эти мудрецы заняты выдѣлыванiемъ янтарныхъ мушпуковъ, шрубокъ изъ черешневыхъ и жасминыхъ шросней и всѣхъ принадлежностей дымныхъ наслажденiй Турка. Это самая цвѣтущая промышленность Стамбула; ей вся природа плашншъ дань своихъ произведенiй: волны усердно выносятъ сокровище морскаго дна — лимонный или молочный янтарь для мушпуковъ; кораллы южныхъ морей и алмазы Калькуты служатъ для ихъ украшенiй; черешня и жасминъ Алена доставляютъ садовнику прямыя и гладкiя шросни, которыя Армянскимъ художникомъ невидимо связываются въ ариспокрапически длинныя чубуки, или покрываются чехломъ изъ пошкой шелковой ткани, съ шелковыми киспями; глина Богемiи и Венгрии обращается въ шрубки безконечно разнообразныхъ формъ, которыя подъ блестящею позолотою издаютъ облака дыма, какъ лзыческiе олшари; самый пабакъ, это невинное жертвоприношенiе, этошъ предметъ лучшихъ думъ и лучшихъ наслажденiй Стамбула, произрастаетъ обильно въ поляхъ Фессалии и Малой Азии, и нигдѣ въ шаромъ свѣтъ не бываетъ столь хорошихъ качествъ.

Присоедините къ этому неоцѣненное искусство Сипамбульскихъ артистовъ, вкусъ, съ которымъ выдѣлываютъ они янтарь въ самыя счастливыя формы, чистоту ихъ работы, даже въ эмали, которая ни въ какомъ другомъ издѣліи не усовершенствована до такой степени въ Турціи, и вы увидите что и Природа и человѣкъ соединили свои усилія, чтобы усовершенствовать это искусство испруменіи Турецкаго благополучія. Можете быть это доказываетъ, что безъ народнаго сочувствія ни одна отрасль промышленности не можетъ достигнуть высокаго развитія. Издревле Англія усовершенствовала свой любимый напитокъ портеръ, Голландія джипъ, Пинаія соломенные шляпы—эти воздушные щиты отъ стрѣлъ пропитческаго солнца, а Россія мѣха, какъ панцыри въ настойчивой борьбѣ богатырскаго народа съ дыханіемъ злыхъ колдуновъ, засѣвшихъ подъ полюсомъ; весьма естественна что Турки занялись усовершенствованіемъ курительныхъ потребностей, какъ перваго условія своего счастья.

Пожары, случившіеся въ началѣ царствованія Махмуда, и повторившіеся въ началѣ его преобразованій, обратили въ пепель эту часть го-

рода; многіе базары сгорѣли со всѣми приходящими восточной роскоши; купцы успѣли выспрошиться вновь; жизнь и дѣятельность этой чаши города давно уже сперли слѣды пламени. Я посѣнилъ безсметнъ и другіе богатые базары. Это огромныя каменныя зданія, иногда весьма счастливой архитектурѣ, причудливой, самобытной, съ легкими поршиками съ широкими куполами, но большею частію массивныя и тяжелыя. Хотя я нашелъ базары въ эту эпоху гораздо бѣднѣе нежели въ старыя годы, но подъ широкимъ куполомъ, при слабомъ освѣщеніи чрезъ отверстіе продѣланное въ немъ, выспавка дорогихъ поваровъ имѣетъ что-то очаровательное. Персидскія шали, Сибирскіе мѣха, Кашайскій фарфоръ, драгоценныя камни Индіи, кораллы Африки, перлы Персидскаго залива, яншарь Пруссіи, дорогое Турецкое оружіе, восточныя издѣлія изъ золота и серебра, ковры и шкани Малой Азіи, богатые старинныя костюмы—все это или перемѣшанное, или расположенное систематическими группами, со всѣмъ умѣніемъ купца привлекаетъ ваши взоры, производитъ самый живописный эффектъ. Яркость и блескъ красокъ напоминаетъ вамъ Воспокъ »тысячи од-

ной ночи, « Воспокъ вашихъ дѣтскихъ фаншазій.

Здѣсь всегда полпа посьпипелей и покупателей; въ шѣсношѣ любяшѣ прогуливашься шакже группы Турчанокъ, между коими должно проходитьъ очень ошорожно, чшобы не навлечь на себя гнѣва прекрасныхъ посьпипельницъ; случается ипогда, чшо среди базарнаго многолюдія не только разбраняшѣ, но даже и поколопяшѣ весьма исправно франка, кошорый неучшиво ихъ шолкнешѣ; эши воспочныя дамы весьма сердшаго права, и если шерпяшѣ униженіе въ правовѣрномъ общесивѣ, но знаютъ свои права и свою неприкосновенность. Должно впрочемъ согласишья въ шомъ, чшо вообще Сшамбульскій народъ сталъ гораздо учшивѣе послѣ Сулшанскихъ преобразованій, и гораздо лучше обходишья съ франками и въ часпной бесѣдѣ и на улицахъ, особенно послѣ Забалканской войны. Во всѣхъ моихъ прогулкахъ по Сшамбулу ни разу не случилось мнѣ слышашѣ за собою эшпешеты гяуръ, *френкъ-кіопекъ* (п. е. Франкская собака), и другія еще болѣе выразишельныя учшивости, кошорыя еще недавно навлекала на себя во внушреннихъ кваршалахъ города круглая шляпа

Европейца. Однажды даже всерьезнилась мнѣ полпа маленькихъ фанашиковъ, кошорые возвращались изъ школы; одинъ изъ нихъ вздумалъ по старинному обыкновению, кошорое сохранилось еще въ провинціяхъ, въ деревняхъ, бросить на меня камень, но проходящій Турецкій офицеръ спалъ, послѣ урока о благоправіи стараго ходжи, давалъ ему на улицѣ чувствительный урокъ благочинія, доколь мое посредничество не избавило маленькаго Османлы.

Такъ какъ многіе базары открыты только въ извѣстное время, шорговля производится въ нихъ съ необыкновенною дѣятельностію и шумомъ: въ каждомъ углу купецъ хвалитъ громгласно свои повары; на иной эспрадѣ спюитъ Турокъ въ шапальной позѣ въ шапальномъ костюмѣ, держитъ въ рукѣ, кинжалъ, и чшобы вы не подумали чшо это герой какой-нибудь трагедіи — онъ предлагаетъ вамъ его купить. Такъ какъ шумъ мепаллическихъ и мраморныхъ работъ оглушилъ меня прежде, такъ въ эсихъ базарахъ разговоры, крики, споры нѣсколькихъ тысячъ людей сливались въ утомительное жужжаніе; пришомъ воздухъ здѣсь ушпанъ любимымъ ароматомъ Турніи, розовымъ

масломъ, котораго пшжельй запахъ трудно перенести безъ головной боли.

Для вдохновенія я посѣтилъ базаръ книгъ и рукописей; это область пауки и молчанія; писцы, сидя на эспрадахъ лавочекъ, съ благоговѣніемъ писали копии корана; другіе вырисовывали красными чернилами заглавія, другіе прудились надъ узорчатыми надписями, и для всѣхъ этихъ работъ правое колено служило единственнымъ письменнымъ столомъ.

Вспаршу франкамъ не былъ позволенъ входъ въ это святилище науки, чтобы нечестивые ихъ взгляды не оскорбили священной коллекціи корана. И въ чистомъ деизмѣ Магомешова ученія, его послѣдователи не совсемъ освободились отъ древняго идолопоклонства, и оно сосредоточилось въ почитаніи книги, которой листы были предвѣчно писаны въ небѣ; въ XVII вѣкѣ еще происходили въ Стамбулѣ богословскіе споры о перукоспоренности ея, и кровавые преслѣдованія, казалось, возобновили въ плѣнной столицѣ Христіанскихъ Императоровъ эпоху иконокласповъ*. Но Исламизмъ во многомъ опспалъ отъ

* Такое же языческое уваженіе питаютъ Мусульмане къ слову *Аллахъ* и къ буквамъ его составляющимъ. Селымъ I

прежнихъ спрогоспей; теперь не только позволяется входить въ базаръ книгъ, но можете даже купить за нѣсколько сотъ рублей полную коллекцію печатныхъ Турецкихъ книгъ, и даже *нерукосотворенный* коранъ, котораго рукописи составляютъ главный поваръ эшаго рынка. Должно впрочемъ уведомить чинапеля, что число Турецкихъ книгъ весьма невелико, и чтобы вполне удовлетворить его любопытству, я долженъ упомянуть о судьбѣ Гуттенбергова изобрѣшенія въ Турціи.

Какой то ренегатъ, прозванный у Турокъ Басмаджи-Ибрагимъ, ш. е. печатникъ Ибрагимъ, представилъ Ахмешу III проектъ, въ которомъ онъ излагалъ выгоды книгопечатанія. Просвѣщенный Визирь и Султанъ, оцѣнивъ всю пользу эшаго искусства, должны были однакожъ уваживъ народныя предразсудки, и подвергнувъ дѣло рѣшенію Улемъ. Улемы не опытали въ Коранѣ ни одного слова запрещающаго книгопечатаніе, и пошому изъявили свое сохашишерифомъ объявилъ народу, что онъ идетъ войною на Египетскаго Халифа для защиты вѣры, потому что на Египетскихъ монетахъ было имя Аллаха, и эти монеты ходили по рукамъ нечестныхъ, и бывали во всякихъ мѣстахъ.

гласіе на введеніе его въ область правовѣрія, но только съ тѣмъ, чтобы никогда не могли печататься коранъ и книги религіи и законодательства; ибо, сказали они, будетъ явнымъ оскорбленіемъ святыни, чтобы предвѣщныя слова корана и святыя изрѣченія Магомеданскаго закона омывались въ металлъ, шерлись нечистою краскою, и страдали подъ гнѣсомъ писковъ.

Основываясь на этомъ заключеніи, Ахмедъ III издалъ весьма длинный Хашишерифъ, въ которомъ изчислялъ всѣ выгоды письма, передающаго отъ поколѣнія въ поколѣніе великія истины Исламизма; говорилъ попомъ о потерѣ многихъ драгоценныхъ рукописей древнихъ законшниковъ, въ эпоху Чингисъ-Хана и изгнанія Магомеданъ изъ Испаніи, о трудности распространить и едвали доступными каждому сокровища науки и премудрости, копорыя хранились въ рукописяхъ, и о несомнѣнной выгодѣ новаго способа получать однимъ трудомъ большое количество экземпляровъ, способа одобреннаго Улемами; онъ оканчивалъ благодареніемъ Аллаху, что его царствованію была предназначена слава открыть подобное заведеніе, и заслужить благословеніе правовѣрныхъ. Это была цѣлая диссер-

пація о книгопечатаніи; одно только не было упомянуто въ ней, что это изобрѣшеніе, служащее къ славы Исламизма, принадлежало гурамамъ, а это обстоятельство сдѣлало бы книгопечатаніе враждебнымъ въ умахъ народа.

Ренегатъ Ибрагимъ, начальникъ новаго заведенія, напечаталъ нѣсколько книгъ историческихъ и географическихъ и словари Арабскій и Персидскій; но со смертію его типографія пришла въ упадокъ, потому что, послѣ столькихъ лѣтъ трудовъ его, не нашлось ни одного Турка, способнаго управлять ею. Первое введеніе ея было въ 1727 году; она существовала восемь-надцать лѣтъ.

Отецъ Махмуда Абдуль-Хамидъ, по побужденію своего Визиря, издалъ Хашишерифъ о возобновленіи забытаго книгопечатанія, и плодомъ усилій его было изданіе еще нѣсколькихъ книгъ. Со смертію Визиря типографія опять пришла въ упадокъ. Она вошла потомъ въ число преобразованій Селима, и, какъ въ другіе его замыслы, была ниспровергнута Янчарскимъ бунтомъ.

Изъ этого видно только, что все улучшенія вводимыя въ Турціи бывающіе личными побуж-

деніями одного вельможи, одного Султана; народъ пребываетъ безспаснымъ ко всему, и неподвижный въ своихъ понятіяхъ, не хочетъ достигнуть къ чему ведутъ все новыя изобрѣшенія. Европа была кажется на нисшей степени образованія, нежели современная намъ Турція, тогда выдумка темнаго монаха первая разбудила ея спавшій гений. А въ Турціи уже цѣлый вѣкъ существуетъ книгопечатаніе, нѣскольکو разъ безвѣспно шерьалось оно, и его вліяніе досель пакъ вяло пакъ безжизненно. Можесть быль причину эпаго найдемъ и въ запрещеніи печананъ все относящееся до религіи. Такъ какъ, по старинной поговоркѣ, Турція есть страна противоположной, то и въ этомъ отношеніи, въ противоположь Хрисціанской Европѣ, которая нѣмъ болѣе полюбила книгопечатаніе, что оно распространяло въ народъ молитвенники и святое Евангеліе — предразсудки Турокъ не позволили печананія Корана.

Можесть быль причиною запрещенія было тайное опасеніе Улемовъ сдѣланъ доступными каждому истины Исламизма и его законы, и перемѣнить систему ученія, которая очершываешь ихъ сословіе магическимъ кругомъ древ-

нихъ жрецовъ Египта; можетъ быть дошли до нихъ слухи о переворопъ сдѣланномъ въ Западной Церкви книгопечатаніемъ.

Я говорилъ объ эшомъ предметъ съ Туркомъ, свободнымъ опъ многихъ предразсудковъ своихъ единовѣрцевъ; онъ представилъ мнѣ и другую причину. Нисшіе классы Улемъ существующъ уже сполько вѣковъ списываніемъ копій съ Корана, съ собраній *фетва*, и съ другихъ богословскихъ и юридическихъ книгъ; еслибы эши книги печатались, многія тысячи *кіатибовъ*, т. е. писцевъ, остались бы безъ средства существованія. Эшо напоминаетъ затрудненія Англійскихъ фабрикашповъ, каждый разъ когда опкрывается новая машина, уменьшающая число работниковъ.

Списываніе Корана составляетъ также самое богоугодное занятіе для Турокъ; эшо родъ религіознаго объша; Султаны и вельможи спавящъ себѣ иногда въ обязанность списать его, и есть при мечешяхъ цѣлыя библіотеки, составленныя изъ приношеній однихъ рукописныхъ Корановъ.

Махмудъ, хопя болѣе занятый военными преобразованіями, не забылъ впрочемъ книгопеча-

панія; новыя весьма красивыя липеры оплишы для Султанской типографіи у Дидота въ Парижѣ, и новаго изобрѣшенія спанки выписаны изъ Англіи. Книги напечатанныя въ нынѣшнее царствованіе опзываются эпохою; эпо нѣсколько опышовъ о должностяхъ офицера въ регулярномъ войскѣ, о Европейской шакпикѣ, и испорія истребленія Янычарь, о коей мы упоминали. Но вещь, копорая болѣе всего возбудила удивленіе и Турціи и Европы, еспь появленіе государственной газетшы, въ копорой помѣщаются акшы правительсшва. Воспокъ какъ будто хочеть сбросить съ себя покрывало шайнеспвенности, коимъ окушанъ, какъ саваномъ.

Въ Султанской типографіи болѣе всего поправилось мнѣ удобсшво, съ копорымъ работають Турецкіе наборщики; они сшдять на коврѣ, обставленные со всѣхъ сторонъ ящичками для липеръ, и въ шже время куряють свою шрубку.

Еспь оеобенный базаръ для бумаги, чернилъ и прочихъ шпробностей шурецкаго *кіатиба*; всѣ эти вещи совершенно особеннаго рода; наши чернила, наша бумага, наши перья не годящяся для Азіяшскаго письма. Бумага полируется дол-

гимъ нашіраіемъ какою-то костію; извѣстно чпо вмѣсто перьевъ употребляются въ Азіи камыши, какъ было въ древности въ Египтѣ и въ Греціи. Чернила Турецкія густы и блестящи, а чернилицы большею частію мѣдныя съ продолговатою ручкою; кіашибы продѣваютъ ихъ въ поясъ какъ кинжалы. Судьба бумаги въ Турціи подобна судьбѣ книгопечатанія; нѣсколько разъ основывались фабрики для писчей бумаги по въ долинѣ *сладкихъ водъ*, по на Азіяпскомъ берегу; но опъ нихъ оспалось полько наименованіе эпихъ мѣспъ *кеатъ-хане*, домъ бумаги, и эпошъ предметъ выписывается изъ Франціи и Испаніи.

Если хопите видѣть каршину прежней Турціи, въ ея первобытномъ Азіяпскомъ характерѣ, поспшите базаръ оружіи. Здѣсь найдете вы и извивистую саблю Дамаска, копорой клинокъ представляешъ рядъ округленныхъ зубцовъ въ видѣ пилы, и япаганъ съ лезвіемъ согнутымъ внутрь, и кривую саблю разширенную въ концѣ, и кинжалы всѣхъ формъ. Старый Турокъ объяснитъ вамъ всѣ свойства *Кара-корасана* и двадцати другихъ родовъ желѣза, копорымъ славятся оружейные мастера Малой Азіи; онъ съ одина-

ковою ловкостію перерубишь гвоздь и пуховую подушку саблею, которая въ неопышной рукѣ при первомъ ударѣ разлепится въ дребезги. Здѣсь вы плѣнитесь красою и богатствомъ Азіянскаго оружія; серебро и золото, Египетская яшма, коралы, слоновая кость, изумрудъ, рубинъ, алмазь и жемчугъ, всѣ драгоценности Востока сіяютъ на рукоятки, и всѣ эти приходящія украшенія подвержены самому разборчивому вкусу.

Списки изъ корана и разныя надписи выдѣланы изъ золота на дорогихъ клинкахъ; мы перевели многія изъ нихъ: »Съ кѣмъ я, пощъ не боинся вражьяго булапа«, или »Дарую тебѣ побѣду надъ невѣрнымъ«, или »На защиту друзей, на гибель враговъ«, а чаще всего »Пощъ бога кромѣ Бога«. Есть надписи длинныя и замысловатыя, которыя покрываютъ какъ узоры верхнюю часть клинка, но никакъ не могъ мы ихъ расшифровать; можешь быть они были Персидскія, можешь быть родъ письма былъ неизвѣстенъ и кушу и моему переводчику*.

* Чипатель вспомнилъ, что въ Турціи употребляются различныя формы письма, и каждая форма исключительно присвоена чему нибудь: Султанскимъ фирманамъ, частной персидскъ, юридическимъ книгамъ, надписямъ и пр.

Болѣ заняла мое любопытство старинная сабля съ Греческою надписью, подѣ девизомъ креста св. Константина и словами *ἐν τούτῳ νίκα*. Я съ трудомъ могъ разобрать, что она сдѣлана мастеромъ Анаполиемъ въ Тривизондѣ для «благочестиваго Ласкариса». Кто эпитъ Ласкарисъ? ужели Императоръ? Вся моя археологія не могла мнѣ пояснить къ какому вѣку принадлежишь надпись. Турокъ смѣялся надъ моими усиліями прочесть ее, и надъ моею увѣренностію, что я ее понялъ. Онъ показывалъ ее многимъ оружейнымъ мастерамъ, и никто не могъ разобрать; показывалъ и ученому ходжѣ, копорый увѣрилъ его, что старинныя письмена, походившія въ самомъ дѣлѣ на кабалистическіе знаки, составляли таинственный палиманъ, понятный развѣ для того, кто владѣеть Соломоновымъ перстнемъ и сошымъ имепемъ Аллаха. Можетъ быть по этому онъ не охотно мнѣ показывалъ саблю, и запросилъ за нее 15,000 піаспровъ, хотя она была оправлена весьма просто.

Въ споронѣ ошъ сабель и яшагазовъ висѣлъ ножъ особеннаго рода, короткій въ при чешверти аршина, и широкій почти въ чешверть;

я съ содѣоганіемъ узналъ ножъ Сшамбульскихъ палачей, уже бывший въ употребленіи; можешь быть одинъ изъ шѣхъ, которые звѣрски сверкали въ 1821 году подѣ моими окнами, и оставили во мнѣ сполько ужасныхъ воспоминаній. Самъ Турокъ совѣспился показывать это опврапипельное орудіе казни, на коемъ широкія пяшна ржавчины замѣнили пяшна крови; можешь быть рыцарскія понятія Азіяпца о свяпности военнаго оружія не позволяли концу осквернишь красивые ряды своихъ сабель соприкосновеніемъ ножа палачей; и Турки, при всемъ своемъ равнодушіи къ человѣческой крови, вышпаюптъ опврапценіе къ исполнителямъ пытокъ и смерпной казни. Только значительный доходъ эшой должпности, и право обирашь казненнаго и продавать его шрунѣ родспвенникамъ, даже награда общаемая мученикомъ за скорое исполненіе приговора, заманиваетъ Турокъ въ эшу должность. Въ Констанпнополь счпвается до 40 *джепаповъ*, или палачей, и въ каждой обласпи Паша имѣетъ при себѣ одного или многихъ. Не знаю, позволяется ли имъ входить въ мечепи, но они опчуждены опъ общества; мнѣ разсказывали объ одномъ изъ нихъ, копорый осна-

влялъ своей дочери огромное состояніе, и не могъ найсти ей жениха внѣ своего сословія.

Но коропкій кинжалъ, кошораго алмазы блестящъ на поясъ спараго Паши и молодой зашворницы гарема, кошорый приводитъ къ развязкѣ кровавья драмы шайной месни, или гаремныхъ интригъ, измѣннически висѣлъ между гордымъ оружіемъ Мусульманскаго война. Старый Турокъ мнѣ предлагалъ даже дорогой кинжалъ весьма красивой формы, и кошораго лезвіе было напершо надежнымъ ядомъ.

Въ другомъ мѣстѣ базаръ представилъ мнѣ собраніе оружія всѣхъ вѣковъ. Спальный лукъ, Черкесская кольчуга, Албанскіе *чепраки**, спаршныя Турецкіе щипы, ружья и писпелены всѣхъ возможныхъ формъ и размѣровъ — все это было перемѣшано какъ въ Музей. Были ружья оправленныя въ золото, въ серебро и въ перламушрь, другія съ фишилемъ вмѣсто замка, напоминающія древніе самопалы, другія длиною въ три аршина; изъ нихъ, Албанскій паликаръ спрѣлеленъ сидя за камнемъ, Майношъ изъ бонницъ своего укрѣпленнаго жилья, Кандіонскій горець Сфакиошъ, лежа навзничъ, и опирая шя-

* Родъ кирасъ, кошорыя выходятъ изъ употребленія.

желое ружье на выпянушыя свои ноги. Но подобныя ружья въ большомъ количествѣ можно видѣть и у насъ въ Россіи послѣ каждой войны съ Турками.

Я прежде не видалъ этого базара, самаго занимательнаго изъ Спамбульскихъ базаровъ, но мнѣ сказывали, что прежде онъ былъ несравненно богаче и пестрѣе, что Турки особенно гордились имъ, и что Христіанамъ не позволялось покупать въ немъ оружіе.

Кромѣ этихъ базаровъ, чтобы имѣть полное понятіе о Спамбульской торговлѣ, должно посѣтить такъ называемые *ханы*, Валиде-ханъ, Гени-ханъ и другіе. Это огромныя каменные зданія, въ родѣ Московскаго госпинаго двора; въ нихъ имѣютъ свои конторы и свои магазины Греческіе и Армянскіе купцы, которые производятъ болѣе значительную торговлю мануфактурными произведеніями Европы и Азіи. А такъ какъ всѣ эти *ханы* и базары находятся въ одной частии города, то здѣсь сосредоточилась вся торговая дѣятельность Спамбула; здѣсь полнилось разнонародное, пѣшее его населеніе; здѣсь весь шумъ, все движеніе города, здѣсь только вы видите многолюдную столицу Сул-

шановъ. Всѣ повары переносящіяся носильщиками на плечахъ; въ шомъ углу увидише цѣлую гору хлопчатой бумаги, которая кое-какъ передвигается по шьсой улицѣ, и подъ нею, въ видѣ спарика Апласа, согбеннаго подъ ноюю, едва замѣненъ колоссальной конспрукціи Армянинъ, съ физіономіею почти окаменѣлою, хотя онъ не видалъ ни Персея ни Медузиной головы, какъ славный носильщикъ баснословнаго неба.

Въ опдаленныхъ часпяхъ города царспвуешъ пишина, и даже въ многолюдныхъ кваршалахъ нѣтъ движенія и дѣяшельности огромнаго города. Въспо шумнаго движенія экипажей, какки неслышимо скользящъ по морю; изрѣдка раздается по улицѣ однообразный спукъ тряскаго *кочи*, покрышаго алымъ сукномъ, украшеннаго внутри позолошою и зеркалами, и въ кошономъ за непроницаемою рѣшешкою укрылся Турецкій гаремъ, опправляясь въ загородное гуляніе; изрѣдка капишся огромная повозка называемая *араба*, упряженная парою буйволовъ, и въ коей помѣспились двѣ при семьи, съ провизіями на цѣлый день. На вѣхъ лицахъ пѣшеходовъ, вепрѣчаемыхъ на улицахъ, нарисована какая-то дума; всѣ озабочены жишейскими пуж-

дами. Можете подслушать Еврейскаго фактора, который поспѣшно идучи въ разсѣянности, махая руками и качая головою, громко вычисляешъ сколько піаспровъ принесешъ ему шакая-то спекуляція; далѣе Армянинъ медленно шагаетъ, дѣлая какіе-то щепы на своихъ чепкахъ; потомъ встрѣнитесь съ Греческою семьею, которая набожно идетъ къ вечернѣ, услышавъ голосъ церковнаго глашатая*, потомъ съ Турецкимъ чиновникомъ, возвращающимся съ поспынымъ лицомъ опъ засѣданія, гдѣ просидѣлъ цѣлый день на коврѣ, согнувшись въ дугу.

Это предспавипели коренныхъ жителей Стамбула; между ними попадаются кое-гдѣ люди, которыхъ по наряду и по языку не знаете къ какой націи отнести: на головѣ круглая шляпа, на плечахъ старинный Турецкій плащъ, подъ плащемъ Ишаліанская куршка и широкій Архиделажскій шароваръ; ноги въ черныхъ шелковыхъ чулкахъ и въ башмакахъ съ пряжками. Таковы болышею частію Левантійскіе разнощники; съ аршиномъ въ рукахъ, съ небольшимъ ящи-

* Такъ какъ въ Турецкихъ городахъ христіанамъ не позволено звонить въ колокола, церковные глашатаи, обходя улицы своего прихода, созываютъ народъ въ церкви.

комъ за спиною, они обходятъ улицы Стамбула, припѣвая гнусливымъ голосомъ galataries venetiches, что на языкѣ ихъ значить *Венеціанскія галантерейныя вещи*, въ воспоминаніе пороговой монополіи Венеціи по всему Леванту. Даже фізіономіи этихъ людей сперлись въ кочевой ихъ жизни между племенами Леванта, такъ какъ на старой монетѣ Султана сперлось клеймо опъ долговременнаго обращенія. Но вообще это люди гениальные; не зная ни одного языка, умѣютъ объясняться со всеми разноязычными племенами Стамбула, и даже съ Европейцами Перы, на какомъ-то побочномъ нарѣчій Италіанскаго языка, съ примѣсю Турецкихъ, Греческихъ, Армянскихъ, и даже Испанскихъ и Французскихъ словъ; это одно изъ тысячи измѣненій Левантійскаго языка, названнаго Европейцами lingua franca. Принаравливаясь ко всемъ народностямъ, они помѣщаютъ въ своемъ подвижномъ магазинѣ все ухищренія Европейскаго дамскаго шуалеша, копорыхъ употребленіе вводился и въ шуалешы Восточныхъ дамъ. Они раздѣляютъ съ старыми Армяками и Жидовками привилегію снабжать разными по потребностямъ Турецкіе гаремы; но не думайте чтобы

они раздѣляли также право входить въ гаремы. Торговля ихъ съ Турчанками производилась слѣдующимъ образомъ: изъ зарѣшенки зазвонитъ ихъ невидимое лице; дверь въ то же время опирается невидимо къмъ; разнощикъ входитъ въ переднюю, гдѣ никого нѣтъ; предъ нимъ шкапъ, называемый въ Турціи *долабъ*, и въ этомъ шкапѣ также ничего нѣтъ; изъ за шкапа женскій голосъ спрашиваетъ у *базирьяна* ш. е. купца, есть ли у него такая то кисея, такія-то лепшы; базирьянъ кладетъ требуемый предметъ на полку шкапа; шкапъ поворачивается, и повары въ рукахъ невидимыхъ покупателямъ; при всякомъ новомъ требованіи, при всѣхъ капризахъ Турчанки, при всякой успукъ разнощика, заколдованный шкапъ поворачивается то въ ту то въ другую сторону, и наконецъ переноситъ деньги купцу, который выходитъ изъ предвѣрія храма, не выдавъ его тайнъ свеннаго божества.

Г Л А В А III.

Невольничій рынокъ. — Арапы. — Женщины въ кляткахъ. — Возвышеніе цѣль. — Греческія пѣвицы. — Впечатлѣнія дѣтства и религіи. — Ашелика. — Ея приключенія. — Черкешенки и ихъ надежды. — Пѣжность кунцевъ. — Кавказская красота. — Происхожденіе Турецкихъ вельможъ. — Евнухъ полководецъ и Евнухъ въ Сенатѣ. — Рабство въ Турціи и его преимуществъ.

Недалеко отъ мечети Сулпана Солимана находился базаръ, единственный въ цѣлой Европѣ, и преимущественно возбуждающій любопытство путешественниковъ; это базаръ невольниковъ. Въ старыя времена послѣ каждой войны Турокъ, Европейской или Азіяпской, онъ былъ заваленъ полною военнопленныхъ; Турки не знали разницы между пленнымъ и невольникомъ, доколѣ преперѣвныя ими пораженія, и трагшаты, вынужденныя великими державами, не послужили имъ уроками въ народномъ правѣ. И въ наше время была эпоха, когда Сулпанскіе флоты выгружали сюда многія тысячи женщинъ и дѣтей съ Архипелажскихъ острововъ и изъ Пелопонеза; но должно надѣяться, что Греческая война была послѣдняя война, снабдившая невольниками этотъ варварскій рынокъ.

Прежде былъ запрещенъ Христіанамъ входъ въ базаръ невольниковъ; теперь хотя и позволено его посѣщать, но право покупать въ немъ людей принадлежитъ однимъ Мусульманамъ. Воображеніе путешественниковъ представляло этошь рынокъ разсадникомъ всѣхъ гаремовъ, но давно уже онъ потерялъ свою поэзію; только предъ входомъ въ него продаются въ клѣшкахъ пльнныя пищцы, и Турки соблюдаютъ старинный поэпическій обычай возвращать имъ свободу, предъ тѣмъ какъ идутъ покупать въ неволю людей.

Я вошелъ въ широкій неправильный дворъ; кругомъ вдоль стѣнъ построены лавочки или лужи закрытыя рѣшеткою, въ коихъ заперты женщины какъ въ куряшникъ; посреди огромный навѣсъ, и подъ навѣсомъ сидятъ на цыновкахъ прозаическія фигуры купцевъ, и нѣсколько группъ маленькихъ араповъ, бронзоваго, грязно-чернаго и чернаго какъ смоль цвѣта. Это дѣши проданныя родилелями въ Пубіи, въ Абиссиніи и въ неизвѣстныхъ странахъ внутренней Африки. Они были еще недавно привезены; не могли объяснитьсь ни съ кѣмъ; имъ было весьма неловко въ одеждѣ, коею купецъ покрылъ

ихъ пагошу; бормошали между собою на языкъ, въ кошоромъ почши не былъ замѣшенъ человѣчскій голосъ, и когда играя между собою бѣгали начешверенькахъ, представлялись мнѣ семьею маленькихъ звѣрей, вывезенныхъ напоказъ изъ Африканской степи. Эпо послѣдняя степень моральнаго и физическаго уничиженія царя созданія. Но можешь бышь между этими ошверженцами своихъ семей, въ лохмошьяхъ и въ грязи, валялся какой нибудь будущій Кызларъ-Агасы, начальникъ дѣвушекъ, а по нашему начальникъ черныхъ евнуховъ, и первый сановникъ Сераля... Малолѣшнія арапки, полунагія, грѣлись на солнцѣ, жамѣя можешь бышь въ своей неволѣ только объ Африканскомъ солнцѣ. Каждая группа принадлежала одному купцу, получала опдѣльно свою пищу, и если судьба торговли раздѣляла двухъ братьевъ или двухъ сесшеръ — узы родспва болѣе не существовали между этихъ обиженныхъ созданий.

Не воображайше что въ клѣпкахъ кругомъ базара храняшся плѣшныя красавицы; я обошелъ эту планшпвенную галлерей, кошорой рынешка довольно широка, чтообы покушатель могъ видѣшь предлагаемый ему шоварь. Хотя

спрого запрещено смопрѣшь въ лице женщины, но здѣсь должно дѣлаться опспуленіе опъ закона, чшобы содѣйснвовашъ сбшпу продаваемыхъ женщинѣ; Турокъ покупашель имѣешъ даже право шребовашъ, чшобы ему опкрыли рѣшенчатую дверь, и осмопрѣшь получше невольницу, заспавишь ее ходишь, судишь о ея здоровьи, о ея шѣлосложеніи; а для подробнѣйшаго осмопра еспъ женщины, которыя даюшь самый почный опчепъ о скрышыхъ совершенствахъ или недоспашкахъ невольницы.

Сколько я могъ видѣшь сквозъ рѣшетку, женщины были спары, большею часпшо арапки; а если были между ними молодыя, то весьма дурны собою и немогли бышь представишельницами Турецкой красопы. Я узналъ опъ моего проводника и опъ Турокъ, заняшыхъ эпою промышленности, что женщины въ рынкѣ были большею часпшо гаремныя служанки, продаваемыя обѣднѣвшими своими господами, наслѣдниками послѣ умершаго Турка, людьми кошорые пхъ выписали для себя, попомъ обманулись въ своихъ ожиданіяхъ, попому ли что невольница подурнѣла, или испоршилась опъ оспы, или была слишкомъ глупа, или дурпаго нрава. Инымъ не-

вольничамъ случаетсѣ по нѣскольку разъ въ году бытъ на эшой выспавкѣ, и перемѣнять свою судьбу и господъ. Онѣ не обращали никакого вниманія на проходящаго Франка, но когда Турокъ или Турчанка обходили ихъ клѣтки, онѣ, казалось, силились угадать на ихъ лицахъ каковы могли бытъ эти покупатели, и какого обхожденія можно было ожидать отъ такихъ господъ. Большею частію онѣ сидѣли спокойно на полу, разговаривали между собою, даже смѣялись и играли; въ одной ложѣ я замѣтилъ женщину, которая не принимала участія въ разговорахъ, сидѣла въ сторонѣ печальная и заплаканная; купецъ рассказалъ мнѣ, что она принадлежала богатому Эфендію, у котораго она жила съ малолѣтства; кромѣ цѣни рабства, цѣнь любви привязывала ее къ отцу двухъ ея дѣтей. Недавно дѣти ея умерли отъ чумы; Эфенди, соскучившійся ея плачемъ и увядшею ея красою, можетъ бытъ также по желанію другой невольницы, привязавшей его къ себѣ, послалъ несчастную мать на рынокъ, гдѣ она уже цѣлую недѣлю плачетъ неутѣшная. Турокъ прехладнокровно рассказывалъ, что онъ думалъ сначала ее купить, пошому что Эфенди

успуналъ ее дешево (за 2,000 піаспровъ или 500 рублей), а она умѣла вышивать, играпъ на шамбурниѣ, пѣшь, даже чишашъ коранъ, и имѣла многіе шамашпы, кошорые, будь она десяпью годами моложе, сдѣлали бы ее самымъ дорогимъ шоваромъ въ цѣломъ рынкѣ; и шеперь даже она могла быпъ выгодно продана въ учипельницы; но ея печаль и опасеніе, что она заболѣеть или даже умретъ, засшавили купца ошказашъся ошъ эли й спекуляціи, и онъ согласился взашъ ее шолько на комиссію. Можешъ быпъ Эфенди, продолжалъ онъ, и оппустилъ бы ее на волю, но новая его невольница пребуешъ нарядовъ, и чшобы купитъ ей шаль, онъ рѣшился продать женщину, съ кошорою жилъ десяпъ лѣпъ.

Цѣны на невольницъ значипельно возвысиплись съ нѣкопораго времени; уродливая арапка, кошорая шолько могла годипъся для черной рабшпы въ гаремъ, цѣнипъся около шысячи піаспровъ; маленькія дѣшпш продаюпъся по двѣ и по шри шысячи; но лѣпъ десяпъ шому назадъ дѣшпш продавались по сороку и по пшпидесяшп піаспровъ, а пшпнадцати лѣпшнія дѣвшушки по шпу и по дѣшпш. Тогда была ужасная эпоха; народонаселенія цѣлыхъ городовъ были распроданы на

эпомъ рынокъ; въ Хіосъ, въ Айвали всякій солдатъ Турецкаго флота бралъ сколько могъ привести съ собою на корабль въ Конспаннинополь женщинъ и дѣтей; на корабляхъ солдаты перепродавали своихъ невольницъ одинъ другому, мѣнялись; происходили между ними сцены ужасныя и отвращительныя; часпо кровь палачей мѣшалась съ кровію невинныхъ жертвъ, и когда наконецъ эпомъ флотъ, убѣжавъ отъ испишельнаго огня Греческихъ моряковъ, возвращался въ Конспаннинополь, всякій солдатъ сбывалъ своихъ невольниковъ на рынокъ за безцѣнокъ. Малолѣтнія дѣти были воспитаны въ Магомешанскомъ законѣ, въ серальскихъ казармахъ, и шеперь служатъ въ гвардіи Султана, а Турецкіе гаремы населились Гречанками.

Я былъ свидѣтелемъ многихъ случаевъ, доказывающихъ силу первыхъ впечатлѣній, оставленныхъ въ дѣтской душѣ родиною и семьею. Часпо впечатлѣнія дѣтства замирающъ надолго въ нашей душѣ; образы и радости другаго возраста невѣдомо ихъ замѣняющъ. Пѣтняя юношескую душу, всегда жаждущую новаго; но они пробуждаются въ урочный часъ, съ своею первою свѣжестію, со всѣмъ очарованіемъ дѣвы,

вспаюющей опъ вѣковаго сна, въ глуши, въ пещерѣ, когда рыцарь съ паинственною вѣшвию коснется ея хруспальнаго гроба.

Въ 1832 году, въ Греческихъ моряхъ, явился къ нашему Адмиралу какой-то богатый Конспаннинопольскій Турокъ Муспафа-Ага, жалуюсь на побѣгъ изъ Конспаннинополя въ Грецію своей жены Зелухи съ малолѣпнымъ сыномъ Мехметомъ, говоря, что она пребывала въ Идрѣ подъ покровишельствомъ оспровишлянъ, и прося, чтобы чрезъ наше посредничество возвратили ему по крайней мѣрѣ единороднаго сына. Въ то же время нѣсколько семей оспровишлянъ пришли съ мольбою, чтобы жена и сынъ Муспафы были выпребованы изъ Идры, потому что по жалобѣ Турка былъ схваченъ въ Турецкомъ порпв Капитанъ Леонпій, шкиперъ шой шкуны, которая увезла Зелуху, и со всѣми своими машросами посаженъ въ крѣпость на оспровѣ Хіосѣ, а родственникамъ его и его машросовъ мѣспное начальство дало знать, что если по испеченіи шести мѣспцевъ не будетъ сдѣлано полное удовлетвореніе Муспафа-Агѣ, моряки будутъ повѣшены, а шкуна попоплена. Греція была тогда въ совершенной анархіи; ея безсильное прави-

пельсво запертое въ спѣнахъ Навплии, безъ флота, не имѣло никакой власпи въ Идрѣ, и по-тому всѣ обратились къ намъ. Я поспѣшно поѣхалъ въ Идру, чптобы предупредить кровавую развязку эшаго романа. Приматпы, копорыхъ одно моральное вліяніе на ихъ согражданъ содержало нѣкопорый порядокъ на оспровѣ, предложили миѣ видѣться съ героинею, узнать спѣ нея всѣ подробносипи, и согласить ее на мировую, потому чпто сами они не могли въ эшомъ успѣть; одни изъ нихъ спояли за моряковъ ареспованныхъ въ Хіосѣ и за Турка, другіе ей покровительсвовали; но никшо не могъ думать о средспвахъ насильсвенныхъ, и кажеся никогда чловѣколюбіе и правосудіе не находились въ такнхъ запруднительныхъ обспоянелсвахъ.

Къ намъ вошла женщина лѣтъ двадцати, красосы совершенной, спройная, высокая, держа за руку чепырехлѣпняго сына; въ пламенномъ, безпокойномъ ея взорѣ горѣлъ одинъ огонь маперинской любви, и взглядъ ея и ея поступъ выражали гордоспѣ оскорбленной мапери.

Она не вспревожилась, узнавши цѣль моего посѣщенія; когда я ей сказалъ, чпто на совѣспи

ея будущъ смертъ десятии чловѣкъ и прауръ десятии семей, она мнѣ опвѣчала: знаю угрозы Турка, и хопя бы онъ былъ въ соспоаніи ихъ исполнитъ, я рѣшилась бытъ мученицею своей совѣспи во всю жизнь, но для меня важнѣе и свянѣе спаси моего сына; безъ него Турокъ получилъ бы въ свои объанія холодный прунъ своей жены; безъ него, можеть бытъ, я бы кончила жизнь въ его гаремъ. — Голосъ ея дрожалъ; она говорила опривиспо, съ прудомъ объяснялась по-Гречески, въ ея произношеніи опзызался Турецкій выговоръ, но пламенное краснорѣчіе чувсва одушевляло ея рѣчи. Вопъ ужасная ея повѣспъ, кошорая спавовилпся еще болѣе занимательною, среди воспоминаій наводимыхъ эшимъ ужаснымъ рынкомъ.

Ее звали Ангеликою; она была единородная дочь у богатыхъ родителей, на оспровѣ Хіосѣ; ей было десятии лѣтъ, когда Сулпанскій флотъ исполнилъ кровавый приговоръ надъ цѣлымъ народонаселеніемъ цвѣтущаго Хіоса. Во многихъ деревняхъ оспрова тогда шолько узнали о прибытіи испребищельнаго флота, когда зарево пожаровъ и плачь бѣгущаго народа вспревожилъ мирныхъ поселянь. Десятилѣтняя Ангелика съ

своими родителеми бѣжала въ горы; острые камни изранили ноги дѣвяти; отецъ изнуренный болѣзнію не былъ въ состояніи ее нести на рукахъ; они ошпали, и полна кровожадныхъ калѣнджи ихъ заспигла; отецъ палъ на колѣна, и подъ япаганами молилъ о помилованіи; но его кровь брызнула на жену и на дочь; онъ былъ ошведенъ въ плѣнъ на Турецкій корабль, добычею перваго Турка, который положилъ на нихъ руку, дымящуюся отъ крови. Турокъ привязалъ ихъ вмѣстѣ къ одной пушкѣ, и чрезъ нѣсколько дней, не зная куда дѣваться съ множествомъ своихъ плѣнныхъ, промѣнялъ дочь на пару пистолецовъ, а мать хотѣлъ ошпавить для себя; но когда пришелъ вмѣстѣ съ покупателемъ, чтобы опнять дѣвяти у маперы, мать судорожно обняла свое дѣвяти, и ея объятія замѣнили узы ихъ соединившіе въ плѣну. Турки не могли ихъ разнять; разозленный варваръ изранилъ мать кинжаломъ, и еще живую выбросилъ за-борщъ въ море, въ глазахъ обомлѣвшей дѣвушки. Ангелику ошвели къ другимъ плѣннымъ дѣвятимъ, и когда флотъ пришелъ въ Конспаншополь, Турокъ посадилъ въ канкъ своихъ плѣнныхъ, связалъ ихъ одною веревкою, и держалъ за конецъ

повелъ въ рынокъ, наполненный въ эту эпоху дѣвками и женщинами; онъ въ пошъ же день продасть прехъ мальчиковъ и двухъ дѣвушекъ; за Ангелику и за другую ея сверспницу просилъ дорого, и не находя покупателя, рѣшился ихъ воспитать, чпобы попомъ выгониѣ ихъ сбыть. Онъ опдалъ ихъ спарой Турчанкѣ, копорая занималась приуговленіемъ молодыхъ дѣвушекъ для знашныхъ гаремовъ. Здѣсь онъ оспавались три года; съ ними обходились ласково, только заспавляли ихъ молишься по магомешпански, учили говоришь по-Турецки, пѣшь, плясать, вышивать узоры. Каждый разъ когда Турокъ къ нимъ приходилъ, онъ должны были показывать ему свои успѣхи, и когда онъ былъ доволенъ, дѣлалъ спарухъ подарки, просилъ ее, чпобы она берегла ихъ здоровье, и какъ самый нѣжный опецъ заботился о нихъ; надежда на барышъ замѣняетъ иногда нѣжное родителъское чувство, спакъ какъ надежда сдѣлать хорошаго зяпця заспавляетъ иногда родителей хлопотать о воспитаніи дочерей, и въ пѣхъ спранахъ, гдѣ женщины не продаются. По испеченіи прехъ лѣтъ онъ спалъ приводилъ къ нимъ покупателей, и при нихъ шорговался о цѣнѣ. Предъ подобными

посѣщеніями водили дѣвушекъ въ баню, красили ихъ пальцы *киною*, брови сурмою; румянили ихъ, одѣвали нарядно, и приказывали имъ, чѣшбы онѣ спарались понравиться. Опытная спаруха совѣтовала имъ плѣниться какого нибудь спараго и заживочнаго Агу, ласкала дѣвическое ихъ воображеніе блестящею перспективою богатаго гарема, шоплою невольницъ и дорогими нарядами, и всемогуществомъ молодой любимицы надъ спарымъ мужемъ. Но видно что другіе образы занимали иногда принадлецашлѣшнихъ дѣвушекъ; однажды предъ спарымъ Агою онѣ пѣли хриплымъ голосомъ, плясали дурно, и когда онѣ ушелъ, не согласившись заплащивъ 20,000 піаспровъ за ихъ красоту и ихъ шаланшы, купецъ наказамъ обѣихъ палками по пятамъ.

Однажды ихъ нарядили лучше обыкновеннаго, и повели къ Султаншѣ сесирѣ Махмуда, въ ея дворець въ Эюбъ. Ей показывали всегда лучшихъ плѣнницъ въ Спамбуль. Она, заслуживъ въ молодости громкую извѣстность въ романической хроникѣ Спамбула своими похождениями, всегда любила окружать себя красотою при посѣщеніяхъ своего брата, иногда манила его ими къ себѣ и заставляла лучше принимать ея просьбы,

иногда — новая Ливія — дарила ихъ ему въ Сераль. Старая Султанша ласково говорила съ плѣнницами, заставила ихъ показати все свои паланты, и выбрала сверстницу Ангелики, которая была попомяте, и лучше согласовалась съ идеаломъ Турецкой красоны.

Ангелика оснавалась еще полгода въ домѣ старухи; наконецъ купилъ ее Мустафа-ага за 20,000 вѣаспровъ. Здѣсь начинается новая эпоха ея жизни, сшоль богатой приключеніями. Ангелика воупила въ гаремъ, состоящій изъ одной супруги, женщины льпть двадцати пяти, красоны посредственной, злой, ревнивой, бездѣпной, двухъ молодыхъ невольницъ, принадлежавшихъ ей и недосшунныхъ для мужа и нѣсколькихъ старыхъ служанокъ, бѣлыхъ и черныхъ. Появленіе новаго свѣшила на эшомъ небѣ, гдѣ, какъ луна, одинокая величалась дошолъ гордая Фашиме, произвело въ немъ революцію. Должно предварштельно знати, что Мустафа былъ женишъ на дочери стараго Турка, любимца Халешъ-Эфендія, и женишъ по расчешу, хопя эшо въ Турціи не такъ обыкновенно какъ у насъ. Онъ былъ самый несчастный мужъ, рабъ капризовъ своей ревнивой половины; жилъ съ нею бездѣ-

пень уже восемь лѣтъ, не смѣлъ ни жениться на другой, ни взять въ свой гаремъ хорошенькую невольницу, пошому что Фахима сдѣлала такое условіе, вступаая съ нимъ въ бракъ, и была всемогущая надъ своимъ опцемъ, копорый въ свою очередь былъ всеиленъ у Халешъ-Эфендія, а Халешъ однимъ мановеніемъ могъ сослать спрошпваго мужа въ глушь Малой Азіи, на вѣчное започеніе. Можешь бышь эти семейныя обспояшельсва заспавили Муспафу сколько же обрадовашься при выспавкѣ Халешовой головы сколько обрадовались Янычары. Онъ еще перпѣлъ нѣсколько времени супружеское иго; наконецъ спалъ ходишь по базарамъ искашь женщины, въ копорую бы могъ влюбишься, въ швердомъ убѣжденіи, что женщина купленная лучше соспавишь его семейное щасшіе, нежели феникскъ законныхъ женъ.

Жена Муспафы замѣшила перемѣлу въ обхожденіи своего мужа съ эпохи падевія Халеша и перемѣны Турецкаго Министерсва; полишика Дивана имѣла сильное вліяніе на ея домашнюю жизнь; почпшительность и припворная любовь къ ней мужа были замѣнены равнодушіемъ и суровоспію. Она нѣсколько мѣсяцевъ была въ

мучительномъ ожиданіи, когда въ одинъ вечеръ приспалъ къ ея Босфорскому дому въ *Куру-чесме** наемный кабакъ, въ кошоромъ спарая Турчанка привела къ ней въ гаремъ красивую невольницу. Фашиме все поняла; при входѣ въ покои своего господина и обожашеля, несчастная Ангелика услышала, вмѣсто привѣшевій, брань и проклятія; въ припадкѣ ревности, испуленная Фашиме въ ночь же вечеръ нашла предлогъ бишь ее по щекамъ и рывъ за волосы. Муспафа не замедлилъ самъ приѣхашъ изъ Спамбула; онъ заспалъ Ангелику въ слезахъ и въ опчаяніи; хопѣлъ унѣшишь свою невольницу, но явилась грозная Фашиме, разбранила его, и выгнала изъ гарема. Такъ какъ все гаремныя женщины принадлежали ей, по мужъ не имѣлъ никакой власши въ женской половинѣ дома, гдѣ она бушевала, и долженъ былъ со спыдомъ опспунишь. Онъ долженъ былъ предвидѣшь бурю, но по неопытноспи не былъ пригоповленъ ее вспрѣнишь. На другой деш онъ поправиль свою оплошность; опсправился къ своему песню, кошорый, потерявъ свое мѣсто, и радуясь шому, чпо не былъ

* Въ древности называлось Вноіемъ. Одно изъ Босфорскихъ предмѣстій.

сосланъ въ ссылку по паденіи Халепа, жилъ въ неизвѣстности въ Сшамбуль; Муспафа предложилъ ему взять обратно дочь, которая болѣе ему не годилась въ жены; потомъ купилъ разныхъ качествъ женщинъ на 10,000 піастровъ, и съ эпою арміею взялъ присупомъ свой гаремъ, въ которомъ еще защищалась разкалованная его царица.

Чрезъ нѣсколько дней все было преобразовано въ домъ Муспафы; не оставалось ни одной изъ прежнихъ его обитательницъ; молодая невольница сдѣлалась повелительницею нѣсколькихъ невольницъ, и сердца счастливаго Муспафы. Любовь Муспафы выражалась со всѣмъ жаромъ челоуѣка, который послѣ восьмилѣтняго несчастнаго супружества, въ первый разъ наслаждается семейнымъ счастьемъ Ангелика была довольна своимъ состояніемъ; можетъ быть она забыла въ эту эпоху и отца и мать, и лимонныя роци Хіуса, гдѣ она играла въ дѣтствѣ, и приходскую церковь, принявшую дѣтскія ея молитвы. Челоуѣкъ, который представился первый ей въ эту раннюю эпоху, когда полуденная женщина чувствуетъ потребность любви, былъ ея покровителемъ и благодѣ-

лемъ, окружилъ ее любовью и роскошію — двумя шалисманами, такъ живо дѣйствующими на воображеніе женщинъ всѣхъ климатовъ.

Когда она сдѣлалась маперію, еще болѣе усилилась привязанность ея къ отцу того существа, которое напоминало можетъ быть ей первую привязанность дѣтства и ласки мапери и ея послѣднее судорожное обниманіе, запечатлѣнное кровію. Но вмѣстѣ съ пробужденіемъ маперинскаго чувства, другое чувство, неразлучное съ нимъ, пробудилось въ ея сердцѣ; религія, забывшая малолѣтнюю дѣвушкою и женщиною преданною первымъ восторгамъ страха, воспріяла свои святыя права надъ сердцемъ мапери. Въ праздникъ Богородицы, въ Августъ, гуляя въ одномъ изъ предмѣстій, гдѣ ошесушвіе Турокъ внушало болѣе веселія Христіанскому празднику, она увидѣла Греческія семьи, копорья выходили изъ церкви; она узнала что въ ночь день дѣти яріобщались святымъ дарамъ, и вспомнила радость семейнаго праздника, когда въ дѣтствѣ она принимала въ немъ участіе. Она поняла, что она не перестала быть Христіанкою; набожныя повѣрія дѣтства, закоренѣлая привязанность ея племени къ Греческой Церкви,

привязанность, которую сосала она у груди своей матери, и наследственный ужасъ ко всему Магометанскому боролись въ ея душѣ съ привязанностію плѣнной сиротки къ цѣпямъ, золоченымъ, и обвѣшнымъ любовными миршами. Съ этой минуты смушилось ея семейное счастье, хотя любовь Мустафы съ каждымъ годомъ возрастала, и хотя онъ сдѣлалъ невольницу своею женою. Одна молитва оставалась въ ея памяти, неизгладимая ни несчастіемъ ни продолжительнымъ невѣріемъ; это та просная молитва, которую молился Спаситель, и которую завѣщалъ онъ міру, какъ чистое жертвоприношеніе сердце Небесному Отцу.

Прошло нѣсколько лѣтъ; у одной изъ своихъ пріятельницъ Ангелика увидѣла старую Гречанку, которая продавала узорчатые плашки въ гаремы. Она призвала ее къ себѣ, и оставшись съ нею наединѣ, заговорила въ первый разъ на языкъ дѣшества. Старуха обрадовалась; подъ видомъ шорговки она входила въ гаремы искать двухъ своихъ дочерей, увезенныхъ въ плѣнъ изъ Хіуса, а уже два года всѣ поиски ея были безплодны. Ангелика соболѣзновала ей, и общала содѣйствовать, прося ее только, чтобы она

тайно доставила ей образъ Богородицы и молитвенникъ. Какія чувства волновались въ ея возрожденной душѣ, когда, уже супруга и мать, она молилась какъ дитя у святаго образа, и благословляла имъ свое рожденіе! Посѣщенія торговли сдѣлались чаще, и каждое посѣщеніе открывало въ ея сердцѣ новую струну, копорой сопрясеніе было утѣшительно и болѣзненно. Она ужасалась мысли, что ея сынъ будетъ воспитанъ въ Магомеданскомъ законѣ, что она съ нимъ разлучится, и когда увянетъ ея красота, когда насчитнешъ ее судьба Фапиме, она не найдетъ убѣжища въ родительскомъ домѣ.

Между тѣмъ приближалась эпоха, когда древній обычай, установленный Моисеемъ, долженъ былъ посвятити маленькаго Мехмеда въ брашство правовѣрныхъ. Ангелика гнушалась эшиму, и послѣ тяжкой борьбы между долгомъ супруги и долгомъ Христіанки и матери, рѣшилась бѣжать съ своимъ сыномъ, когда дитя не имѣло еще другой религіи кромѣ материнской любви.

Но это было трудно; она давно пользовалась всею свободою, копорю можетъ пользоваться Турчанка, и зная что мужъ имѣлъ къ ней неограниченную довѣренность, она съ

двумя невольницами спала чаще посѣщать Перу и Галапу, чшобы узнать запутанныя улицы эшаго квартала Франковъ; но она знала, что Турчанка ни подѣ какимъ видомъ не могла войти въ домъ Франка, не возбудивъ сильныхъ подозрѣній, и никакъ не могла опдалить опъ себя своихъ невольницъ. Смѣлоспъ материнскаго сердца и изобрѣшательноспъ женскаго ума ее спасли. Она слышала о какой-то Жидовкѣ, которая принимала у себя въ Перѣ Турчанокъ, продавала имъ румяны и уборы, а болѣе всего занималась любовными ихъ инспригами, и доставляла имъ свиданія. Ангелика рѣшилась на все униженія; она съ большими предоспорожностями развѣдала объ эшой Жидовкѣ, зазвала ее къ себѣ, купила разныя вещи, и подарками пріобрѣвъ ея довѣренноспъ, объявила ей, что она безъ ума влюблена въ одного Греческаго капитана, котораго корабль споялъ на рейдѣ, гошовый опплылъ въ Грецію. Жидовка взялась доставить ей свиданіе въ своемъ домѣ съ счастливымъ морякомъ, но оставалось еще узнать предметъ ея спрасши, пошому что Греческихъ капитановъ върояшно было много въ гавани. Ангелика давала ей все признаки корабля, какъ

будто бы была влюблена въ корабль; «легкій, хорошій корабль, сшюишь со вѣсѣмъ гоповый оппльишь, ожидаетъ только вѣпра.» Объ особѣ капитана говорила только, что у него добрая физіономія и благородное лице, а чтобы облегчить всѣ запруденія Жидовки, дала ей 200 пшаспровъ, и показала крупный алмазь на своемъ пальцѣ, говоря, что если она будетъ довольна свиданіемъ, алмазь перейдетъ изъ нѣжной ея ручки въ копянишную руку спарухи. Жидовка гопова была за 200 пшаспровъ обѣгашъ весь Сшамбуль, и за алмазь опправишься хоть въ самую Грецію, и вывести оппуда любого моряка. И такъ условились, что Жидовка зазавешъ къ себѣ подѣ какимъ нибудь предлогомъ капитана, кошораго наружность и корабль согласяпся съ описаніемъ Ангелики, что въ назначенный часъ Ангелика придетъ къ ней за покупками, и изъ-за рѣшешки увидишь, не ошиблась ли Жидовка въ выборѣ.

Спаруха немедли опправилась къ приспани *Мумхане*, куда обыкновенно съѣзжаются шкипера кораблей сшюящихъ на рейдѣ; шлюбка съ Греческаго корабля, кошорую она узнала по широкимъ шароварамъ гребцевъ, ожидала у приспа-

ни; она спросила у гребцевъ: съ того ли корабля они, который гоповъ опплыть въ Грецію; узнавъ, что дѣйствительно ихъ корабль стоить на рейдѣ, гоповый вспунилъ подъ паруса, она спросила, какъ зовутъ капитана. — Капитанъ-Леонпій, отвѣчали они. — Его-по мнѣ и надо, сказала Жидовка; мужъ мой, у котораго покупалъ онъ прежде соленой рыбы, приготовилъ ему въ подарокъ боченокъ опличной рыбы, а такъ какъ онъ тяжело боленъ, то велѣлъ мнѣ опыскашь капитана, и ему опдать. Капитанъ былъ въ кофейномъ домѣ; мапрозъ извѣспилъ его, что его ищеть женщина съ подаркомъ. Когда капитанъ вышелъ, сшаруха попросила его за нею слѣдовать, чпобы получить подарокъ, и поговорить съ ея мужемъ о важномъ торговомъ дѣлѣ. Еще онъ сомнѣвался, его ли дѣйствительно ищутъ, но Жидовка, посмопрѣвъ на добрую его физіономію и на красивую наружность, сказала что именно его. Капитанъ Леонпій слѣдовалъ за нею въ нѣкоторомъ разстояніи, пошому что ни въ какомъ случаѣ онъ не долженъ былъ ходить вмѣстѣ съ женщиною по улицѣ. Жидовка запушанными переулками повела его въ Перу, къ своему домику, и когда онъ

вошелъ, и оспорожно заперлась калипка, она ему объявила безъ обиняковъ цѣль своего приглашенія. Чипашель подумаетъ, что морякъ былъ въ восторгъ при извѣстїи объ ожидающемъ его щастїи, и просилъ Жидовку ускорить свиданіе. Но въ Константинополь разсказывающіе случаи, копорые могутъ отбить охоту отъ подобныхъ романническихъ приключеній у самаго впраснаго любителя. Не говоря уже объ опасности попасть въ руки гаремнаго правосудія, и заплапнуть жизнью крапкій мигъ наслажденія — опасности, копорая увеличиваетъ, можетъ быть, цѣну любовныхъ восторговъ, будучи раздѣлена съ таинственной заповорницею гарема — сами даже Турчанки иногда, для собственной безопасности, приносятъ въ жертву людей званыхъ ими; пошому что въ Турціи окровавленный кинжалъ оканчиваетъ всякую любовную драму. Часпо пропадаетъ безъ вѣсти видный собою *каикчи*, или лавочникъ какого нибудь квартала, и чрезъ нѣсколько времени обезображенный прупъ попадаетъ въ сѣпи рыбака, или человѣческіе члены опыскиваются въ спячюй шрубѣ. Соблазнительная льшонисъ Стамбула шепчетъ пошомъ, что онъ отъ пристани

или изъ лавки былъ заванъ въ шакой-то гаремъ, и уже не возвращался. Такъ какъ никакая полиція не имѣетъ входа въ гаремы, они бывають иногда шапрами самыхъ ужасныхъ злодѣяній. Щасливъ тотъ, кому неосторожность Турчанки или ея сосраданіе позволили перескочить чрезъ заборъ, или спасись по крышамъ соседнихъ домовъ, и изъ ея объятій не былъ выброшенъ шуда, куда бросился покойный Иліогабала.

Капитанъ-Леонпій наслышался оныхъ разсказовъ, и потому вовсе не имѣлъ желанія сдѣлаться героемъ гаремнаго романа. Жидовка поняла его опасенія, и предупредила его, что ему назначалось свиданіе въ ея домъ, что онъ могъ даже прійти съ шоварищемъ, и имѣть при себѣ оружіе; попомъ съ такимъ жаромъ спала описывать черные глаза Зелихи, что морякъ, очерпя голову, рѣшился пушнись въ это приключеніе, и далъ слово быть въ ея домъ на другой день въ назначенный часъ.

Ангелика съ двумя невольницами пришла къ Жидовкѣ за покупками; невольницы сспались съ покупками въ передней, а Зелнха пошла во внутренніе покои выпить спаканъ шербеша. Жидовка повела ее къ темной рѣшеткѣ и показавъ

человѣка, которъй въ раздуміи сидѣлъ въ другой комнатѣ, спросила: онъ ли это, и успокоила ее увѣреніемъ, что если она ошиблась, его можно будешь выпроводить, и она бралась опыскашь во что бы то ни стало цаспливаго капишана. Ангелика внимательнo всмапривалась въ него, и хотѣла прочиташь приговоръ своей судьбы на его чертахъ. Она рѣшилась: выпроводила Еврейку, давъ ей дорогое кольцо, и удосповѣрившись, что никто не подслушивалъ, отворила попасенную дверь, и смѣло вошла къ капишану.

Каково было удивленіе человѣка, которъй нѣсколько минутъ уже съ несерьезнѣмъ ожидалъ влюбленной постыпительницы, котораго воображеніе, разыгравшись опъ таинственности этихъ пригошовленій, опъ шолопа женщины въ ближней комнатѣ, создавало попеременно идеалы совершенствъ своего невидимаго божества — когда молодая и прекрасная женщина, обливаясь слезами, бросилась къ его ногамъ, заклиная его именемъ Спасителя спасти ее и ея сына.

Она объяснила капишану свое положеніе, рѣшимость, которая заставила ее прибѣгнуть къ презрѣнной Еврейкѣ, прикрыть личиною развраща свое благородное поведеніе, и искашь из-

бавишеля въ распушномъ домѣ. Капитанъ былъ пронуть слезами своей соопечественницы; безкорыстная преданность замѣнила въ его сердцѣ обманутые любовные воспорги, и онъ клялся ее спасти, и уважить ея нещастія. Смѣлый планъ былъ уже соспавленъ въ умѣ Ангелики, и капитанъ рѣшился привести его въ исполненіе.

Ангелика, выходя отъ Жидовки, должна была еще выперпѣть ея опшврапипельныя привѣтствія, и даже недовѣрчивые взгляды своихъ невольницъ, копорыя начинали подозрѣвать, что посѣщенія ея въ этомъ домѣ имѣли какую нибудь скрышную цѣль. А капитанъ Леонпій долженъ былъ съ принужденною улыбкою слышать упреки Жидовки за долгую перѣшимость, и вопросы о томъ, какъ ему понравилась чернбровая любовница; когда спаруха пропинула ему свою изсохшую руку, прося награжденія за свои продажныя услуги, капитанъ далъ ей нѣсколько цехиновъ, и она оспалась въ увѣренности, что онъ былъ вполне щасливъ. Съ тѣмъ довольствомъ, копорое, какъ капля небесной, благодатной росы, ложится на сердцѣ послѣ безкорыстнаго и великодушнаго поступка, капитанъ

оставилъ эпопъ домъ, не испытавъ даже того чувства отвращенія, которое все въ немъ внушало; онъ былъ занятъ одною мыслию — спасти Христианку отъ невѣрныхъ.

Въ этотъ же день онъ узналъ домъ Мусшафа-Аги, на Босфорской набережной въ Куру-чешмѣ. После полуночи онъ опыскалъ въ темнонть снурокъ, висѣвшій отъ окна впораго эшажа, и привязалъ къ снурку свой перспень; перспень былъ поднятъ для узнанія, и чрезъ минушу безъ шума отворилась спавня, и на надежной веревкѣ спустилась тяжелая ноша. Въ этой ношѣ были всѣ надежды Ангелики, это былъ ея чешырехлѣпній сынъ, усыпленный оніумомъ; въ леспаргій, между жизнию и смертію, дыпя Турка переходило на всегда въ руки Христианъ. Мать просила капишана, если она не поспѣетъ вслѣдъ за сыномъ спаспись, если усыпительное, кошорымъ она успѣла напоить въ шербетъ или въ вечерней чашкѣ кофе всѣхъ своихъ домашнихъ, измѣнитъ ей — бѣжатъ съ дыпяшью, и оставитъ мать на произволь судьбы. Но судьба ей благопріялспивовала; она впащила принесенную капишаномъ веревочную лѣспницу, задѣла веревку за раму окна, бросила другой конецъ

къ морякамъ, копорые такимъ образомъ снизу вышянули лѣспницу, и спустилась къ нимъ. Потомъ, отдавъ конецъ веревки, они взяли обратно лѣспницу; въ нѣсколькихъ шагахъ ожидала ихъ вѣрная шлюбка, и когда разсвѣло никакого признака ночныхъ происшествій не увидѣли со-сѣди, кромѣ полуотворенной спавни.

Не знаю, что сдѣлалъ Муспафа-Ага, вспавни на другой день, съ головою тяжелою отъ усыпительнаго шербета, безъ жены и безъ сына. Можетъ быть сначала думалъ онъ, что злые духи ночи подшупили надъ нимъ, и изъ окошка умчали его семейство на воздухъ; потомъ родились въ его умѣ болѣе прозаическія подозрѣнія, и онъ нѣсколько мѣсяцевъ по всему Спамбулу, по всѣмъ окрестностямъ, искалъ жены и сына. Капитанъ Леонній распорядился очень оспорожно; кромѣ того, что весла его шлюбки уключинъ были окушаны соломой, чтобы малѣйшій шумъ не измѣнилъ ему, и что никто не видалъ и слыши его вѣрныхъ моряковъ въ ночномъ ихъ предпріятіи, но даже, окончивши поспѣшно наканунѣ дѣла свои въ Конспанншополь, и задержанный безвѣпріемъ еще одинъ сушки на рейдѣ, онъ не позволилъ ни одному изъ

своихъ моряковъ съѣхашъ на берегъ, и не принявъ никого на своемъ корабль.

Черезъ нѣсколько дней онъ высадилъ Ангелику съ ея сыномъ въ карантинъ острова Сиры, и продолжалъ свое плаваніе по коммерческимъ дѣламъ. Но изъ Сиры молва разгласила о спасенной плѣнницѣ; Турку были сообщены всѣ примѣты корабля, въ копоромъ бѣжала его жена, и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, когда капитанъ Леонидъ, думая что все забыто, зашелъ въ Турецкій портъ въ Хіосъ, онъ былъ схваченъ съ своимъ экипажемъ, и посаженъ въ крѣпость, а самъ Мустафа-ага поѣхалъ въ Грецію, чтобы притворившись съ родственниками арестованныхъ моряковъ о возвращеніи ему жены и сына, а въ противномъ случаѣ, какъ мы уже сказали, онъ давалъ имъ слово повѣсить похитившей его семействѣ.

Положеніе молодой и прелестной женщины, копорая бѣжала отъ своего мужа не по спрашн, но по чувству религіи и материнской любви, внушало самое живое участіе въ ея судьбѣ. Но судьба очертила кровавымъ кругомъ всю ея жизнь: еще въ дѣтствѣ бывъ причиною мученической смерти отца и матери, и теперь она должна

была искупить свое спасеніе и спасеніе своего сына отъ исламизма смертію своихъ избавительей. Она призналась, что послѣ сполькихъ лѣтъ семейной жизни, и можно сказать счастливой, если положеніе женщины въ Турціи можетъ быть счастливымъ, она не могла безъ горести покинуть своего мужа. Преслѣдованія Мусшафы, участь несчастныхъ, подверженныхъ его мести, и угрызенія совѣсти не поколебали ея твердости, но обратили въ глубокую ненависть всю прежнюю ея привязанность къ мужу. Она сперла съ своего лица, какъ румяны, его лобзанія, и съ всемогуществомъ мапери перелила и въ сердце малолѣтняго сына всю свою ненависть къ его отцу. Первымъ ея попеченіемъ, какъ только спутила она на Христіанскую землю, было крестить сына, и тогда, успокоенная увѣренностію, что никто не употребитъ насилія, чтобы вырвать его изъ объятій церкви и мапери, она предложила мнѣ его уговорить, чтобы онъ возвратился къ отцу; но дитя, едва услышавъ о цѣли моего посѣщенія, прижалось къ мапери, смотрѣло на всѣхъ съ боязнію, и мнѣ сподило большихъ усилій призвать его къ моимъ ласкамъ. Оно едва могло говорить нѣсколько словъ по-

Гречески, и первыя фразы, затверженныя имъ, были проклятія на всѣхъ Турокъ и на своего опца, который хотѣлъ его сдѣлать Туркомъ.

Когда увѣдомили Мустафа-Агу, что никакой надежды не было возвращить ему сына, онъ хотѣлъ исполнить свой приговоръ надъ несчастными моряками, но впоследствии большой выкупъ, предложенный родственниками, ихъ выручилъ.

Этотъ эпизодъ воспоминаній вевольничьяго рынка отвлекъ меня отъ моего предмета; можно написать цѣлые томы подобныхъ приключеній, собирая, безъ всякихъ прикрасъ романтическаго вымысла, одни свѣжіе рассказы объ той эпохѣ, когда столько тысячъ семей обратились въ пльи, когда судьба Мореи, Кандіи, Хиоса представила ужасныя картины семейной горести и насилія, безчеловѣчія и самоопверженія, уничтоженія женщины и женскаго геройства, и все это облитое волнами крови и освѣщенное пожарами.

Съ сердцемъ спѣсненнымъ отъ грусти я

оспавилъ рынокъ; я не любопытствовалъ видѣть другой дворъ находящейся у Сем и башень, въ кошоромъ продають взрослыхъ невольниковъ и евнуховъ. Чпо же касается до красавиць, посылаемыхъ изъ Кавказскихъ странъ, онѣ недоступны взору глуровъ, продаются въ частныхъ домахъ, въ кошорые имѣють входъ одни Османлы. Торговая ихъ биржа—это кофейный домъ въ Топхань, въ кошоромъ просиживають цѣлый день купцы, курия шрубку и разговаривая объ удачахъ и неудачахъ своихъ предпріятій. Никого въ цѣломъ Спамбуль не огорчаетъ до такой степени чума, кошорая можетъ въ нѣсколько дней похищать всѣ ихъ сокровища.

Мнѣ нѣсколько разъ случилось видѣть молодыхъ невольницъ, когда ихъ водили въ баню, или къ кому нибудь на показъ; покрывала ихъ опкрышы болѣе обыкновеннаго, вѣроятно попому чпо нѣтъ надъ ними бдительнаго надзора ревнивца-мужа, или попому, чпо купецъ тайно желаетъ, чтобы молва превозносила его продажныхъ красавиць. Верхнее покрывало позволяеть любопытному взору видѣть брови, часть лба и даже цвѣтъ волосъ, а другое опускается иногда ниже носа, такъ чпо лице женщины рисуется

ся кабалистическимъ шреугольникомъ среди паниспвенныхъ завѣсь.

Иногда свѣшлорусые волосы Черкешенки напоминають ея сѣверное происхожденіе, и подь солнцемъ юга кажутся отраженіемъ его лучей; но большею частію онѣ имѣють глаза, брови и волосы совершенно черные, и это еще болѣе выказываетъ бѣлизну ихъ лица, подобнаго главѣ Эльборуса, когда на ней блуждаетъ розовое облако вечера, или шуманно-блѣднаго, какъ влюбленная звѣзда. Красота эписхъ женщинъ представляетъ особенный типъ; она не имѣетъ той скучной суровости древняго, классическаго идеала, и не выражаетъ усталости и помненія, которыя придають столько прелести Европейской женщинъ: ихъ красота, красота собственно Азіяшская и болѣе женская, нежели красота Гречанокъ; ихъ черты исполнены жизни и страсти, но рѣдко бывають спрогой правильности; можетъ быть въ нихъ нашелъ бы Гогартъ осуществленный идеалъ своей красоты, которая не перпишь прямыхъ линий и угловъ, и имѣетъ девизомъ и проношипомъ своимъ змѣеобразно изогнутую линію. Ихъ станъ останется загадкою, доколѣ онѣ будутъ окружать его неуклю-

жимъ *фредже*; говорятъ однако, что и спань ихъ напоминаетъ легкій и граціозный спань горцевъ, и это единственнѣй ихъ недоспашокъ въ глазахъ Турокъ, любящихъ въ женщинѣ льнивыя формы, приличныя сидячей, или лучше сказать, вѣчно лежащей жизни Воспощныхъ женщинъ.

Человѣколюбивыя мѣры нашего Правительсва въ скоромъ времени навсегда уничтожатъ поргъ Кавказскими плѣнниками, и наши крейсера въ Черномъ морѣ строго соблюдаютъ, чтобы ни одно судно съ плѣнниками не плыло вдоль этихъ измѣническихъ береговъ. Должно надѣлаться, что видѣнный мною въ Константинополѣ въ 1850 году корабль, послѣдній обрадовалъ Турецкіе гаремы данію Кавказа; до того ежегодно приходилъ въ Константинополъ корабль съ грузомъ молодыхъ Черкешенокъ. Этого обычай освященъ классическою стариною; первый корабль, прорвавшійся промежъ Симплегадъ въ *Гостепримный Портъ*, возвратился въ Грецію съ добычею Черноморской красавицы. Но въ наше прозаическое время соотечественницы Меден увозятся не рыцарями-Язонами, не любовниками, а просто купцами. Купцы, узнавъ

предварительно биржевые цены Сшамбула на женщинъ направляются къ Кавказскимъ племенамъ, и вышорговываютъ у родителей пригожихъ дочерей отъ 10 до 14 лѣтъ, или мѣняютъ ихъ на порохъ, на оружіе, на платье. Не думайте, чтобы молодыя невольницы съ грустію покидали родителей и родину; всякую изъ нихъ заблаговременно увѣряютъ, что она попадетъ въ Сераль великаго Султана, что она будетъ Султаншею; приномъ кунецъ, взявъ ихъ съ собою, бережетъ какъ зеницу ока; потому что все его расчеты основаны на ихъ здоровьи, на ихъ красотѣ, и если болѣзнь похищаетъ многихъ изъ нихъ, онъ можетъ обанкрутиться. Въ настоящее время хорошенькая Черкешенка цѣнится въ Константинополѣ отъ 15 до 25,000 піаспровъ (отъ 3 до 5000 рублей); но если она совершеннѣе красоты, если къ тому успѣла получить хорошее воспитаніе, цѣна возвышается до 40 и до 50,000 піаспровъ, а такъ какъ шоргъ этотъ прекращается, то въроятно цѣны еще значительно возвысились.

Черкешенки высшихъ сортовъ обыкновенно покупаются для подарковъ вельможамъ, или даже Султану; и потому шѣ, кошерые купили ихъ съ

такою цѣлю, стараются всеми средствами при-
 вязать ихъ къ себѣ, чтобы потомъ имѣть усерд-
 ныхъ заступницъ въ гаремахъ. После этого не
 удивительно, что ни одна изъ этихъ плѣнницъ не
 жалѣетъ о своей родинѣ, о родителяхъ ее про-
 давшихъ, и о лѣтахъ дѣтства, проведенныхъ
 въ нищетѣ горныхъ племенъ. Припомъ образо-
 ванная Европейская дама, Англичанка высшаго
 круга, Леди Монтегю въ своихъ обворожитель-
 ныхъ письмахъ изъ Турціи, находить судьбу
 Турчанокъ невольницъ почти завидною; изчис-
 ливъ всѣ преимущества неволи женщинъ, она
 прибавляетъ: «Вы мнѣ замѣтите можете быть,
 что мужчины покупаютъ женщинъ съ дурными
 помышленіями; но, по моему мнѣнію, во всѣхъ
 большихъ городахъ Христіанскихъ земель, ихъ
 продаютъ и покупаютъ съ такимъ же безстыд-
 ствомъ, и почти также публично.» Прошу за-
 мѣтите впрочемъ, что это говоритъ Леди Мон-
 тегю а не я; и что это было сказано за 120 лѣтъ
 предъ симъ; можете быть съ того времени
 въ Христіанскихъ городахъ обычаи измѣнились,
 и въ наше время сравненіе можете быть не-
 вѣрнымъ.

Во все продолженіе двухъ блистательныхъ

вѣковъ Турецкой Имперіи, послѣ каждой войны, каждаго опустошительнаго набѣга въ Грецію, въ Венгерію, въ Польшу, многія тысячи плѣнницъ привозились для населенія гаремовъ; Кавказъ доселѣ продолжалъ посылать ежегодно въ Спамбуль цѣлые ихъ грузы; при шакомъ поспояномъ привозѣ женщинъ нельзя не удивляться чувствуемому во всей Турціи недостатку въ нихъ, и постепенному уменьшенію Турецкаго народонаселенія, между тѣмъ, какъ другія племена ему подвластныя, въ особенностіи Армянское и Еврейское, значительна умножаются. Безъ сомнѣнія ничему другому нельзя приписать это, какъ многоженству.

Мы видѣли уже, что многіе Турецкіе вельможи вывезены также изъ Кавказа; малолѣтныя дѣти были проданы или своими родителями, или набѣдникомъ, захватившимъ ихъ въ плѣнъ въ непрерывной войнѣ, кошорая свирѣпствуетъ между Кавказскими племенами. Одни изъ нихъ поступаютъ въ Сераль въ корпусъ Ичоглановъ или пажей, и тѣ, кошорые способностями или красошою обращаютъ на себя милосливое вниманіе Падишаха, могутъ со временемъ сдѣлаться Визирями и управлять Имперіею. Другіе посту-

наюшъ въ корнусъ бѣлыхъ свнуховъ, и на поприщѣ гаремной службы могутъ дослужиться до важнаго сана Капы-Ага-сы, т. е. начальника дверей, или начальника спражи бѣлыхъ свнуховъ. Замѣтимъ здѣсь, что въ Турціи число свнуховъ не такъ велико, какъ въ Европѣ вообще думаютъ; свнухи составляютъ предметъ роскоши, принадлежащей только Сералю и весьма немногимъ важнымъ лицамъ. Припомъ вліяніе ихъ ограничивается въ кругу семейной жизни и гарема; власть Кизляръ-Ага-сы и Капы-Ага-сы рѣдко простирается далѣе Серала, и врядъ ли эти вельможи имѣли когда-нибудь въ Турціи такое вліяніе на государственный дѣла, какъ въ Императорскомъ Римѣ и въ Визанціи, гдѣ даже одинъ изъ нихъ былъ величайшимъ полководцемъ, а другой предсѣдалъ въ Сенатѣ. За то въ Турціи званіе раба вовсе не такъ унижительно, какъ было въ древности; если рабъ не разлученъ религіею или цвѣтомъ своей кожи отъ своего господина, если онъ успѣлъ пріобрѣсти его довѣренность и благосклонность, онъ можетъ считать себя почти членомъ семейства. Рабамъ, такъ какъ и гаремнымъ невольницамъ, дается тщательное воспитаніе, и никогда неволя не заградитъ пути къ

достоинствамъ и къ почестямъ, при умѣ и при способностяхъ. Эгоизмъ Азіянца любитъ окружать себя своими шварями, людьми, коихъ судьба неразлучно связана съ судьбою подозрительнаго деспота. И въ древности какъ и теперь мы часно видимъ въ Азіи все бремя государственнаго правленія въ рукахъ раба. Еще недавно обширное и богатое государство освободилось отъ власти Мамлюковъ, которые, какъ извѣстно, были невольники, вывезенные изъ Кавказа.

Греція и Римъ были въ вѣчной борьбѣ съ тѣмъ поколѣніемъ, которое судьбою войны было обречено наследственному рабству; все средства нравственнаго уничтоженія чловѣка, все жестокости, которыя кровавыми пятнами лежали на прекрасныхъ страницахъ исторіи цвѣтущаго ихъ вѣка, казались позволительными, даже необходимыми для обезпеченія правъ привилегированной половины народа. Во времена величія Рима варварство простиралось до того, что рабовъ бросали въ пруды на кормъ рыбамъ, предназначеннымъ усладить чудовищное гастрономическое безпутство Римскихъ богачей. Въ Американскихъ республикахъ еще и теперь раб-

ство сохраняетъ безчеловѣчный характеръ рабства древнихъ республикъ; можетъ быть оно необходимо при республиканскомъ правленіи, чтобы представлять бѣдственную картину чело-вѣчества, поправнаго и уничиженнаго, подлѣ судорожнаго стремленія чело-вѣка къ призраку свободы.

Г Л А В А IV.

Выгоды сумасшествия. — Восторженный Дервишъ и ругательства. — Излеченіе безумія побоями. — Безуміе ожиданія, безуміе логики и безуміе вора. — Находка для черепослововъ. — Ошибка двухъ Султаншъ. — Народная черта въ безуміи. — Полиція и тюрьмы. — Арифметическое правосудіе. — Тюремная промышленность. — Съѣстные припасы. — Ухищренія хлѣбниковъ. — Привилегированныя казни. — Ступка для Улемъ, и преданіе о ней. — пытки. — Живость Турецкаго правосудія. — Балконы-висѣлицы. — Слѣды прогулокъ.

Ни въ одной странѣ сумасшедшіе не пользуются такимъ уваженіемъ какъ въ Турціи; извѣстно, что Магомешане смѣшивающъ въ своихъ понятіяхъ религіозный воспоргъ съ сумасшествіемъ, думаютъ, что вышній духъ вынѣснаетъ изъ головы обыкновенный человѣческой разумъ, и что чѣмъ менѣе ума въ человѣкѣ тѣмъ чаще посѣщаетъ его вдохновеніе. Во всякомъ Турецкомъ городѣ найдете бродягъ, которые съ безуміемъ во взорѣ ходятъ по улицамъ, бормочатъ всякій вздоръ, входятъ за подаяннѣемъ въ имарены и въ часныя дома, могутъ даже оскорбить васъ, но не смѣете ихъ коснуться, чтобы не раздражить фанатической шолпы, которая видитъ въ нихъ избранниковъ Аллаха,

исполненныхъ вдохновеній. Это родъ бывшихъ встарину въ Россіи юродивыхъ. Въ особенності Дервиши играютъ подобныя роли; можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ онѣ постоянно болѣзненнаго напряженія ихъ физическихъ и умственныхъ способностей суевѣрными обрядами ихъ словесія, и онѣ большихъ приемовъ опіума, они приходятъ въ состояніе постоянного восторга, лишаящаго ихъ употребленія разсудка.

Даже безумные другихъ религій пользующіяся благосклонностію Опшоманъ, и если ихъ безуміе бываетъ характера шихаго, безъ припадковъ буйства, они совершенно свободны, живутъ ли подъ присмотромъ родственниковъ, или бродятъ по улицамъ.

Я посѣщилъ сумасшедшій домъ Турокъ, состоящій при мечети Солиманіэ. Среди двора, въ кругу плашановъ, бѣшь фоншанъ, и кругомъ построена галлерей изъ маленькихъ локъ, въ коихъ за желѣзными перилами содержащіяся безумные. И здѣсь, какъ въ базарѣ невольницъ, мнѣ представилась картина звѣрица; шамъ неволи, здѣсь безуміе унизили чловѣка до состоянія живошнаго; и какъ въ адмиралтейскомъ ospoгѣ, и здѣсь, поразилъ меня звукъ цѣней; безум-

ные привязаны цѣпью къ желѣзнымъ периламъ, попому что ихъ безуміе буйно и опасно. Все убранство ихъ шьеной комнапы соспоишь въ цыновкѣ, на кошорой они лежатъ, и въ про-
сномъ коврѣ, кошорымъ покрываются; весь при-
сморъ — въ кружкѣ воды и въ кускѣ хлѣба,
или въ блюдѣ пилава, кошорые приносятъ имъ
надзирапелъ; а что касается до пользованія —
они вымечатся, когда будешь угодно Аллаху и
его Пророку посылать имъ менше вдохновеній.

Одинъ изъ нихъ, дервишь, въ грязныхъ лох-
мошьяхъ, съ обнаженною грудію, съ лицемъ, ко-
шорато блѣдность еще увеличивалась при огнен-
номъ его взглядѣ и при черныхъ волосахъ, рас-
препанныхъ и выпадавшихъ изъ подъ его длин-
наго кюлафа, изрыгалъ проклятія на все племя
гяуровъ, когда мы предъ нимъ проходили. Мнѣ
сказали, что онъ всегда былъ неугомоннымъ изу-
вѣромъ, врагомъ Хрисціанъ, и что соуписшво-
валъ Султанскимъ войскамъ въ войнѣ съ Россією,
и послѣ прешерпѣннаго ими пораженія, возвра-
тился въ Сиамбуль въ эпомъ соспояннїи; впро-
чемъ онъ всегда былъ набожно уважаемъ солда-
нами, и по возвращенїи своемъ немедленно оп-
правился въ Галапу, чшобы выместить на пер-

вамъ встрѣтившемся ему Франкъ несчастія своего похода; онъ успѣлъ поколотить безъ милосердія нѣсколькихъ Сардинскихъ мапросовъ, куда его связали и принесли въ эиопъ домъ. Мы должны были прехладнокровно выслушать его ругательства, видя на лицахъ сопущивавшихъ намъ Турокъ глубокое уваженіе къ особѣ Дервиша, копораго, по силѣ его вдохновеній, они гошовы были включивъ въ число своихъ 120,000 пророковъ.

Болѣе возбудилъ мое любопытство сумашедшій совершенно другаго рода; при буншѣ Янычаръ ошець его былъ обезглавленъ въ его глазахъ; онъ со страха упалъ въ обморокъ; пришедши въ чувство онъ былъ увѣренъ, что онъ самъ также обезглавленъ, и что онъ долженъ быть въ кладбищѣ; его безуміе было шихо, но его были принуждены посадить въ эиопъ домъ, потому что никакъ не могли убѣдить его удалиться изъ кладбища, гдѣ онъ непременно хотѣлъ выкопать себѣ яму. Онъ не имѣетъ никакихъ воспорговъ, не приходитъ никогда въ неистовство, совершенно помнитъ все что съ нимъ случилось, и раздѣляетъ приключенія своей жизни на двѣ эпохи — первую, когда онъ

былъ въ живыхъ, и вѣпорую, когда силою его задерживаютъ между живыми, хотя онъ давно умеръ.

За симъ посѣщилъ я сумасшедшій домъ Грековъ, состоящій при церкви Божьей Машери въ Эгри-Капы*. Здѣсь зрѣлище еще болѣе плачевное; несчастные также окованы цѣпями, и ихъ не ограждаетъ суевѣрное почитаніе Турокъ. Напрочь того ихъ единовѣрцы думаютъ, что въ нихъ поселился злой духъ, самъ Сапана, и вмѣсто всякаго другаго пользованія, стараются только изгнать изъ нихъ Сапану чистіемъ молитвъ и побоями. Священникъ вполне разделяетъ это убѣжденіе простаго народа, и не хотѣлъ мнѣ вѣршишь, когда я ему рассказывалъ, что у насъ въ Россіи употребляютъ другія средства для излеченія безумныхъ; онъ не входилъ въ богословскія тонкости, и вмѣсто всякаго другаго доказательства, сказалъ мнѣ, что наступаетъ часъ чистенія молитвъ, повелъ меня къ сумасшедшимъ, спалъ чистилъ ихъ молитвами, и сказалъ мнѣ, замѣчайте, какъ будетъ въ нихъ

* Эгри-пы, *косыя ворота*, недалеко отъ Ирѣсныхъ водъ; это одинъ изъ 36 воротъ Константинопольской крепости; у Грековъ назывались также *карсія пύλη*.

порываться нечистый при всякой молитвѣ, при всякомъ словѣ изъ Евангелія. Дѣйствительно между сумасшедшими поднялся плачь, крикъ, дикій хохотъ безумія, раздрающіе вопли; они мешались какъ могли, стучали цѣпами, и представили ужасное зрѣлище. Тупиѣ вопель спорожъ съ огромною палкою, и спалъ битъ безъ пощады пѣхъ, кони болѣе бѣсновались, чѣобы выбить изъ ихъ пѣла нечистаго. Я осмался въ швердомъ убѣжденіи, что эти несчастные или предчувствуютъ приходъ спорожа съ палкою, когда читаются молитвы, и безуміе ихъ выражаетъ свой страхъ воплемъ ошчальнія, или увѣрились сами, что въ нихъ обитаетъ нечистый духъ, и думаютъ что эшонтъ духъ непременно заспавляетъ ихъ бѣсноваться. Для чего суевѣріе, всегда прилипчивое въ людяхъ при здоровомъ состояніи разсудка, не могло бы сообщиться и несчастнымъ, конхъ разсудокъ зашился?

Въ другомъ опдѣленіи быми пѣ, конхъ безуміе не доходило до несповспва; пмѣ позволялось ходитъ на свободѣ и гулять на церковномъ подворьи. Всѣ роды безумія соединились здѣсь, и на каждомъ шагу сближались самыя шрогашельныя каршны, съ самыми смѣшными.

Спарикъ почтенной наружности, съдой какъ лунь, игралъ въ куклы, разговаривалъ съ ними, одѣвалъ ихъ со всею заботливостію шрехлѣшней дѣвушки; когда я къ нему приблизился, онъ спрашивалъ у меня, скороли придетъ его *Зафира*; надзиратель сказалъ мнѣ, что эпа Зафира была его внучка, единственная отрада его спаросни, и что лѣтъ шесть тому назадъ она безъ вѣсти пропала; спарикъ послѣ долгихъ поисковъ помѣшался, сберегъ однѣ дѣтскія игрушки своей внучки, привязался къ нимъ, какъ къ утѣшительному воспоминанію о ней, и уже цѣлыя шесть лѣтъ играетъ съ куклами и спрашиваетъ у всѣхъ о своей Зафирѣ. Положеніе спарика спановинна еще болѣе несчастнымъ отъ временныхъ возвращеній разсудка; онъ иногда чувствуетъ, что дитя невозвратно пропало, что онъ остался одинъ въ цѣломъ мірѣ; онъ чувствуетъ свое сумашествіе, и горько плачетъ, доколь заплмѣніе разсудка не принесетъ ему вновь утѣшительныхъ ожиданій; но и въ самой любви безумнаго къ призраку, что можетъ быть прогательнѣе этой постоянной привязанности съдовласаго спарика къ малолѣтнему дитяти, этихъ двухъ крайностей жизни, кото-

рыя опъ могилы до колыбели подаюшъ одна другой руку?

Другой сумасшедшій сидѣль съ выраженіемъ непришворной грусти, и видя, что я принималъ въ немъ участіе, со слезами просилъ меня, чтобы я съѣздилъ на гору Синай, привеспи опшуда его шѣнь, копорая была заложена за долги въ монастырской казнѣ; а ему безъ шѣни было скучно и грустно, ему шѣнь была всего дороже; онъ совѣспился показываться безъ своей шѣни, и припомъ боялся, что если Турки узнаюшъ, что онъ безъ шѣни, сочшупъ его своимъ нечеспивымъ Пророкомъ, и заспавяпъ дѣлашъ *намазъ*. Это опасеніе, говорилъ онъ, принуждало его припворяться сумасшедшимъ, и онъ всегда нацилъ за собою разорванный плацъ, чтобы никто не замѣпилъ, что у него имѣшъ шѣни. Онъ былъ самага шихаго нрава, и въ своемъ сумасшесшвіи велъ себя весьма умно; его пошому шолько посадили въ эшопъ домъ, что въ самомъ дѣлѣ какой нибудь Турокъ изувѣрь, могъ бы оскорбншъ шѣмъ, что нечиспный Гяуръ припсывалъ себъ свойспво, принадлежащее одному Магомешу — не имѣшъ шѣни.

Еще возбудилъ мое любопытспво человекъ

помѣщенный на воровствѣ. Онъ служилъ сперва сидѣльцемъ въ какомъ-то магазинѣ, и былъ замѣченъ въ ушайкѣ незначительныхъ поваровъ, между шѣмъ какъ во всемъ прочемъ былъ самой строгой честности. Онъ до того увлекся природною склонностію къ воровству, что наконецъ спалъ воровать самъ у себя, и на этомъ помѣшался. Онъ подошелъ къ намъ съ жалобою, что ему не даютъ ѣсть, между шѣмъ какъ всѣ прочіе давно уже опобѣдали; я узналъ отъ надзирающаго, что онъ во-время получилъ свою порцію, но имѣешь обыкновеніе похищать ее, и съ большими предосторожностями, чтобы никто не подсмотрѣлъ, прятать въ какомъ нибудь углу, или въ ямѣ нарочно выкопанной, потомъ страдаетъ отъ голода, доколѣ не удастся ему опять тайно унести спряпанное имъ, какъ будто чужое, и съ поспѣшностію скрытно пожрать. Я увѣрился въ этомъ, когда прошелъ часъ гулянія, и всѣ большыя заперлись въ своихъ покояхъ; я подсмотрѣлъ въ щель презабавную сцену: этотъ оригинальный воръ накопилъ въ своей кануркѣ разныхъ лохмотьевъ, кирпичей, разбитыхъ склянокъ и всякой всячины, и съ большимъ шщаніемъ устроилъ изъ всего этаго

родъ безестенской лавочки; по среди шоваровъ посадилъ деревяное чучело, покрылъ его своимъ халапомъ, и надѣлъ на него свой колпакъ; попомъ началъ свое предспавленіе: вошелъ самъ въ лавку, сшалъ шорговать разныя вещи, шребовалъ по шого по другаго, отвлекалъ такимъ образомъ вниманіе чучела, и съ удивительною шворносноію кралъ разныя вещи и набивалъ ими свои карманы; между шѣмъ съ принужденнымъ хладнокровіемъ разговаривалъ съ чучеломъ; глаза его выражали величайшее внушреннее волненіе, голосъ дрожалъ иногда отъ боязни, и пошъ градомъ капился съ его лица. Подобныя явленія каждый день повшорялись; ничто не могло его отвлечь отъ любимаго упражненія, и эша спрасшъ владѣла имъ какъ лихорадка, держала его въ поспояшномъ, мучительномъ напряженіи, и имѣла гибельное вліяніе на его здорвіе. Подобное помѣшательство предспавляе шъ любопытную психологическую задачу, и всякій кранологъ дорого заплашилъ бы за черепъ эшаго человѣка, чшобы шочнѣе опредѣлишь выпушосшъ воровскихъ наклонноспей, развишыхъ у него до безумія. Такъ какъ по наблюденіямъ Германскихъ ученыхъ эша вышуклосшъ еспъ въ

поже время и выпуклоспъ способносней завоева-
 пеля — можепъ быпъ, нашлись бы соотношенія
 между черепомъ челоѵка помъшеннаго на воров-
 спѵ и черепомъ, въ коемъ обиталъ геній наше-
 го вѵка, помъшанный на завоеванія хъ.

Изъ всѵхъ родовъ сумасшеспвія, собранпыхъ
 въ эпомъ домъ, самое смъшное, самое болпли-
 вое ин евинное, было сумасшеспвіе одного пшколь-
 наго учителя; жертва классицизма, онъ рехнул-
 ся надъ логикою Аристопеля и не знаю еще
 надъ какими древними рипорами; бредилъ со-
 физмами, полковалъ своимъ поварищамъ прави-
 ла силлогизмовъ, и со всѵмъ учительскимъ пер-
 нпнемъ слушалъ ихъ бреды, и хопѵлъ учипш
 сумасшедшихъ логикъ. Онъ съ улыбкаю самодо-
 вольспвія сообщилъ мнѵ шайнымъ образомъ, что
 онъ выдумалъ новыя формы силлогизмовъ, кои ми,
 при случаѵ могъ бы доказать самому Сулпану,
 что безъ Аристопеля не одобровапъ новообра-
 зованнымъ войскамъ его; но въ поже время жа-
 ловался на невѵжество Турокъ, которые лучше
 понимали силлогизмъ палочныхъ ударовъ и по-
 сылку въ капоргу, нежели послыки Аристопе-
 левой логики.

Въ такомъ многочисленномъ собраніи сума

шедшихъ могли ли не быть сумасшедшіе отъ любви? — Одинъ изъ нихъ въ особенності занимашеленъ предлиннымъ разсказомъ о томъ, что онъ влюбленъ въ дочь Султана, а въ него влюбилась по ошибкѣ старая сестра Султана, героиня многихъ романовъ, и онъ не знаетъ куда дѣваться отъ Султаншъ, и какъ согласить эти двѣ спраси.

Еще одно замѣчаніе о сумасшедшихъ домахъ Сипамбула: и въ этомъ последнемъ убѣжищѣ чловѣка, когда безуміе сперло межевую черту, отдѣляющую царя созданія отъ живошнаго, сохраняется еще характеръ племени: въ сумасшедшемъ домѣ Турокъ раздавался только свирѣный голосъ фанатизма; всѣ другія спраси зашихли, или выражались мрачнымъ молчаніемъ: въ Эгри-капы сумасшедшіе предспавляли самое одушевленное зрѣлище: шумѣли, говорили, спорили, и кромѣ шѣхъ, которые были въ цѣпяхъ, остальные проводили время довольно приятно или забавлялись, или печаль ихъ была шна, и находила какъ будто утѣшеніе въ своемъ безуміи.

Въ шонъ же день постѣпиль я шорьмы Сипамбула, а шоремъ въ этомъ городѣ сполько же,

сколько и лицъ имѣющихъ право сажать въ тюрьму. Сераскирь, Верховный Визирь, Воевода Галапы и Греческій Папріархъ имѣютъ каждый въ своемъ вѣдѣніи по одной тюрьмѣ. Кроме того кулуки, или гауппивахшы, находящіеся обыкновенно у воротъ Конспаппинополя и въ каждомъ предмѣстіи, имѣя полицейскій надзоръ надъ своимъ кварталомъ, предоставляютъ начальнику караула право арестовывать просполонимовъ, или употребляютъ легкія полицейскія мѣры, каковы напримѣръ палки по пятамъ, для содержанія порядка. Прежде эти посты ввѣрялись янычарскимъ Чаушамъ, теперь офицерамъ регулярныхъ войскъ; говорятъ, что городъ много выигралъ при этой перемѣнѣ; но при Янычарахъ полиція кулуковъ была самая простая: между двумя лавочниками происходилъ споръ; одинъ изъ нихъ являлся къ Чаушу съ жалобою, подкрепленною двумя піаспрами, и сажалъ своего сосѣда въ кулукъ; пошъ могъ заплачивать чепыре и посадить шуда обвинителя; эпошъ опять удвоивалъ сумму, и наконецъ правымъ оставался пошъ, кто послѣдній набавлялъ. Читатель замѣтитъ, можешь быть, что и въ другихъ справахъ, и въ другихъ судахъ проис-

ходятъ подобные шорги, но въ Турціи это дѣлалось по крайней мѣрѣ безъ всякихъ прикрасъ юриспруденціи, съ какою-то папріархальною прощеною. Кулукчи сидѣлъ въ кофейномъ домѣ на диванѣ, поджавъ ноги и куря свой кальянъ (кофейный домъ есть главная принадлежность всякой гаупшвахты), а подсудимые предъ нимъ гласно дѣлали свои предложенія, безъ всякаго соблазна присупствовавшихъ, и никто не ропсала на это правосудіе, потому что оно никогда не могло ошибиться, будучи основано на ясномъ и простомъ ариеметическомъ расчетѣ. Самъ даже обвиненный спойчески оправдывался въ шорьму, издѣваясь надъ своимъ противникомъ, котораго разорялъ выигранный процессъ.

Впрочемъ и теперь содержатъ шорьму въ Константинополѣ лучше всякой другой промышленности, всякой фабрики, всякаго трактира. Кромѣ значительнаго дохода присвоеннаго вельможѣ еще права сажать въ нее людей подъ самымъ легкимъ предлогомъ, и потомъ взимають произвольный выкупъ, самый *кеая*, или надзиратель шорьмы, взыскиваетъ пошлины за каждую трубку табаку, за каждую чашку кофе, конми виновный утѣшаетъ свое заключеніе, даже за

каждый кусокъ кляба и спаканъ воды, не говоря уже о свиданіяхъ съ нимъ кого нибудь изъ ближнихъ. Прибавьте къ этому безпреспаннныя бакшиши спорожамъ, и вы увидите, что шюремное дѣло приводитъ ежедневно въ кругообращеніе значительныя суммы.

Безъ сомнѣнія все это не можешь относитися къ шорьмъ, состоящей при папріаршей церкви; шакъ какъ власть и вліяніе Папріарха болѣе основаны на преданности къ нему, и на набожномъ уваженіи народа къ его сану, нежели на привилегіяхъ, дарованныхъ ему Султаномъ, шю, дорожа народнымъ мнѣніемъ, церковно-политической власти шщательно избѣгаетъ всякаго рода злоупотребленій.

Что касается до статистическихъ выводовъ о шорьмахъ Константинополя, одно только замѣтилъ я, что изъ числа людей сидящихъ въ нихъ, найдете весьма мало шакихъ, которыя задержаны за долги; заимодавецъ рѣдко рѣшился прибѣгнуть къ правосудію, которое имѣетъ обыкновеніе выжимать и послѣднюю копѣйку у неисправнаго должника. Большая часть заключенныхъ провинилась продажею състныхъ припасовъ выше шаксы, или фальшивою мѣрою; а

должно знать, что съѣстные припасы составляютъ главный предметъ Стамбульскаго правосудія и строгаго надзора Турецкой полиціи, предметъ, конемъ лично занимаются первые вельможи и самъ Султанъ. Это единственное средство, конемъ правительство заботится содержать спокойствіе города, при многочисленномъ его народонаселеніи, и предупреждать мятежи, могущіе произойти при дороговизнѣ припасовъ. Но по слухамъ, истинно Турецкому расчету болѣе хлопочетъ о соблюденіи произвольно назначенныхъ имъ цѣвъ, нежели о снабженіи города, и думаетъ что все сдѣлано, когда есть шакса на хлѣбъ, на мясо, и когда она поддерживается палочными ударами по пятамъ продавцевъ. Вспомнимъ поспоянное пониженіе курса Турецкой монеты, которая уже сколько лѣтъ ежегодно теряетъ десятую долю своей цѣны, отъ безпрерывной порчи мепалла при той же номинальной цѣнности, и этимъ объясняется вѣчный безпорядокъ въ снабженіи припасами этой столицы, и насильственные мѣры, не одинъ разъ употребленныя Поршою для задержанія въ Констанцинополѣ грузовъ Черноморской пшеницы, назначенныхъ въ другія гавани

Средиземнаго моря. При такихъ обстоятельстввахъ хлѣбникамъ оспается одно только средство, чтобы согласить паксу правительствва съ своими выгодами: они мѣшаютъ въ свой хлѣбъ всякаго рода зерна, и когда и зерна спавовяшся слишкомъ дороги, набавляютъ чрезъ мѣру соли, чтобы придасть болѣе вѣсу, и даже песка и золы*. На это полиція не обращаетъ никакого вниманія, а хлопочетъ только о цѣнѣ хлѣба, и назначила даже особеннаго рода наказаніе для хлѣбниковъ, состоящее, какъ извѣстно, въ томъ чтобы за ухо гвоздемъ прибить виновнаго къ дверямъ его лавки; палки по пятамъ даются обыкновенно за фальшивый вѣсъ.

Въ Турціи всякое сословіе, какъ и всякая вина, имѣетъ свое привилегированное наказаніе, и это простирается отъ хлѣбника и лавочника на всю іерархію государственныхъ чиновъ, до самаго Верховнаго Визиря. Съ особенною спро-

* Въ послѣднюю войну, когда вывозъ пшеницы изъ Чернаго моря былъ запрещенъ, корабль пришедшій изъ Босфора въ Одессу доставилъ образчикъ хлѣба, которымъ тогда пшались Константинопольскіе жители; его изъ любопытствва разложили на составныя части, и нашли въ немъ половину разной муки, испорченной и гнилой, а другую половину соли, песку и золы.

госпію соблюдаеня это въ родъ смертной казни, и ничего не можетъ быть обидѣе для чело­вѣка высшаго званія, какъ плебейская смерть. Разбойниковъ сажаютъ на колъ, вѣшныхъ ду­шатъ, гяурамъ рубятъ головы, или ихъ вѣша­ютъ, Пахамъ посылаеня почепшій спурокъ или чашка яду, и попомъ строго соблюдаеня церемонія выставки ихъ головы на серебря­номъ блюдѣ, на отдѣльномъ подножіи, не шамъ гдѣ бросаюся головы незначашнихъ людей; га­ремныхъ аристокрашокъ зашиваюся въ мѣшокъ и бросаюся въ море; провинившихся женщинъ нисшихъ званій ведутъ по улицамъ безъ покры­вала на лицѣ, что почиваеня величайшимъ на­казаніемъ, особенно если онъ собою дурны, а Улемъ, п. е. юрисконсульшавъ и духовныхъ, тол­купъ живыхъ въ спункъ. Впрочемъ эпошъ по­слѣдній родъ казни извѣстенъ въ Спамбуль шолько по преданію, а это преданіе основы­ваеня на томъ, что въ одномъ углу Серальска­го двора стоишъ колоссальная мраморная спун­ка, безъ всякаго употребленія. Мивія Мусуль­манъ о ней несогласны; одни говорятъ, что ка­кой-шо Муфши былъ обличенъ въ нарушеніи за­кона и въ важныхъ пресупленіяхъ; онъ ласкаль

себя надеждою, что его наказаніе ограничится ссылкой, потому что законъ запрещаетъ душищъ, топить и рѣзать голову Главъ духовнаго сословія; но видно, что Султанъ тогдашній самъ былъ опытный юристъ, и велѣлъ распорочь Муфтія въ спупкѣ, потому что законъ объ этомъ молчалъ. Другое сказаніе о спупкѣ болѣе запѣйливо; вошь оно: при Султанѣ Мурадѣ, не знаю копоромъ, снарый Османлы, поперязъ жену и дѣтей, отправился на поклоненіе въ Мекку; предъ отправленіемъ своимъ онъ ввѣрилъ немногія драгоценности, въ копорыхъ состояло все его имущество, одному кадїю ш. е. судѣ, копорый слылъ въ своемъ кварталѣ мужемъ праведнымъ и солнцемъ правосудія. Несчастныя приключенія каравана, плѣнь у Бедуновъ, болѣзнь и бѣдность продлили на нѣсколько лѣтъ оплучку поклонника, а кадїй, считая себя законнымъ его послѣдникомъ, заблаго-разсудилъ не дожидаясь долѣе вспупить въ свои права. Однажды является къ нему изнуренный и въ рубищахъ поклонникъ, прося возвращенія ввѣренныхъ ему драгоценностей. Кадїй не счелъ приличнымъ вспомнить о своемъ обязательствѣ, ни даже узнать довѣрчиваго Мусульманина, ко-

порый ввѣрилъ ему все свое сосноянiе, но не имѣлъ никакого доказательства, никакихъ свидѣтелей. Случилось, что погдашiй Визирь былъ произведенъ въ это званiе изъ базарныхъ спорожей; одаренный лучшею памяшью нежели кадiй, онъ не забылъ честнаго купца своего базара, который жаловалъ ему частыя бакшиши, и узналъ его подъ рублищемъ поклонника. Онъ обѣщался употребить все свое влiянiе, весь свой государственнiй умъ, чпобы обличить лицемернаго судiю, и донесъ объ этомъ дѣлѣ Султану, который охотно взялся ему содѣйсшвовать, желая показашъ примѣръ Султанскаго правосудiя надъ однимъ изъ самыхъ уважаемыхъ членовъ ученаго сословiя. Визирь позвалъ къ себѣ Кадiя, и послѣ ласковаго приема, сказалъ ему, что до самаго Падишаха дошли слухи о его безкорыстiи, о его проицапельности и мудрости, что онъ вмѣняетъ себѣ въ обязанность обратиться въ пользу государства его высокiя достоинства, и сдѣлашъ его своимъ совѣшникомъ въ дѣлахъ законовъ, дабы халифанъ былъ въ полномъ смыслѣ разсадникомъ правосудiя при шакомъ феникесѣ. Кадiй удостоился лично бесѣдовать съ Султаномъ, и каждый разъ давалъ новыя доказа-

пелешва своей строгой честности, совѣшуя карань безъ пощады порокъ и развращѣ. Однажды въ бесѣдѣ съ нимъ, въ кіоскѣ надъ моремъ, Султанъ уронилъ свои четки, кошорыя упали въ воду. Султанъ изъявилъ досаду, и вспомнилъ, что еще не давно такимъ же образомъ пропали другія его четки, къ кошорымъ онъ былъ весьма привязанъ, кошорыхъ каждое зерно, соопвѣспвуя одному изъ именъ Аллаха*, внушало ему благочестивыя мысли; онъ спалъ подробно ихъ описывая, говоря что дорого далъ бы, чпобы доспачъ подобныя. Случилось что у Кадія были именно шакія четки, и онъ охотно предложилъ ихъ Султану; а надо знать, что это описаніе сдѣлалъ Султанъ по разсказу бѣднаго поклонника о четкахъ, оставленныхъ съ другими вещами у Кадія. Черезъ нѣсколько времени Султанъ, послѣ спрѣянія изъ луга, жаловался на кольцо, которое обыкновенно надѣваеися на палець для натягиванія шешвы, и кошорое никуда не годилось и причиняло ему боль; онъ хонѣлъ бы доспачъ спа-

* Четки обыкновенно состоятъ изъ 99 зѣренъ; Турки проводятъ цѣлыя дни въ набожномъ упражненіи перебиратъ зерна и воспоминашь при каждомъ изъ нихъ одно изъ именъ Аллаха.

ринное кольцо такого то мастера; Кадій усердно предложилъ имѣвшееся у него кольцо работы поименованнаго мастера. Султанъ, имѣя въ рукахъ двѣ вещи, которыя явно изобличали святошу, и удостовѣрившись такимъ образомъ въ его вину, спросилъ его, спустя нѣкоторое время: какому наказанію присудилъ бы онъ кадія Багдадскаго, который обманомъ присвоилъ себѣ чужое имущество, и оставилъ хозяина въ нищету? Въ порывѣ правосудія и морали, Кадій вовсе не могъ подозрѣвать, что дѣло идетъ о немъ, и сказалъ, что такого преступника, въ примѣръ всемъ законоучителямъ и судіямъ, слѣдовало живымъ располочь въ спупкѣ. Черезъ нѣсколько дней спупка была гошова, и судія подвергся собственному приговору. Такая хроника спупки, которую впрочемъ многіе считаютъ древнимъ саркофагомъ.

Кто не любопытствовалъ видѣть тюрьму, извѣстную прежде подъ именемъ тюрьмы Бостанджи-Баши, въ которую посылаются государственные преступники, предъ образомъ коей равно шрепещетъ и Армянскій банкротъ и смѣнный Визирь? Это аристократическая тюрьма Стамбула. Воспоминанія, нечуждымъ сохра-

ненныя въ ней, согласны съ висчашльнїемъ, которое она производить. Огромное каменное зданіе принадлежишь въкамъ Греческой Имперїи, и по всѣмъ вѣроятносїямъ, служило и тогда какъ и теперь тюрьмою. Тяжелыя слѣны, корридоры, темныя своды, и среди всего этого заблудшее воспоминаніе робкаго, утонченнаго деспотизма Византіи и полудикаго деспотизма Турокъ..... Прищомъ все зданіе тюрьмы со времени взятїя Турками Конспантинополя не было ни обновлено ни даже выбѣлено; оно одѣло праурнымъ колоритомъ развалины, какъ будто рука человека боялась спереть съ него слѣды спраданїй сполькихъ вѣковъ, смыть эти слезы, впившіяся въ кирпичныя его полы, эти пятна крови, видимыя въ опдѣленїи пыпокъ. Подъ сводами ея душно, какъ будто тюремная атмосфера соспавлена вся пзъ вздоховъ.

Во многихъ сводахъ весели орудїя пыпокъ; клещи, конми палачъ давить виски мученика, доколь не выпучапся въ своихъ орбиновъ спнѣлыя глаза, другїя для выверпыванїя соспавовъ и выпягиванїя членовъ, шиски для сжиманїя ногъ, желѣзныя когши, конми раздираюпъ человѣческое тѣло и рвутъ въ лоскупья кожу:

въ иномъ углу спояли мепаллическія кресла, въ кошорыя сажають спрадальца, и поспепенно приближають къ горячей ашмосферѣ расплавленнаго очага. Между ужасомъ и отвращеніемъ, наводимымъ подобными карпинами, недоспавало полько мрачной фигуры палача, кошорый въ кругу своихъ орудій показался бы мнѣ злымъ демономъ, пришедшимъ на землю, чпобы осуществитъ карпины созданныя пугливымъ воображеніемъ черни.

Здѣсь шеперь пусто, какъ и въ шпорьмахъ Инквизиціи; подъ этими мрачными сводами не раздается шеперь вопль мученика; но если эо сводовъ, привыкшее вшорить голосу спраданія, порою пробудится шумомъ вашихъ шаговъ, или вашимъ голосомъ, васъ обдаеть невольная дрожь, вы подумаете: не вздохъ ли эшо издаваемый невидимымъ спрадальцемъ. Я видѣлъ шюрмы Венеціанской инквизиціи; ужасъ, наводимый ими, имѣеть что-то величественно-суровое; въ нихъ носится еще колоссальный призракъ подозрительнаго, республиканскаго деспотизма, или деспотизма религіи, предъ коимъ препеналъ весь Западъ, шогда какъ Римъ, пошерявъ навсегда державу Всемирной Имперіи, съ исполненскими уси-

ліями покорялъ міръ державъ Вѣры. Въ нихъ по крайней мѣрѣ внушрѣнній голосъ невинности, или убѣжденіе спрадать за какое нибудь фанатическое вѣрованіе, могли облегчать судьбу несчастныхъ жертвъ; въ кровавой рамѣ спраданія представлялись воображенію ихъ каршины лучшей будущности. Но въ Константинопольскихъ шорьмахъ не нищѣ подобныхъ воспоминаній; рѣдко подвергались въ нихъ пыткамъ другіе преступники кромѣ богачей, коихъ имѣніе было конфисковано, у которыхъ азійская алчность къ золоту вывѣдывала о послѣдней полукѣ, похороненной въ землѣ съ азійскою скупосцію. И, кпо бы повѣрилъ, фанатизмъ золота внушаетъ столько же швердоспи, сколько и фанатизмъ мѣній и вѣрованій. Были люди, которые, изодранные подъ желѣзными когтями палачей испустили духъ въ ужасныхъ спраданіяхъ, и унесли съ собою въ гробъ шайну своихъ сокровищъ. Любовь къ золоту обращается въ фанатическую религію, и эта религія имѣла въ Стамбулѣ множество мучениковъ. Эпоха испребленія Ялычаръ населила эти шорьмы бунповщиками и заговорщиками, а въ послѣднее время, послѣ пожара испребившаго Перу, мѣсколько

зажигашелей-фанашиковъ здѣсь испустили духъ въ пыткахъ.

Главная опличительная черта Константинпольскихъ тюремъ та, что въ нихъ ни преступникъ ни невинный спрдамецъ не оставались долго. Это постоялые дворы: въ нихъ большею частію осужденные просиживаютъ одну ночь, рѣдко нѣсколько дней сряду, и такъ какъ Спамбульское правосудіе всегда скачетъ на курьерскихъ — смертная казнь или ссылка, и весьма рѣдко свобода, оканчивается краткій срокъ тюремнаго заключенія. Припомъ большею частію люди подозрительные или преступники, особенно въ эпохи смутныя, не заходящъ даже въ тюрьмы, а по задержаніи немедленно посылаются на мѣсто казни. Для казни здѣсь приготовленій никакихъ не нужно; палачей сколько душъ угодно; это люди опытные въ своемъ дѣлѣ; они запасены гошовой сѣкирою, и въ первомъ перекресткѣ улицъ, на первой площадкѣ, поставящъ преступника на колѣна, раздерушъ на немъ кафтанъ или рубашку, чтобы открытъ голый запылокъ, полкнушъ колѣномъ въ спину, чтобы выдалась шея, и въ поже мгновеніе покапшися окровавленная голова, и послѣ нѣсколь-

кихъ конвульсионныхъ ея мепаній въ грязи, палачъ прехладнокровно уложитъ ее подъ мышку шуловница, если она вървала въ коранъ, или между ногъ, если она принадлежала гяуру; шрупъ пролежитъ законный прехдневный срокъ, среди проходящей съ привычнымъ безспраспиемъ толпы; никто не озабопится даже о томъ, чптобы смыть съ мосшовой кровь, которая среди грязи останется широкимъ пятномъ, доколъ небесный дождь не придетъ смыть слѣды казни. Самое даже вѣшаніе преспупниковъ доведено до великой протшпы; здѣсь висѣлицъ не нужно; въ первой лавкѣ палачъ купитъ на деньги осужденнаго надежную веревку, и если ему понравится балконъ * вашего дома, или если по распоряженію Стамбульской полиціи, хочетъ дать вамъ наспавительный примѣръ правосудія, задѣнетъ пеплю за перила или за раму, и чрезъ нѣсколько минушъ повъшенное шело будетъ качаться на воздухѣ подъ вашими окнами, доколъ безъ вздоха выме-

* Собственно балконовъ въ Констаншинопольскихъ домахъ нѣтъ; но естъ такъ называемые *шахнишинъ*, ш. е. мѣсто шаха; это частъ комнаты, которая выдается на улицу, обставленная рамами и диванами; въ ней сидя можете любоваться переломанною перспективною улицы.

ишъ изъ него жизнь; потомъ цѣлые три дня
вверхъ будетъ его качать, какъ бы продолжая
последніе его судороги.

И мелкое правосудіе Стамбула славится
скоростію своихъ мъръ; если хотите видѣть
какъ оно ходитъ по улицамъ, и какіе слѣды
оставляетъ, спускайте за Сераскиромъ, когда онъ
въ своихъ прогулкахъ по городу вздумаетъ про-
вѣрять исправность вѣсовъ въ мелочныхъ лав-
кахъ; за нимъ ползаютъ съ воплемъ и съ крас-
ными отъ палочныхъ ударовъ пятнами провинив-
шіеся лавочники.

ГЛАВА V.

Тюрьма и преданная проклятію. — Братья Мугуз и ихъ судьба. —
 Географическія познанія Турецкихъ Министровъ. — Фанатизмъ
 честолюбія. — Рокровое письмо. — Оружіе и столовые ножи. —
 Обвиненіе архитектора. — Радости Пасхи, и Пасха 1821 года. —
 Патріархъ Григорій. — Его казнь. — Евреи. — Ихъ неистовства.
 — Тѣло Патріарха. — Эмигранты. — Ошибка Порты. — Флотъ.

Тюрьма Боспанжи-Баши раздѣляется на нѣ-
 сколько отдѣленій: естъ отдѣленіе Визирей и
 Пашей оно опкрыто; въ немъ давно не сидѣли
 низложенные вельможи, попому что ссылка въ
 далекій городъ Малой Азіи обыкновенно слѣдуешъ
 за немилосіію, или попому что темная поли-
 ция Серая, имѣя эту тюрьму единственно
 какъ пугалище Пашей, предпочитаетъ освобож-
 данья другими вѣрнѣйшими средствами онъ
 своихъ опасныхъ рабовъ. Естъ отдѣленіе Госпо-
 дарей; оно заперто, и съ незапамятныхъ время
 не опворялось. Спорожъ, показывая мнѣ его
 желѣзную дверь, говорилъ, что какой-то Сул-
 танъ предалъ ее проклятію, попому что обма-
 нули однажды его правосудіе. Я не совсѣмъ по-
 нямъ, что онъ подъ этимъ разумѣлъ; если Сул-
 танъ велѣлъ на всегда запереть дверь тюрьмы,

и наложилъ на нее клеймо своего закланія, по-
тому что въ ней поспрадала невинная жертва
— кто ручаешся, что въ цѣломъ мірѣ найдеш-
ся шюрма, въ копорой бы не капнула слеза
осужденной невинности? — Я полагаю вѣрнѣе,
что она на всегда заперта, потому что наши
практапы съ Порпою перемѣнили судьбу Ду-
найскихъ княжесствъ, и ихъ Господари не бу-
дутъ болѣе смѣняемы капризами Дивана, и не
опасаются съ своего престола, упроченнаго по-
кровишельствомъ Россіи, переходить въ Стам-
бульскую шюрму.

Плачевныя воспомнанія возбудили во мнѣ
два другія отдѣленія эшаго мрачнаго зданія;
это воспомнанія той эпохи, копорая врѣзала
сполько ужасныхъ карпинъ въ мое мѣлкомъ
воображеніи.

Спорожъ за нѣсколько піаспрово повелъ меня
въ двѣ душныя пемницы, во мракъ коихъ, за
зловѣщимъ скрипомъ заржавой двери, развер-
нулись предо мною событія 1821 года. Въ одной
изъ нихъ сидѣлъ Конспащинъ Мурузи, въ дру-
гой Папріархъ Григорій.

Мурузи былъ Великимъ Драгомапомъ Порпы,
или переводчикомъ въ дипломатическихъ ея сно-

шеніяхъ съ Европейскими государспвами. Извъ-
стно, что невѣжество Турецкихъ миниспровъ,
которыя не только Европейскихъ языковъ не
знали, но не имѣли никакого понятія ни о вза-
имныхъ соотношеніяхъ ни о политикѣ Европей-
скихъ государспвъ, ни даже о географическомъ
ихъ положеніи*, давало весьма великій вѣсъ Дра-
гоману Порты, который собственно держалъ
портфель Иностранныхъ Дѣлъ. Еще съ XVII
вѣка это важное мѣсто было постоянно зани-
маемо Греками, которые обыкновенно умѣли
управлять всею Турецкою политикою, подъ
маскою рабскаго униженія, коленопреклоняясь
предъ Визиремъ и Реисъ-эфендіемъ. Они получа-
ли помпъ въ награду Княжескіе престолы, ес-
ли преждевременная опала не пресѣкала ихъ
честюлюбиваго поприща вмѣспъ съ жизнію.

* Читатель вспомнитъ, что когда Чесменскій флотъ пока-
зался въ Архипелагъ, самъ Султанъ и весь Диванъ его ломали
головы, что бы понять какимъ образомъ корабли Россіи, копо-
рую они хорошо знали за Чернымъ Моремъ, могли, не пройдя
Босфоромъ, войти въ Средиземное Морс. Они доподъ не слы-
хали о Балтикѣ, и не знали другаго Русскаго флота, кромѣ
Черноморскаго. Французскій посланникъ долженъ былъ на карниѣ
располовать Реисъ-эфендію, Миниспру Иностранныхъ Дѣлъ,
какимъ образомъ Русскій флотъ поплылъ кругомъ Европы.

Никогда Драгоманъ Порпы не пользовался такою довѣренностію Дивана, даже такою личною благосклонностію Султана, какъ Константинъ Мурузи. А должно знать, что родной его дядя Димитрій за девять лѣтъ до того былъ также Драгоманомъ Порпы, при заключеніи доспопашаго Бухарестскаго мира, и по провскамъ бывшаго тогда въ Константинополь посланника отъ Наполеонова Двора Себастіана, еще до возвращенія своего въ столицу, былъ изрубленъ въ куски по повелѣнію Дивана, въ Шумль, въ самомъ домѣ Верховнаго Визиря, который былъ убѣжденъ въ его невинности. Въ то же время братья его Панагіоти, дипломатическій агентъ Опидоманскаго Флота, былъ казненъ безъ всякой вины, а старшій братъ Александръ, бывший Господаремъ Молдавскимъ, сосланъ въ заключеніе; четвертый братъ Георгій, молодой человекъ, подававшій самыя блистательныя надежды, еще до того палъ жертвою могучаго врага, подъ ножемъ немнаго убійцы. Но честолюбіе имѣенъ также свой фанатизмъ, и судьба кровныхъ не пугала ихъ преемника въ его замыслахъ, потому что его вниманіе было снрасно усрешено на Княжескій престоль, ожидавшій его. Можеть быть

привычка бытъ съ Турками, даже долговременное пребываніе въ спранѣ моровой язвы и пожаровъ, неожиданныхъ опалъ и неожиданныхъ переходовъ изъ рабства и ничтожества въ первыя государственныйя степени, невольно внушаютъ душѣ вѣру въ предопредѣленіе. Разумъ зашевелился, если станемъ слѣдовать за невидимымъ перстомъ промысла въ эпомъ лабиринтъ, гдѣ блуждаютъ жизнь и смерть, нищета и роскошь, радости и горе, и шупя надъ смертными, непрерывно подають одна другой руку, непрерывно мѣняють вѣнки на цѣпи, миршы на кипарисы, чашу блаженства на чашу оправы.

Мурузи былъ извѣстенъ своею преданностію Поршѣ, своимъ всемогуществомъ въ ея совѣтахъ, и въ поже время пользовался любовію своихъ единовѣрцевъ, пошому что онъ покровительствовалъ училищамъ, больницамъ, и всѣми средствами старался улучшить состояніе народа и тяжкую его участь. Эперисты* потеряли надежду привлечь Драгомана Поршы въ свое общество, а содѣйствіе Мурузи могло бытъ

* Эперисты отъ *этеріл*, общество, братство; такъ назывались тѣ, которые первые замыслили и приготоновили отложене Геців отъ Турецкаго владычества.

для нихъ весьма важно, по вліянію его и на дѣла правишельства и на народныя умы. Оспанешся неизвѣспнымъ: ввѣрили ли они ему свои смѣлые планы, или боялись преданности его Порпѣ, или даже включили его въ списокъ своихъ жертвъ; попому что доселѣ не обьяснилось спранное обстояпельство, причинившее его казню. — Млшежъ вспыхнулъ въ Дунайскихъ Княжеспвахъ, и казни начались въ Констаншинополь. Диванъ былъ извѣщенъ опъ одного Европейскаго посланика о сущеспвованіи обширнаго заговора, котораго вѣрви обнимали всѣ области Европейской Турціи, въ кошоромъ учаспвовало все высшее сословіе Грековъ. Со дня на день ояндали извѣспій изъ Мореи и Эпира, гдѣ еще кипѣлъ бунспъ Али-Паши. Мурузи въ долгой аудіенціи у Верховнаго Визиря разеуждалъ о средспвахъ къ сохраненію спокойспвія, и Визирь оснался весьма доволенъ имъ, еще болѣе убѣдился въ искренней его преданности Порпѣ и непоколебимой вѣрности, и возобновилъ ему увѣренія высокой къ нему благосклонности Девлепа*. Опъ выходилъ изъ дворца Визиря, когда у самага

* Т. е. благополучія; шакъ называется у Турокъ правишельство.

подъѣзда кпо-шо подошелъ, вручилъ ему письмо, и исчезъ въ полкъ. Мурузи распечаталъ и прочиталъ: письмо было безъ подписи; но въ немъ шайное общеспво вызывало его принять участие въ общемъ дѣлѣ его единовѣрцевъ; оно говорило о ненависти всего Греческаго народа къ Турецкому владычеству, о готовности всѣхъ областей воспастъ при первомъ призывѣ къ оружію, о заготовленныхъ средствахъ, запасахъ оружія и казны, объ общемъ желаніи Христианской Европы видѣть освобожденіи Греціи, и пр. Мурузи нашелся въ самомъ крипическомъ положеніи; ушастъ письмо, поданное ему при всей свитѣ Визиря, было невозможно; при томъ, опытный въ Турецкой полистикѣ, онъ подозрѣвалъ не съши ли эшо, разспавленныя ему какимъ нибудь шайнымъ врагомъ, можетъ спастъ-ся самимъ Визиремъ. Онъ понялъ, что ему оставалось одно шолько: возвращишься къ Визирю, и съ спокойствіемъ чловѣка, увѣреннаго въ своей невинности, предспавишь ему письмо. Визирь его выслушалъ, и когда Мурузи объяснилъ ему содержаніе письма, самъ сказалъ ему, что эшо сдѣлано съ явнымъ намѣреніемъ лишишь его довѣренности Девлеша, но что онъ не долженъ

ничего опасаться. Онъ препоручилъ ему перевести это письмо, для представленія Султану. Мурузи перевелъ письмо, но смягчилъ нѣкоторыя выраженія, слишкомъ оскорбительныя для мусульманскаго самолюбія, и пропустилъ фразу, обвинявшую всѣхъ, сколько ни будь значащихъ людей изъ его единовѣрцевъ, духовныхъ, свѣтскихъ и всякаго званія, въ участіи въ заговорѣ. Онъ боялся пробудить эпою фразою кровавыя подозрѣнія Порты, и отдавъ въ руки палачей многія тысячи несчастныхъ. Эта фраза его погубила. Роковое письмо было представлено съ переводомъ, но Визирь послалъ его и къ другому драгоману, Армянину, для перевода, чтобы потомъ провѣришь. Пропущенная фраза и смягченный переводъ другихъ сдѣлались несомнѣнными уликами великаго Драгомана въ измѣнѣ и сообщничествѣ съ заговорщиками. Визирь представилъ Султану съ обвиненіемъ того, кто наканунѣ пользовался всею довѣренностію Порты. Говорятъ, что Султанъ пришелъ въ одинъ изъ пѣхъ ужасныхъ припадковъ гнѣва и злобы, кошорымъ онъ подверженъ, которые оставили сколько кровавыхъ слѣдствъ въ его исторіи; его деспотическая благосклон-

ность обратилась въ жажду мести. Турецкое правосудіе не любитъ слушать обвиненнаго и его оправданій; одного подозрѣнія достапочно, чтобы покашилась голова перваго вельможи. Мурузи былъ опведенъ въ пнорьму, и на другое унро, предъ кіоскомъ Сераля, исполнена его казнь; а въ кіоскъ за рѣшеткою сидѣлъ Сулпанъ, чинобы насыпитъ свою мечь видомъ крови. Таже учась настигла и брата его.

За тѣмъ послѣдовало повелѣніе опобраць оружіе у Грековъ. Турки забыли и военную свою гордость, и по что ихъ народонаселеніе впя-перс болѣе Греческаго, и опасались мяшежа мирныххъ *раіа*, купцевъ и ремесленниковъ, въ сполнцѣ опшоманской Имперіи. Всѣ дома были осмопръны, обысканы; снимали черепицы съ кровель, чинобы опыскаць подъ ними ружья и сабли. Но опобрались не одни ружья и сабли, но самыя поварскіе ножи большаго размѣра, вершела, попоры. Турки, не упопробляющіе вилокъ и ножей, подозрительно смонпрѣли въ буфетахъ Греческихъ домъ въ на собраніе сполькихъ *кижаловъ*. Въ одномъ домъ на Босфоръ найдена заржавая, разбншая пушка, копорая служила прежде баласпомъ на купеческомъ суднѣ, и была забыпа

въ саду подь осенними лисьями. Хозяинъ дома, богатый банкиръ, его сынъ его брашъ, его зять были казнены, все ихъ имѣніе конфисковано, и въ *едта*, или ярлыкѣ, кошорый обыкновенно привѣшивается къ прупу преспушка, было сказано, что они гошвили артиллерію для взятія Босфорскихъ крѣпоспей. Удвоенны спражи въ арсеналѣ; опасались, что Греки сожгутъ корабли; желѣзная цѣпь обшянула разруженный флосъ, прикрѣпленная къ пловучимъ спорожевымъ будкамъ, и дикія перекликанія часовыхъ держали весь городъ въ тревогѣ. Въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ вся сполца представила обширное лобное мѣсто, и често фанализмъ народа, не довольствуюясь зрѣлищами казней даваемыми опъ правительспва, искалъ еще въ домахъ и на улицахъ темныхъ жертвъ для насыщенія своей месши.

Султанскимъ хашиперифомъ повелѣвалось всѣмъ правовѣрнымъ воорушиться, а кто знаетъ Турецкую чернь, особенно каково было ея исповспво до испребленія Янычаръ, спшь только можетъ представить себѣ картину Конспанпинополя въ шу эпоху. Не было улицы, въ кошорой бы не совершалось ежедневно нѣсколь-

ко казней и нѣсколько убійствъ. Диванъ рѣшилъ, подобно яcobинцамъ Французской революціи, снять всѣ головы, которыя были выше шолпы. Какъ бы въ насмѣшку надъ цѣлымъ народонаселеніемъ, которое беззащитное лежало, какъ прелепная жертва, подъ сѣкирою палача и подъ ятаганомъ бродяги, придумывались самыя чудныя предлоги для казней. Какому-то архипектору за годъ предъ тѣмъ были препоручены разныя поспройки въ адмиралтействѣ; онъ ихъ выполнилъ со вкусомъ, съ прочностію, съ удобствомъ, и заслужилъ благосклонное вниманіе самаго Султана. Его повѣсили на эшихъ же зданіяхъ, и написали въ его *сфта*, что онъ съ шакимъ усердіемъ и шакъ хорошо все выстроилъ, въ надеждѣ, что они перейдутъ скоро во власнѣ гяуровъ*.

Все это было только началомъ другихъ ужасовъ, которыя превзошли самыя робкія ожиданія. Наступалъ Свѣшлый праздникъ: онъ съ незапамятныхъ годовъ былъ для Грековъ эпохою

* Можетъ быть покажутся члпшателю невѣроятными подобныя черты; но могу его увѣрить, что все это почво, и не основывается на народныхъ сказаніяхъ, обыкновенно преувеличенныхъ, но на фактахъ.

свободы и увеселеній, во-все несовмѣстныхъ съ ихъ рабствомъ, и съ приписаннымъ надзоромъ Турецкой полиціи. Ежегодно Султанъ жаловалъ Греческой Церкви фирманъ, въ силу котораго крѣпостныя ворота оснавались ошворенными въ ночи, когда народъ соединялся въ храмахъ. Богослуженіе было совершенно свободно въ Спираспную и въ Свѣплую недѣли. Во все продолженіе праздниковъ народъ гулялъ въ городъ и въ предмѣстіяхъ, не опасаясь оскорбительной встрѣчи съ Турецкою полиціею; даже вельможи старались въ это время не проезжать чрезъ Греческіе кварталы, чтобы не превозмучить своимъ появленіемъ веселящейся толпы. И какъ жадно эта толпа предавалась наследственной своей спраспн къ увеселеніямъ! — По улицамъ столицы раздавались пѣсни; хороводы простаго народа обходили ихъ съ музыкою, въ праздничныхъ плащяхъ, и предъ домами почтенныхъ лицъ плясали свои народныя пляски. Даже яркіе цвѣта въ одеждѣ, такъ строго запрещенные всѣмъ классамъ *рая*, тогда позволялись, и женщины могли выходить изъ домовъ безъ плащей и покрывалъ. При этой свободѣ Христіанскаго народонаселенія вы бы

вспомнили эпоху его владычества въ первой столицѣ Христіанства, или, можетъ быть, пошлѣ праздникъ древняго Рима, въ который рабы на срочное время снимали свои оковы.

Но въ эпоху, о которой я говорю, народъ оглушенный казнями, не думалъ уже о своихъ увеселеніяхъ; и кпо могъ плясать на улицахъ обливаемыхъ кровію, и пѣть пѣсни подъ окнами домовъ, въ коихъ раздавался еще плачь осиротѣлыхъ семействъ? Всѣ думали только о своей безопасности, и Порша приготовила для этого праздника Христіанамъ всего Государства зрѣлище, превратившее праздникъ въ день всенароднаго плача.

При первомъ извѣстіи о мяшежахъ Дунайскихъ княжествъ, Папріархъ Григорій, который въ претіи уже разъ занималъ Вселенскій престолъ (онъ два раза былъ сосланъ въ заключеніе), къ которому народъ питалъ глубокое благоговѣніе, по его добродѣтелямъ, достойнымъ его сана, былъ призванъ къ Поршѣ, и получилъ повелѣніе оплучить отъ Церкви и предать проклятію Александра Ипсиланпи и его сообщниковъ; это было исполнено, потому что угнетенная Вѣра дѣлалась орудіемъ полишки Ди-

ваца. Его спросили также: не имѣешь ли оиъ подозрѣнія на Морею, копорая сколько разъ уже пыталась сбросишь съ себя Опшоманское владычештво? Папріархъ зналъ, что одно колебаніе его въ опвѣстѣ вызвало бы тысячу насильственныхъ мѣръ подозрительнаго Дивана противъ цѣлаго народа, и смѣло увѣрилъ Визиря, что въ Мореѣ народъ былъ совершенно спокоенъ, и Порша ничего не должна была опасаться съ этой стороны. Черезъ нѣсколько времени прискакалъ гонецъ съ извѣстіемъ о возстаніи Морен; извѣстіе удержано въ тайнѣ, но Папріархъ опять былъ призванъ и допрошенъ: не имѣешь ли новостей изъ Пелопонеза. Папріархъ показалъ полученныя имъ оиъ разныхъ Епископовъ письма, въ коихъ ничего не упоминалось о мятежахъ, потому что они были спарте извѣстныиъ полученныхъ съ послѣднимъ гонцемъ, и не дошедшихъ еще до Папріарха. Онъ былъ опущенъ весьма милосливо; это было въ четвертокъ Сираксий недѣли; ему выдали по обыкновенію фирманъ о разрѣшеніи праздновать Пасху. На другой день разнесся слухъ о возстаніи Мореотловъ; Папріархъ понялъ къ чему клонились вопросы Визиря, и понялъ, что судьба

его рѣшена. Пришомъ же въ это время одно Греческое семейство, арестованное Порпою и ввѣренное присмотру Патріарха, успѣло напоить двухъ монаховъ, приспавленныхъ къ нему, (потому что Патріархъ не хотѣлъ присавить къ беззащитнымъ женщинамъ Янычаръ изъ своей стражи) и тайно убѣжало изъ Константинополя. Наступило Свѣтлое Воскресеніе; глубокое уныніе происходило въ народѣ; Патріархъ служилъ заупрещенію съ полнымъ синодомъ, по древнему обычаю, но едва нѣсколько сотъ Христіанъ присутствовали при этомъ торжествѣ, въ которомъ обыкновенно до 15,000 народу собирались въ Патріаршемъ соборѣ, и покрывали дворъ, окружныя улицы, окна и крыши соседнихъ домовъ, чтобы принять изъ успѣ Вселенскаго святиицеля слово благовѣстія, при комъ миллионы плѣннаго народа обнимались какъ братья, и запечатлѣвали имъ эпоху общій союзъ, соединяющій изъ разсѣянныхъ и загнанныхъ племенъ и семей одинъ народъ, подъ покровомъ одной церкви. Носились слухи, что Турки рѣшились истребить все племя Грековъ, и ждали соединенія его въ церквахъ, въ заупрещеніи, что бы начать кровопролитіе, и сжечь кварталъ

лы занятые имъ. Тѣ, кои не вѣрили рассказамъ робкихъ своихъ единовѣрцевъ, ожидали другихъ несчастій.

Въ 8 часовъ утра, въ воскресенье, Папріархъ служилъ свящую литургію; вошли въ церковь Чауши, посланные съ повелѣніемъ предсавить его Высокой Порці; онъ былъ въ олпярѣ, и послалъ имъ сказать, чпобы они подождали; они не смѣли не повиноваться, пораженные величіемъ его, когда онъ показался у Царскихъ дверей въ полномъ облаченіи, продолжая совершеніе тайнствъ. По окончаніи Божеспвенной литургіи, приобщившись Св. даровъ, Папріархъ со всѣмъ Синодомъ и съ другими почешными лицами зашелъ въ свою залу, и въ совершенномъ спокойствіи разговѣлся; на лицахъ всѣхъ его окружавшихъ изображалась кручина мучительнаго предчувствія о его судьбѣ; онъ увѣщевалъ ихъ забыть всѣ земныя скорби, въ радостный день перваго Хрисціанскаго праздника, при ликованіяхъ церкви, и пребывать швердыми, какъ были первые Хрисціане въ дни гоненій, и подобно имъ возложивъ упованіе на Спасителя. Потомъ онъ раздалъ, по старому обычаю, своеручно всѣмъ, по красному и по золотому яйцу, просилъся съ

ними, далъ послѣднія наставленія своимъ приближеннымъ, и съ вѣрою мученика вышелъ къ ожидавшимъ его Туркамъ. Въ то же время были взяты подъ спражу при Мисрополипа, которые раздѣлили его учаспъ.

Еще многіе упѣшали себя надеждою, что его оянда временная опала и започеніе, попому что уже два вѣка не было примѣра казни этаго духовнаго и политическаго Главы народа; во все время владычества Турокъ только при Магометъ IV, изступленномъ пиранѣ, который во все свое царствованіе попилъ, рѣзалъ и душилъ свой народъ, видѣли примѣръ казни Папріарха*. Припомъ важность сана этаго свшшителя, который былъ единственнымъ посредникомъ между Поршою и своимъ народомъ, который пользовался привилегіями первыхъ вельможъ, и былъ окруженъ ихъ пышностію и величіемъ, и даже почепною спражею изъ Инычаръ, внушали самимъ Туркамъ глубоко уваженіе къ его особѣ, которое еще болѣе увеличивалось при спрогоспи нравовъ и добродѣтелей Папріарха Григорія, и даже

* Два папріарха были при немъ повѣшаны, въ 1641 и 1657. г. г.

при его льпахъ и наружности, кошорая могла служить пиномъ первыхъ святишелей Православной Церкви.

Во вшоромъ часу по полудни присталъ къ пристани Фенерь-Скелесси, недалеко отъ Папріаршей церкви, каикъ, въ кошоромъ сидѣли съ Папріархомъ чепыре Чауша и палачъ. Тогда отшкрылась вся ужасная истина народу, колеблемому между страхомъ и надеждою. Руки Папріарха были связаны за спиною; я видѣлъ его, когда чауши помогали ему выйши изъ канка; поже самое выраженіе покоя и благочестія, кошорое всѣ видѣли на его лицѣ, когда онъ сидѣлъ на престола Злапоуспаго, кошорое сохранилось и по смерти его. Даже эти Турки, заняшы въ шу эпоху ежедневнымъ исполненіемъ казней, фанатики еще болѣе распаленные парами крови, не могли не окружать его нѣкошорымъ почщеніемъ. Его повели въ ближній кофейный домъ, между шѣмъ какъ палачъ пошелъ искашь веревки, и пригошовишь подмопки для висѣльщи. Чрезъ полчаса возвратился палачъ, и повелъ смиренную жертву. Разспоянне отъ пристани до Папріаршей церкви не болѣе двухъ сотъ шаговъ; палачъ шелъ впереди, за нимъ Папріархъ,

попомъ Чауши. Черезъ архиправъ воропъ Папріаршаго двора была перскинута веревка; нѣсколко Конспаншинопольскихъ Евреевъ, искавшихъ случая выказать свою ненависть къ Христіанамъ, содѣйствовали палачу въ его пригошвленіяхъ, какъ будто для того, чтобы эта картина могла разительнѣе напомнить перваго небесаго мученика небесной Вѣры; Христіане спояли пошдалъ, и на ихъ лицахъ вы бы увидѣли ошбененіе страха, и печаль, которая не смѣла выразиться ни вздохомъ ни слезою; изъ полуотворенныхъ оконъ окружныхъ домовъ, съ болзнію и съ любопытствомъ, глядѣли женщины и дѣши. Когда все было готово, палачъ спалъ спиманъ верхнее плашье съ Папріарха, и шарилъ въ кармахахъ. Папріархъ сохранялъ свое всегдашнее спокойствіе, и предъ поносною смертію взглядъ его выражалъ благость Христіанина, прощающаго врагамъ своимъ. Онъ однажды только взглянулъ на Папріаршія зданія, на ворона, подъ концъ народъ проходилъ всегда съ благоговѣніемъ, и которые обращались въ вислицу; лице его смушилось; но когда палачъ развизалъ его руки, онъ перекрестился, съ крошностию просилъ его подождать нѣсколько ми-

нушъ; спалъ на колѣна лицомъ къ своей церкви, и совершилъ свою послѣднюю земную молитву. Онъ боялся бросить прощальный взоръ пастыря къ осиротѣлому стаду, послать благословеніе мученика къ непонимъ Христіанамъ, свидѣляемъ его смерти: эпитимъ онъ могъ подать поводъ къ обвиненію ихъ въ участіи въ воображаемыхъ его пресупленіяхъ. Черезъ минушу палачъ, проворно какъ звѣрь, соскочилъ съ подмостковъ, сбилъ ихъ, и мученикъ нырнулъ на воздухъ. Христіане, проходя мимо, вполголоса шептали молитвы, и боялись поднять взоры, а Евреи ругались надъ ними.

Это еще было не самое ужасное явленіе этой кровавой драмы. Прошло три дня въ обыкновенное время, по истеченіи сего срока, ближніе казненнаго должны явиться къ палачу и купить шѣлю, чтобы передать его землѣ; потому что послѣ смертнаго приговора пресупникъ со всѣмъ, что на немъ находится, дѣлается собственностію палача, который потомъ поргуется съ родственниками о крестѣ найденномъ на немъ, о его перстнѣ, о его шѣлѣ. Но въ эту эпоху свирѣпаго гоненія ближніе казненныхъ людей не смѣли представиться для покупки шѣла, посто-

му чшо одно подозрѣніе, что они были связаны узами родства или дружбы съ преспушникомъ, навлекало на ихъ самихъ беспощадную руку Дивана или изступленіе черни. Были примѣры, что за одинъ испугъ, за одинъ невольный вздохъ, при внезапной встрѣчѣ съ обезглавленнымъ пруппомъ, несчастный дѣлался жертвою опшмана-скаго правосудія. Оспавалось одно только: скрываться и скрывать свою печаль. Палачи попереяли значительный доходъ, и были принуждены бросать струны въ море.

Когда палачъ пришелъ спустить тѣло Папріарха съ висѣлицы, ни одинъ Грекъ не посмѣлъ представиться, чтобы выкупить тѣло этого свяшнителя, котораго мученическая смерть еще болѣе увеличивала набожное къ нему благоговѣніе народа. Каполики живуціе въ Перѣ, и пользующіеся покровительствомъ Европейскихъ державъ, могли безъ сомнѣнія спасти опъ посрамленія смертные оспатки челоука, который пользовался высокимъ уваженіемъ самаго Папы; но фанатическая ихъ ненависть къ Греческой церкви извѣсна всѣмъ; нѣкоторыя изувѣры можешъ бытъ радовались ея бѣдспвіямъ. Это, безъ сомнѣнія, не опносятся къ немногимъ про-

свѣщеннымъ домамъ, копорые не имѣють ни-
 чего общаго съ Перопскою чернію. Къ палачу
 явилась депушадія опть Спамбульскихъ Жидовъ,
 и за восемьсотъ піаспровъ купила шѣло Паптрі-
 арха. Нельзя себѣ вообразить ничего ужаснѣе и
 отвратительнѣе зрѣлища, представлннаго во
 весь эшопъ день, во всѣхъ улицахъ, гдѣ жили
 Христіане. Грязные, зловонные, изорванные
 Жиды налепѣли какъ саранча изъ своего квар-
 тала въ Фанари, къ Паптріаршей церкви; въ
 ихъ лицахъ изображалось все свирѣпство, при-
 родное малодушному ихъ племени, вся злоба ни-
 щожнаго врага, поржеспвующаго вашимъ бѣд-
 спвіемъ, могущаго безнаказанно вылить свою
 ненависть, напипанную долговременнымъ уни-
 чиженіемъ.

Они связали прупъ мученика за ноги, и съ
 восклицаніями дикой радости, съ ругательства-
 ми, съ проклятіями на весь родъ Христіанъ,
 влчили его по улицамъ и кругомъ Христіан-
 скихъ церквей. Я никогда не видалъ такого не-
 исповства, такой игры самыхъ гнусныхъ спра-
 сней, такой шумной оргіи звѣрскій радо-
 сти и фанатической мессы, какъ въ этой шол-
 пѣ многихъ тысячъ Израильянъ, копорые ру-

гались надъ всѣмъ народомъ омерзительною своею процессіею. За то ихъ единовѣрцы дорого расплавились во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ встрѣчались попомъ съ Греками. Въ Одессѣ, куда большею частію спасались Конспанпинопольскіе Греки, нужна была вся бдительность полиціи, чптобы унять безпорядки и предупредить кровопролитіе; даже въ слѣдующіе годы, въ Свѣтлое Христово Воскресеніе, полиція нашлась въ необходимости предписатьъ Жидамъ, чптобы они во все продолженіе праздника, живѣе напоминавшаго простому народу ужасы Конспанпинополя, не смѣли выходитьъ изъ своихъ домовъ, ни открывать свои лавки, ни даже показываться у оконъ. Въ Греціи, во все продолженіе народной войны, съ большимъ ожесточеніемъ преслѣдовали Евреевъ нежели Турокъ.

Извѣстно, чпто въ вечеръ этого дня Евреи бросили обезображенный шрупъ въ море; море принесло его къ одному Славянскому бригу, споявшему у Галапы и гошовому опплыть въ Одессу. Одинъ мапрось узналъ его, и покрылъ его рогожкой; попомъ ночью подняли его на корабль, и похоронили въ песокъ балласпа. Всѣ жители Одессы приняли его съ благочестіемъ и восшор-

гомъ; около 800 судовъ спояло въ гавани и на рейдѣ, когда бросилъ якорь Славянскій бригъ подъ праурнымъ флагомъ; всѣ эти купеческія суда разныхъ Христіанскихъ вѣроисповѣданій во весь день продолжали пушечную пальбу*. По истеченіи карантиннаго срока шло Папріарха было похоронено въ Христіанской землѣ, съ шоржешвомъ, достойнымъ мученика и Главы Греческой Церкви.

Между тѣмъ въ Константинополѣ продолжались казни. Когда распространилось въ народѣ извѣстіе о кровопролитіи въ Морсѣ, о возстаніи оспротовъ, фанатизмъ черни не зналъ никакой узды. Пѣсколько тысячъ Турокъ, болшею часпію послѣдняя сволочь Стамбула, предводимельствуемые Дервишами, вооруженные, обошли Христіанскіе кварталы, ограбили и осквернили церкви и монастыри, изрубили всѣхъ кно не успѣлъ укрыться, и проходя по улицамъ съ крестами, съ иконами, ризами, свѣтными сосудами и Евангеліями, похищенными въ церквахъ, сирѣляли въ окна, срывали рамы, рвали

* Въ Средиземномъ морѣ купеческія суда всегда почти снабжены пушками, и по старинной привычкѣ, и по причинѣ всегдашняго пиратства.

съ мостовой булыжникъ и бросали въ дома, и гдѣ нашли воропа отворенныя, или гдѣ успѣли ихъ проломать, предались въ самихъ домахъ неистовству Азіянца, взявшаго прислуномъ вражій городъ. Вдоль морскаго берега семейства сползли у присланей своихъ домовъ, гошовыя бросились въ море при приближеніи Турокъ, и даже нѣсколько женщинъ и дѣшей, испуганныя дикимъ гуломъ ихъ на улицъ и спугомъ оружія у воропахъ, сдѣлались жерпвою волнъ.

Еще при началѣ эпохи гоненій и казней скрылись нѣ, копорые опасались своими богашествами или своею извѣстностію обратили на себя вниманіе Порпы, и успѣли предупредить посѣщеніе Чаушей. Когда опасность сдѣлалась всеобщею, когда чернь присоединила свое безопашное неистовство къ гнѣву Дивана, началась эмиграція семействъ. Богатыя семейства съ немногими драгоценностями спасались какъ нибудь въ Перу; шамъ переодѣвались въ Европейскіе костюмы; иногда покупали дорогою цѣною чужіе паспортны, и садились на первый корабль подъ Европейскимъ флагомъ, гошовый опилились изъ Конспаннинополя, и, не спрашивая куда предстоитъ имъ путь, ввѣряли себя морю и Прови-

дѣнію; ихъ дома, ихъ богатства оспавались въ жерпву корысполобивой Порпѣ, копорой чиновники были заняты съ упра до вечера прикладываніемъ казенныхъ печашей на опустѣлыя жилища. Еше новыя опасности ожидали у крѣпостей Босфора и Дарданелль шѣхъ, кои спаслись опѣ опасностей Спамбула: по повелѣнію Дивана всѣ купеческіе корабли должны были подвергнуться спрогому обыску; Порпа не хотѣла, чпобы бѣжали жерпвы, осужденныя насыпшъ ея месшъ, и падашъ, или мешашъ въ конвульсіяхъ продолжительнаго спраха, подѣ ея пожемъ. Но шкипера, копорыхъ челоѣколюбіе подспрекалось огромными суммами, взимаемыми за фракшъ въ шакую крипическую эпоху, пахотили штысячу средствъ скрывать ѣмигранповъ. То дѣлами фальшивую обшивку внушри корабля, по среди баласта копали яму, какъ широкій гробъ, и покрывали досками и землею, оспавивши только узкое опверстіе для воздуха, по среди бочекъ съ водою или виномъ помѣщали бочки пущыя, по промежь шюковъ своихъ шоваровъ оспавляли пущопы, и все эшо набивалось людьми, какъ сеledками, какъ неграми на судахъ невольничей шорговли. Въ эшомъ случаѣ

шкипера знали, что за одного эмигранта, найденнаго на ихъ корабль, весь экипажъ былъ бы повѣщенъ на снастяхъ; но къ счастію ихъ обыскивали Турки изъ гарнизоновъ, плохіе знапки въ архипекшуръ и пагрузкѣ судна, и не было ни одного несчастнаго случая, не смотря на то что нѣые вывели разомъ до двухъ сотъ чело-чѣкъ.

Съ одной стороны Порта принимала пакія епрогія мѣры прошиву мирнаго и промышленнаго народонаселенія столицы, и казнію Пашріарха раздражала всю Грецію; съ другой — ослѣпленнаі собственнымъ гнѣвомъ, или, можетъ быть, Божіимъ Промысломъ — выпустила изъ рукъ Греческихъ моряковъ. Была весна, и корабли Идры, Спедин и Инсары возвращались изъ Чернаго Моря, нагруженные пшеницею и безъ груза, и спѣшили къ своимъ морямъ, въспревоженные полученными опшуда извѣстіями. Турецкое правительство могло ихъ задержать въ Констининополѣ, и мятежи Морей, безъ содѣйствія елопа, были бы уняны въ нѣсколько мѣсяцевъ. Оно не предчувствовало, что эти купеческіе корабли въ нѣсколько недѣль подымуть Архипелахъ, и шестъ лѣтъ будутъ побѣждать

и сжигашь сильныя флоты Спамбула и Александрии.

Я видѣлъ Султанскій флотъ, поспѣшно вооруженный и выстроенный предъ Сералемъ, при первомъ извѣстїи о возстанїи Морей. Милліоны флаговъ, коими одѣлись снасти кораблей, составляли надъ ними фантасмическіе балдахины изъ яркихъ пяпей всѣхъ цвѣтовъ, среди коихъ какъ змѣи, какъ длинныя бичи моря, по свивались по развивались въпрямъ алыя Турецкіе вымпела. Продолжительный громъ пушекъ возвѣстивъ Спамбулу осправленіе грозной экспедиціи на казнь острововъ и Пелопонеза. Въ какомъ состоянїи возвратилась эта армада въ концѣ кампанїи — всѣмъ извѣстно.

ГЛАВА VI.

ЧЕТЫРЕ НАРОДА. — ВЗАИМНАЯ НЕНАВИСТЬ. — ЛАГЕРНАЯ СТОЯНКА. —
 СОНЪ ВЕЛИЧІЯ. — УПАДОКЪ ФАНАРІОТОВЪ. — ПАТРИАРХЪ КОНСТАНТІЙ.
 — ЕГО СОВОРЪ И ГРЕЧЕСКІЯ ЦЕРКВИ. — ТИПОГРАФІЯ И ПОСЪЩЕНІЕ
 МУЗЪ. — АРМЯНЕ, ВОСТОЧНЫЕ АНГЛИЧАНЕ. — РЕЛИГИОЗНЫЯ РАСПРИ. —
 ГОНЕНІЕ КАТОЛИКОВЪ. — ВЕРОНИКА ТЕНКИРЬ-ОГЛУ И КНЯЗЬ Г * *.
 ИХЪ ПРИКНОЧЕНІЯ. — ТУРЕЦКІЙ КАДИ. — ЧАРЫ. — СТОЛИЦА ИЗ-
 РАИЛЯ. — РАЗСКАЗЫ ОБЪ ЕВРЕЯХЪ. — КНИГА РАВИНА. — КЛАДБИЩЕ
 ЕВРЕЕВЪ И ДОЛИНА ИОСАФАТА.

Уже нѣсколько вѣковъ четыре народа живутъ въ тѣсномъ Стамбулѣ, но вмѣсто того чтобы сблизиться между собою, болѣе и болѣе отдаляющася одинъ отъ другаго, и набожно передающъ изъ поколѣнія въ поколѣніе свою взаимную ненависть. Странное, любопытное явленіе: Турки, Греки, Армяне и Евреи никогда почти не живутъ въ одномъ кварталѣ, не имѣющъ никакихъ сношеній между собою, кромѣ случайныхъ торговыхъ сдѣлокъ, и управляются отдѣльно, каждая нація собственными законами, собственнымъ правосудіемъ. Внутреннее управленіе этихъ четырехъ народовъ представляешъ каршину четырехъ патриархальныхъ республикъ, между коими ничего общаго нѣтъ, кромѣ грозы деспотизма,

висящей надъ ними. Политическая жизнь принадлежишь однимъ Туркамъ; остальные три племена, называемыя общимъ именемъ *раја*, только въ храмахъ своихъ, кругомъ оларей своей религiи, чувствуютъ свою народность, и поддерживаютъ и укрѣпляютъ ее суевѣрнымъ опдаленiемъ ошь ировѣрцевъ. Эти три племена, составляющiя половину народонаселенiя столицы, и большую часть народонаселенiя всей Имперiи, совершенно чужды судьбамъ Ошпоманской державы; ихъ щасiе, ихъ нещасiе никогда не могутъ быть общими, и хошь на всѣхъ одинаково лежишь тяжелая рука Турецкаго владычества, по каждое изъ нихъ въ свою очередь болѣе или менѣе чувствуетъ тяжесть своей ноши, или пользуется отдыхомъ. Мы видѣли въ предыдущей главѣ ужасы, коимъ были обречены Греки въ 1821 году. Чрезъ четыре года ихъ судьба облегчилась, когда Порпа была занята испребленiемъ Янычаръ; потомъ наступила эпоха гоненiя Каполическихъ Армянъ; одни Евреи не были въ наше время предметомъ искпочительнаго гоненiя; ихъ, кажется, спасаетъ постольное уничтоженiе ихъ племена и общее презрѣнiе. То, чего и Греки и Армяне и Евреи могутъ со-

гласно желашь, ешь новал прѣдолжипельная опала на Турокъ; пошому чшо съ одной спорочны правипельсшво, заняшое главнымъ своимъ пугаломъ — фанатическою, правовѣрною чернію, осипавляешь ихъ въ покоѣ; съ другою — самыя Турки, присмирѣвъ опшъ гоненія, спановяшся гораздо обходипельнѣе. Развъ изрѣдка, когда понадобится деньги, удушашь двухъ шрехъ богачей *раія*.

Бональдъ сказашь, и всѣ за нимъ повшпорили, чшо Турки расположены лагеремъ въ Европѣ; не знаю, до какой спешени это выраженіе можешь быть справедливо въ полишическомъ опношеніи, и послѣ чешырехвѣковой лагерной споячки, сколько вѣковъ прѣдлится еще ихъ пребываніе на нашемъ маперикѣ; но, смопря на ихъ домашній бытъ, на ихъ родъ жизни въ Спамбулъ, можно въ самомъ дѣлѣ владѣльцевъ этой справы счешть временными гостями. Нельзя скавашь, чшо они доселѣ не привыкли считашь Европу своимъ опечесшвомъ, и помняшть свое Азіяпское происхождение; вѣрнѣе кажешся, чшо они не имѣюшть другой родины кромѣ Исламизма, и къ Азіи пишаюшть благочесшвное уваженіе не по пому, чшо сами вышпли изъ нея, а попомо-

висящей надъ ними. Политическая жизнь принадлежишь однимъ Туркамъ; остальные три племена, называемыя общимъ именемъ *раія*, только въ храмахъ своихъ, кругомъ оларей своей религій, чувствуютъ свою народность, и поддерживаютъ и укрѣпляютъ ее суевѣрнымъ отдаленіемъ отъ иновѣрцевъ. Эти три племена, составляющія половину народонаселенія столицы, и большую часть народонаселенія всей Имперіи, совершенно чужды судьбамъ Опшоманской державы: ихъ щастіе, ихъ несчастіе никогда не могутъ быть общими, и хотя на всѣхъ одинаково лежишь тяжелая рука Турецкаго владычества, но каждое изъ нихъ въ свою очередь болѣе или менѣе чувствуетъ тяжесть своей ноши, или пользуется отдыхомъ. Мы видѣли въ предыдущей главѣ ужасы, коимъ были обречены Греки въ 1821 году. Черезъ четыре года ихъ судьба облегчилась, когда Порта была занята истребленіемъ Янычаръ; потомъ наступила эпоха гоненія Каполическихъ Армянъ; одни Евреи не были въ наше время предметомъ исключительнаго гоненія; ихъ, кажется, спасетъ постыльное уничтоженіе ихъ племени и общее презрѣніе. То, чего и Греки и Армяне и Евреи могутъ со-

гласно желашь, ешь новая продолжительная
опала на Турокъ; попому что съ одной споро-
ны правительствво, заняное главнымъ своимъ
пугаломъ — фанатическою, правовѣрною чернію,
оспаиваешь ихъ въ покоѣ; съ другою — самые
Турки, присмирѣвъ опъ гоненія, спановяшся
гораздо обходительнѣе. Развъ изрѣдка, когда
понадобяшся деньги, удушашь двухъ прехъ бо-
гачей *раія*.

Бональдъ сказалъ, и всѣ за нимъ повспорили,
что Турки расположены лагеремъ въ Европѣ;
не знаю, до какой степени это выраженіе мо-
жетъ быть справедливо въ политическомъ оп-
ношеніи, и послѣ четырёхвѣковой лагерной
стоянки, сколько вѣковъ продлился еще ихъ
пребываніе на нашемъ материкѣ; но, смотря на
ихъ домашній бытъ, на ихъ родъ жизни въ Стам-
булѣ, можно въ самомъ дѣлѣ владѣльцевъ опіюй
страны счестъ временными госпями. Нельзя ска-
зать, что они доселѣ не привыкли считатьъ
Европу своимъ опечесивомъ, и помнятъ свое
Азіятское происхожденіе; вѣрнѣе кажется, что
они не имѣютъ другой родины кромѣ Исламиз-
ма, и къ Азіи пишаютъ благочестивое уваженіе
не попому, что сами вышли изъ нея, а попому

му что въ ней сохраняются все великія воспоминанія Исламизма, потому что ея воздухъ дышетъ правовѣріемъ. Но и въ Азіи и въ Европѣ Турки большею частію живутъ какъ пулики, остановившіеся въ каравансераѣ. Полицейскія ихъ постановленія, ихъ правосудіе, правительственныя совѣщанія, образъ войны, — все напоминаетъ эпоху ихъ кочевья отъ Туркистана на завоеванія. Они заняли мѣсто образованнаго народа, не перенявъ ничего отъ его образованія; если нѣкоторые писатели ихъ поздравляли съ тѣмъ, что они, сохранивъ суровыя добродѣтели полудикаго племени, не заразились образованіемъ Византіи, представлявшимъ образъ исплѣвшаго трупа, то вспомнимъ, что въ эпозѣ трупъ были заронены сѣмена новѣйшаго образованія, споль благодарительно развившіяся потомъ въ Христіанскихъ Государствахъ; а Турки, переживъ вѣкъ военной своей славы, не замѣнили его подобно всемъ великимъ народамъ, вѣкомъ вкуса и образованности. Съ другой стороны безконечныя обвиненія на религію Магомета, которая «преграждаетъ путь успѣхамъ разума, и гонитъ просвѣщеніе»; длинныя диссертаціи ученыхъ про-

пивъ Магомеша *; онъ виноватъ, что Турки хопяшъ быль варварами. Но и въ Испанскомъ Халифанъ и во Дворъ Гаруна Эль-Рашида и Эль-Мамуна поклонялись Аллаху и Корану, и эпо никому не мѣшало занимать науками, и государсва благоденствовали. Въ Турціи даже давно оспылъ религіозный фанатизмъ, и если иногда вспыхиваетъ—другія страсти его поджигаютъ.

Врядъ ли есть въ исторіи задача труднѣя явленія, представляемаго огромною массою народа, который вдругъ блистательнымъ и грознымъ метеоромъ обнимаетъ лучшую и образованнѣйшую часть свѣта, въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ оспается въ ней почти такимъ, какимъ былъ въ первую эпоху своего явленія, и вѣковыми усиліями обращаетъ наконецъ въ пуспыни цвѣтуція свои завоеванія; народъ, который посланъ, кажется, Провидѣніемъ, чтобы докончить продолжительное бorenіе со смертію другаго народа, спереть съ лица земли дряхлое царство, налетомъ своимъ обновить жизнь нѣсколькихъ племенъ, конхъ юнось такъ вяло развивалась подъ дремлющимъ

* Еще недавно вышла въ Германіи ученая диссертація объ этомъ предметѣ.

орломъ Византіи, коимъ предназначена, можетъ быть, блистательная будущность; такъ только посылается вихорь въ нашу атмосферу; и когда, какъ вихорь, пройдетъ эпохъ народъ, одни слѣды разрушенія будутъ напоминать о немъ; а самъ онъ, безстрашный свидѣтель великихъ событій и переменъ, между тѣмъ, какъ все вокругъ него суешно движется, дремлетъ, какъ спарвой дровишь подѣ вліяніемъ опіума, и ему снится, что онъ по прежнему могущъ и славенъ, и ослѣпленный вѣрою въ предопредѣленіе, онъ не подозрѣваетъ, что онъ самъ ложится уже развалиною, въ спранѣ, которую покрылъ развалинами. Мы видѣли, какъ Махмудъ силился пересоздать свой народъ и свое царство; къ сожалѣнію, народъ мало его понимаетъ, ему не сочувствуетъ; поддержишь ли его рука эпохъ колоссъ?—или онъ посланъ Провидѣніемъ, чтобы прикрыть сіяніемъ одного царствованія нынѣшнюю эпоху Турціи, такъ какъ Константинъ Палеологъ, вписавшій лучшую спраницу Византійскихъ хроникъ, среди поспыдныхъ спраницъ бѣдъ своей Имперіи, и просіявшій, какъ послѣдній лучъ надъ развалинами царства, какъ послѣдняя улыбка жизни на устахъ умирающаго?

Если въ городъ, гдѣ всегдашнее пребываніе Еврепейцевъ могло, кажется, опкрышь глаза Туркамъ, и показать имъ всѣ преимущества Европейскаго образованія, гдѣ народъ долженъ быть несравненно образованнѣе и остроумнѣе, нежели во всѣхъ другихъ городахъ Имперіи,—ибо полмилліонъ людей, живущіе въ одномъ городѣ, поневоля будутъ менѣе глупы—если въ самой столицѣ Султана, при ободрительномъ его примѣрѣ, преобразованія находятъ въ массѣ правовѣрныхъ болѣе враждебнаго сопротивленія нежели опоры—по чего ожидать въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ фанатизмъ правовѣрныхъ подкрѣпленъ стариннымъ презрѣніемъ къ Европейцамъ?...

Константинопольскіе Греки, которые въ іерархіи подвластныхъ народовъ занимають первое мѣсто, какъ бывшіе владѣтели, начинаютъ опять оправляться послѣ недавнихъ своихъ бѣдствій, но врядь ли достигнуть прежняго благосостоянія. Еще недавно огромныя капиталы находились въ ихъ рукахъ, они имѣли просвѣщенную и дѣлательную аристокрацію, иногда они правили дѣлами Турецкаго кабинета, и имъ принадлежали два княжескіе престолола. Все это невооратно прошло, и Фанари — эпитъ квар-

паль, который, казалось, продлилъ въ Стамбуль древнюю Византію, съ ея инпригами, съ ея чесполубіемъ, съ ея понкимъ умомъ, со всеми ея суешами—предспавляетъ теперь одни грусныя воспоминанія. Въ послѣдніе годы два фанаріота обрапили вновь на себя вниманіе Султана, который, какъ увѣряютъ, не одинъ разъ сжалѣлъ, о безчеловѣчномъ гоненіи столько семей. Одинъ изъ нихъ, Вогориди, бывшій при посольствѣ Халиль-Паши въ Петербургъ, по возвращеніи въ Константинополь получилъ шишуль Владыпельнаго Князя Самоса; но онъ не долженъ никогда ѣхать въ свое княжество, и остается въ столицѣ Султана, какъ живое воспоминаніе прежняго величія фанаріотскихъ князей.

Я навѣстилъ Константинопольскаго Патріарха, котораго прежде зналъ Епископомъ Синайскимъ. Патріархъ Константинопольскій былъ долго въ Россіи, и весьма хорошо знаетъ нашъ языкъ, какъ и другія Славянскія нарѣчія, и читалъ церковныхъ нашихъ писателей. Онъ соединяетъ обширныя свѣдѣнія, ученость и трудолюбіе съ паспырскими добродѣтелями. Онъ написалъ книгу о древностяхъ Константинополя, и охотно

далъ мнѣ нѣкоторыя археологическія поясненія. Но болѣе всего занимало его состояніе православной Церкви въ новомъ Греческомъ Королевствѣ; уже носились слухи о составленіи шамъ новаго Синода; Пашріархъ желалъ только, чпобы согласіе и истинное Христіанское благочестіе руководствовало церковными дѣлами Королевства, а самъ давно уже не принималъ никакого дѣятельнаго участія въ нихъ, находясь въ самомъ запруднительномъ положеніи, всегда подъ подозрительною бдительностію Дивана, и всегда имѣя предъ глазами ужасную судьбу своего предшественника.

Среди разрушенія всѣхъ величій Константинопольскихъ Грековъ, одинъ Пашріархъ остается съ преимуществами своего сана, съ прежнею своею политическою властію надъ своимъ народомъ, окруженный всеобщимъ уваженіемъ. Пресмникъ Злашоуста и Фопія стоить, какъ одинокая колонна, среди обломковъ распавшагося храма.

Церковь оспавленная Турецкимъ правительствомъ для Вселенскаго престола — небольшое полукаменное, полудеревянное зданіе, которое грозитъ разрушеніемъ. Кромъ великихъ воспо-

минаний, когорья грустно пѣсняшея подь деревяннымъ ея навѣсомъ, надь пресполомъ Іоанна Златоустаго, сохраненнымъ въ ней, никакого величія въ ней не найдете; блѣдная позолота образовъ Византійской живописи — вопть все, что оспалось ошь древняго богатства православныхъ храмовъ въ Константинополѣ. И Патріаршая церковь, и оспальныя двадцать Греческихъ церквей Константинополя находящяся въ самомъ бѣдномъ состояніи. Эти церкви почти всѣ старѣе эпохи взятія Константинополя: Турки не позволяютъ строити новыя церкви, и даже, чпобы поддерживать старыя, и частными исправленіями предохраняти ихъ ошь конечнаго разрушенія, Христіане должны покупать позволеніе огромными суммами и богатыми подарками вельможамъ. Безь особеннаго разрѣшенія Порты нельзя передвинуть нѣсколько черениць на крышѣ, (считаю излишнимъ говорить, что куполь есть принадлежность мечетей) хощя бы дождь ливнемъ падалъ среди молящихся Христіанъ. Бѣднѣйшій Христіанскій храмъ Константинополя, подь деревяною своею кровлею, обошелся дороже иной великолѣпной мечети, съ ея широкимъ куполомъ и спрѣльчатыми мина-

решами. Константинопольскіе Христіане въ эту эпоху были обрадованы надеждою скорого позволенія опть Султана обновить всѣ свои храмы; при всей бѣдности народа должно надѣяться, что его храмы значительнѣе улучашся, попому что никто не пожалѣетъ пожертвованій для столь набожнаго предпріянія. Мы видѣли, что все существованіе этого народа сосредоточилось у алтаря, и тамъ, среди воспоминаній и надеждъ, они ищутъ единственныхъ своихъ утѣшеній. Припомъ, такъ какъ первый лучъ просвѣщенія, блеснувшій человѣку, зажегся у алтаря его религіи — подъ свѣтоу церкви укрываенся скудное наслѣдіе науки, которое сохранилось опть времяу Византіи чрезъ четьре вѣка варварства. При всякой церкви вмѣстѣ съ богатынею есенъ и училище, а при Патриаршемъ соборѣ находннся даже довольно обширное типографическое заведеніе; въ немъ шеперь печатающся учебныя книги и молитвенники, но за двадцать лѣтъ предъ симъ, когда Греческія Музы съѣхали крашкое посѣщеніе въ свою вшнюю столицу, когда Фанари представилъ образъ древннхъ Аѳинъ, при звукахъ языка Перикла и Демосѳена, въ этой типографіи былъ предпри-

нянъ прудъ, достойный лучшей эпохи и лучшей участи — изданіе энциклопедическаго словаря Греческой и Византійской Словесности, подъ заглавіемъ *ковчегъ*. По его размѣрамъ это былъ огромнѣйшій изъ всѣхъ существующихъ въ Европѣ словарей, и напоминалъ Арабскую липперашуру, съ баснословнымъ ея словаремъ, составлявшимъ выюкъ нѣсколькихъ верблюдовъ. Въ двухъ первыхъ томахъ ковчегъ, которые успѣли оппечататься, заключались четыре буквы и болѣе 3000 страницъ in folio самой мелкой печати. Въ немъ безъ сомнѣнія было много Византійской схоластики, но и много эрудиціи. Все это рушилось въ 1821 году; замѣтимъ здѣсь, что во многихъ домахъ просвѣщенныхъ Грековъ были дорогія собранія книгъ и рукоисей, особенно по части Византійской Исторіи, юриспруденціи и церковной липперашуры; всѣ эти книги были распроданы на вѣсь фабрикантамъ, и обратились въ картонъ.

Еще остается намъ сказать нѣсколько словъ объ Армянахъ и о Евреяхъ Стамбула.

Армяне занимающъ часть города прилежащую къ *Семи башнямъ* и набережную до Серая; живущъ также въ разныхъ частяхъ города и по

Босфорскимъ предмѣстіямъ. Они не имѣютъ прошедшаго и историческихъ воспоминаній, или по крайней мѣрѣ весьма мало заняты ими; они забыли и древнее Армянское царство, которое по свѣплымъ но блѣднымъ метеоромъ сполько въковъ несло на бурномъ горизонтѣ Азіи, и берега Евфрапа, и подошвы Арарапа, и Эдессъ и великаго Тиграна. Разсѣянныя подобно Евреямъ по землѣ*, они не сохранили набожнаго воспоминанія объ одной общей родинѣ, о святыхъ стѣнахъ Сіона. Для нихъ любовь къ родинѣ, честолюбіе и слава—химеры, они самые *положительные* изъ людей; всѣ ихъ мечпы, всѣ желанія стремятся къ золошу, и всѣ прибыльныя промышленности опкрыты ихъ дѣяпельности; это восточныя Англичане, и съ нѣкотораго времени захватили въ свои руки всю внутреннюю торговлю Турціи, и кажешся заперли въ своихъ сундукахъ, какъ въ гробницѣ, всѣ капиталы. Уже давно Порта ввѣрила имъ монетный дворъ,

* Последняя наша война съ Персіею открыла новую перспективу благосостоянія и улучила судьбу этого мрачнаго и промышленнаго племени; присоединенные къ Россіи Армяне, нашли въ ней опечество и всѣ благодѣянія мудраго Правительства; но здѣсь говоримъ собшвенно объ Армянахъ Турціи.

и приманка барыша заставляешь их забываешь
 всю опасность и ужасные примѣры казней и ссы-
 локъ. Послѣ брашневъ Дузь-оглу, о которыхъ я
 уже упоминалъ*, монетный дворъ былъ въ вѣрствѣ
 другому Армянину Тенкирь-оглу; чрезъ нѣсколь-
 ко лѣтъ казна конфисковала у него 15,000.000
 піаспровъ, и онъ со всѣмъ семействомъ сосланъ
 въ глушь Малой Азии; попомъ былъ назначенъ
 Казасъ-Аршинъ..... но это будетъ цѣлый спи-
 сокъ ссылокъ и конфискацій.

Константинопольскіе Армяне раздѣлены на
 двѣ враждующія секты — Эвпихіанъ и Римскихъ
 Каполиковъ. Взаимная ненависть этихъ двухъ
 сектъ была, послѣ любви къ барышу, един-
 ственною ихъ снраспню; она вспыхнула съ но-
 вою силою въ 1828 году: Каполики призывали
 покровительство Папы, но Эвпихіане были бо-
 гаче и многочисленнѣе, и призывали на своихъ со-
 перниковъ опалу Дивана, который былъ радъ
 случаю новыхъ конфискацій. Всѣ Каполики безъ
 исключенія съ своими семействами были обре-
 чены ссылкѣ; все ихъ имѣніе было описано въ
 казну, и многія ихъ тысячи, безпріютныя, по-

* Часть I. Гл. 8.

гнбли въ ссылкѣ. Въ послѣднее время многіе изъ нихъ возвращены изъ ссылки черезъ посредничество Французскаго посла, чптобы въ нищенствѣ смотрѣшь на свои богатые кіоски, сдѣлавшіеся собственностію другихъ.

Не одинъ разъ въ капаніяхъ моихъ по Босфору видѣ энихъ кіосокъ наводилъ мнѣ прогашельныя воспоминанія. Среди кровавыхъ воспоминаній Константинополя, эпизоды романтической хроники энихъ береговъ дѣлаются еще привлекашельнѣе.

Я зналъ семейство Армянскаго банкира Тенкирь-оглу въ дни его благополучія; оно состояло изъ шести сыновей и двѣнадцати дочерей; младшія дочери соединяли къ своей Азіяпской красѣ дары Европейскаго воспитанія, потому что Армяне-Каполики въ послѣднее время сближались съ Европейцами. Хотя опеческая предусмотрительность заставляла ограничивать воспитаніе сыновей свѣдѣніями пужными для Константинопольскаго *серафа*, но дочерей своихъ Армяне старались воспитать подобно Франкамъ. Впрочемъ изученіе Французскаго языка и музыка не могли искоренить въ молодыхъ Армянкахъ наследственныхъ предразсудковъ религіи.

Въ слѣдующемъ разсказѣ найдемъ прогательный примѣръ силы эпихъ предрасудковъ.

Вероника, младшая дочь Тенкирь-оглу, была рѣдкой красоты, и съ умомъ живымъ и прятнымъ; ей было четырнадцать лѣтъ, и ея родные только два недосыатка находили въ ней: она была легка, тонка и высока, что по мнѣнію Армянъ, непроспипельно для женщины, брови ея не довольно сходились надъ носомъ, и было необходимо продолжать ихъ кистію, а главное — она была еще слишкомъ рѣзва, между тѣмъ, какъ въ эпис лѣта дѣвушка должна пріучаться къ неподвижной жизни Армянокъ, доколѣ опъ сидѣнія располспѣетъ до того, что вовсе не будетъ двигатся съ ула своего дивана. Тенкирь-оглу жилъ въ Эмирьянѣ, одномъ изъ красивѣйшихъ предмѣстій на Босфорѣ: на граничной набережной нѣсколько красивыхъ домовъ, потомъ у берега широкая поляна, обсаженная плапанами и раздвоенная рѣкою, черезъ которую перешагнула дуга легкаго мостика; во внутренности берега горы, одѣтыя садами, расступились, чтобы обнять въ свои цвѣтущія объятія глубокую и свѣжую долину, въ которую впааютъ опъ нихъ ручьи, какъ лк-

бовныя слезы, и образуютъ пономъ рѣку Эмирьяна. Въ этой восхищительной долинь любля гуляшь съ своею нянею Вероника, и пользуясь свободою загородной жизни, не накидывала на себя покрывала. Въ этой долинь любиль скакать на своемъ жеребцѣ и молодой Князь Г. сынъ одного господаря, пребывавшій тогда аманомъ въ Констанцинополѣ. Вскорѣ къ прелестямъ долины, копорая манила къ себѣ наѣздника, присоединились и прелести Пимфы этой долины.

Любовныя взгляды завоевали сердце молодой Армянки, копорая начинала чувствовашь первый призывъ дѣвственныхъ лѣтъ къ радостямъ любви, а кошелекъ цехиновъ купилъ благосклонность старой няни, и она согласилась доставить влюбленному Князю свиданіе. Свиданія назначались то въ хижинѣ садовника, то въ дубовой рощѣ, копорая одѣвала благосклонною шѣнію Эмирьянскую гору, и всегда въ присутствіи старухи; но любовь имѣеть свой мисническій языкъ, непонятный для старухъ: молодымъ любовникамъ удалось избѣгнуть ея назидательности. Однажды Вероника скрылась опъ своей няни, и пробралась по заученной тропинкѣ къ хижинѣ

двухъ Боспанджи, спорожей султанскихъ ласовъ. Здѣсь ожидалъ ее Князь, въ походномъ плашьѣ, вооруженный, съ чепырьмя Турками преданными ему. Турецкое мужское плашье было гошово для молодой Армянки; она переодѣлась, спряпала свои длинныя волосы подъ Персидскою шалью, которая окушала небрежною чамною ея хорошенькую головку, и на лихомъ конѣ, и на крыльяхъ любви полетѣла вмѣстѣ съ своимъ любовникомъ и съ вѣрною спражею въ опдаленный кваршалъ Спамбула. Черезъ нѣсколько дней они обвѣнчались въ деревенской церкви.

Родители Вероники бесполезно суешлись, чшобы узнать куда исчезла ихъ дочь, доколь исповѣдь спарой няни не отккрыла имъ начала ея любовнаго романа; но спаруха сама не знала кпо былъ похищитель; послали ее къ ворожею; и между Армянками водяшя ворожею, которыя ааслѣдовали, можешъ бышь, всѣ древнія пашисва своей соощечественницы Медеи. Ворожею, къ чести своей науки, а можешъ бышь и по примѣпамъ, какія могла ей дать спарая пляя, объявила имя похищителя. Это было громовымъ ударомъ для родителей: если бы похищитель

былъ лѣшій, оспавалось покорисься своей судьбѣ, и служишь поминки; если бы Турокъ — это было бы не впервые; Турки считающъ себя вправѣ похищашъ хорошенькихъ дѣвушекъ не у однихъ Армянъ, и правосудіе въ этомъ случаѣ нѣмо, какъ predetermined. Но видѣшь дочь свою обольщенною Христіаниномъ Греческаго исповѣданія, знаешь что она, усердная Каполичка, (я забылъ сказасть, что домъ Тенкирь-оглу принадлежалъ къ Западной Римскій Церкви) должна изъ обѣщаній *еретика* перейти прямо въ вѣчный огонь, и шерпѣшь припомъ подобное оскорбленіе, которое оспавалось неизгладимымъ пятномъ не только на ихъ домъ, но на цѣломъ Армяно-ганолическомъ племени — это было нестерпимо. Они подняли на ноги всѣхъ тяжело-вѣсныхъ своихъ соопечесственишковъ, и случись это три тысячи лѣтъ тому назадъ, все ихъ племя вооружилось бы, и пошло войною отыщишь свою красавицу, какъ Греки подъ Троию. Къ несчастію они не могли узнатьъ, въ какомъ заколдованномъ замкѣ скрывалась Вероника, попому что она не была вмѣстѣ съ своимъ супругомъ. Молодой Князь жилъ по прежнему въ домъ назначенномъ для него опъ Порпы, и всѣ поиски

Армянь, все шпионы посланные къ нему, все золото, издержанное на подкупленіе его слугъ, не могли доставить имъ положительныхъ свѣдѣній о мѣстопробываніи его супруги. Извѣстно только было, что онъ дѣлалъ частыя оплочки, и иногда принималъ у себя шайныя посѣщенія. Припомъ ежедневно Тенкирь-оглу получалъ извѣстія, что молодая женщина, или Турокъ, весьма похожій лицомъ на его дочь, показывались по на Княжескихъ Островахъ, по въ Скушари, по въ Перъ, по въ какомъ нибудь изъ предмѣстій; часъ по часу даже разомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ; старый Армянинъ шерялъ голову, или начиналъ подозревать, что дочь его сдѣлалась въ самомъ дѣлѣ колдунейою съ своимъ ерешникомъ, и думалъ уже отказатьсь отъ преслѣдованій. Но это дѣло было уже народнымъ дѣломъ его единоименниковъ, и въ него вмѣшалась религія. Духовенство Армянскихъ Каполиковъ соединяетъ всю непрерывность каполицизма съ необразованностію и сребролюбіемъ Конспантинопольскихъ Армянъ, и кромѣ оскорбленнаго самолюбія за побѣгу хорошенькой овцы изъ набожнаго стада, оно подспрекалось опасеніемъ, что если эпощъ примѣръ, первый въ мѣстописяхъ Армяно-каполиче-

ской Церкви, найдешь подражательницъ, а дурные примѣры всегда находяшь — ихъ казна пошерла бы доходы многихъ богатыхъ свадьбъ.

И такъ, вмѣстѣ съ своимъ Епископомъ, Армяне, въ день шеснивія Султана въ мечеть, подали *арчохаль*, т. е. жалобу, въ которой призывали Султанское правосудіе прошиву похищенія Вероники. Въ этой жалобѣ было сказано, что онъ насиліемъ увезъ ее, и колдовствомъ скрываетъ. Тенкирь-оглу управлялъ въ это время монетнымъ дворомъ, и имѣлъ связи въ Сераля* Его просьба обратила на себя все вниманіе Султана, и хопя князь, призванный къ допросу, объявилъ, что онъ женатъ на Вероникѣ, и законъ ни въ какомъ случаѣ не оппимаетъ жены у мужа, Султанъ однако рѣшилъ изслѣдованіе это дѣло, и если окажется, что въ самомъ дѣлѣ употреблено насиліе и колдовство, освободить Веронику отъ колдуна.

Что не было употреблено насилія въ похищеніи Армянки, мужъ ея легко могъ доказатьъ

* Есть особый Директоръ Монетнаго Двора — *Зарабъ-хане-эмини*; но Армянскіе банкиры, по своей опытности во всемъ что относится до драгоценныхъ металловъ, отъ химическихъ процессовъ до оборота ихъ, исключительно управляютъ его дѣлами.

свидѣтельствомъ чепырехъ своихъ оруженосцевъ и двухъ Боспанджи, копорые видѣли, какъ она сама прибѣжала, пайкомъ опгъ няни, и бросилась въ его объятія. Но на щепть колдовства — совсѣмъ другое дѣло.

Константиннопольскій Кади, надѣвъ предвѣришельно на себя нѣсколько талисмановъ, и послѣ долгихъ заговариваній спараго дервиша, призвалъ эпаго опаснаго челоувѣка, и велѣлъ ему доказать, что онъ не употребилъ другой магіи, кромѣ магіи, преподаваемой молодымъ людямъ всѣхъ вѣковъ и всѣхъ религій крылашымъ мальчикомъ-колдуномъ, извѣстнымъ болѣе подъ именемъ Эропа. Молодой челоувѣкъ отвѣчалъ, что онъ женатъ на Вероникѣ, что она его любитъ, и что кадіи могъ лично удостовѣриться, отвѣтами его супруги, въ томъ что она не заколдована, а на прошивъ пого въ самомъ цвѣтущемъ здравіи, и пакъ хороша, что можетъ однимъ взглядомъ околдовать даже спараго судію, и живетъ съ нимъ въ полномъ благополучіи. Армяне пого только и желали, чтобы Вероника была призвана къ допросу. Кади былъ радъ тому что дѣло рѣшился обоюднымъ согласіемъ, основываясь на собственныхъ показаніяхъ Вероники, что онъ

избавишься отъ шруда произносишь приговоръ, и даромъ получишь плашу за процессъ; и накъ рѣшить, что Вероника должна была явиться къ суду. Тогда Тенкирь-оглу представилъ кадю, что дочь его, находясь подъ вліяніемъ нечисной силы, будешь говорить при допросѣ не то что чувствуешь, и потому пребоваль, что бы предварительно она пришла на шри дня въ опцовскій домъ, въ коемъ имѣлись надежныя средства для разрушенія чаръ; потомъ обязывался отъ представитъ ее суду, и покориться его рѣшенію.

Кадій нашель весьма основательнымъ эпо пребованіе, основанное вѣроятно и на другихъ металлическихъ аргументахъ, и предписаль князю послать супругу въ домъ ея отца для свиданія съ родителями, обѣщая, что по испеченіи шрехъ дней она непременно явится въ судъ, и если подозрѣнія въ колдовствѣ окажутся не основательными, она ему будешь возвращена. Князь не охотно покорился этому рѣшенію; впрочемъ былъ совершенно увѣренъ въ любви Вероники, и въ томъ что она сама знала, что, разлученная съ нимъ, она не найдетъ жишья въ родительскомъ домѣ, и будешь несчастнѣйшимъ

въ міръ сущесвномъ съ Армянами-изувѣрами. Но родители лучше его знали свою Веронику.

Когда она была къ нимъ привезена, и въ слезахъ бросилась къ ногамъ машери, прося, чпо бы не разрушили ея блаженства, увѣряя, чпо она не будешь жить безъ своего мужа, и говоривше чпо говорится въ подобныхъ случаяхъ, старшія ея сестры спали кругомъ, и начали куришь ладаномъ и шептатъ въ полголоса заклинанія и молитвы; потомъ взяли ея на руки, не говоря ни слова, отвели въ отдѣльную комнату, и подобнымъ образомъ уложили на кровать, точно какъ покойницу, и на грудь ея положили большое распятіе. Нѣсколько часовъ читались надъ нею молитвы, и мать и сестры плакали при ней: потомъ обвѣсили се шалисманами, заперли въ шпешной комнатѣ, которой окна и ставни были наглухо закрыты, и оставили ея на всю ночь, при слабомъ свѣтѣ лампы.... Будетъ упомянуть описывать все средства, употребленные родителями, чпобы воспламенить молодое воображеніе Азіяпки, утешенное суевѣріями съ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ, и потомъ убедить ея, чпо она наконецъ освободилась отъ чаръ. Старая няня сама клялась предъ нею, чпо

и она грѣшница была въ согласіи съ волшебникомъ, которъй по являлся ей въ наспоющемъ своемъ видѣ — горбатымъ карломъ, шо принималъ пѣвшельныя формы, коими успѣлъ оболъснить молодую дѣвушку; что она сама напепывала ей, когда она спала, проклятыя слова, копорыхъ шеперь никакъ не можеть произнести, подсыпала въ ея кушанье доставленные волшебникомъ порошки, клала ей подъ изголовье какія-шо земія и шалисманы, копорые обрапились въ золу, когда окропили домъ свяшою водою. Вероника начала вспоминать, что со времени первыхъ ея любовныхъ свиданій она въ самомъ дѣлѣ почувсвовала въ себѣ удивительную перемѣну; особенно во снѣ спали ея шревожишь спрашныя грезы. На шретій день, день которъй рѣшалъ ея участь, несчастная была убѣждена, что мужъ, безъ ума ея любимый, ея околдовалъ.

Снипаю излишнимъ говорить, что вопросы, предложенные ей кадіемъ, были дикпованы ея безчеловѣчнымъ опцемъ, по наспошельному шребованію коего, мужъ не долженъ былъ шрисушсвовать при эшомъ допросѣ, напоминающемъ инквизиціонныя судилища.

Вопъ нѣкоторыя изъ энихъ вопросовъ и отвѣтовъ:

— Гдѣ ты увидѣла въ первый разъ молодого Бейзаде*?

— Въ долину, у ручья, подъ каштановыя деревья.

(Замѣтимъ здѣсь, что это дерево и эионъ ручей пользовались весьма дурною славою въ околѣтѣ: въ старыя годы какъ-то въ сумерки пропадало здѣсь безъ вѣспи дѣтя, и съ того времени воображеніе Эмиръянскихъ жителей населяло это мѣсто вурколаками** и злыми духами. Кади не упустилъ этого обстоятельства въ своемъ допросѣ, и оно было однимъ изъ аргументовъ его рѣшенія).

— Какіе знаки онъ тебѣ дѣлалъ?

— Его глаза меня смутили; онъ спранию на меня смотрѣлъ.

— Не было ли тебѣ жаль расстаться съ родственными, которые такъ тебя любятъ?

* Такъ называются дѣти господарей.

** Въмѣсто объясненія о Вурколакахъ, о коихъ повѣріе распространено между всеми племенами Греческаго и Славянскаго поколѣнія обитающими въ Турціи, считаю лучшимъ указаніемъ читателю прелестную повѣсть Вампиръ, писанную по разсказу Лорда Байрона.

— Очень жаль; я долго плакала, но невольно должна была склониться на желаніе этого челоуѣка; неодолимая сила меня къ нему влекла, и теперь еще влечетъ.

Не оставалось никакого сомнѣнія: Кади рѣшилъ, что она была заколдована, и должна была оспахься у родителей для совершеннаго своего исцѣленія. Когда впустили встревоженнаго мужа, который хотѣлъ разувѣриться кадія, и вырвать свою супругу изъ насильственныхъ рукъ изувѣровъ-Армянъ, Вероника, при первомъ взглядѣ на него, вспыхнула всѣмъ пламенемъ своей спраски, забыла всѣ свои глупыя опасенія, и бросилась въ его объятія. Но это въ глазахъ кадія показалось новымъ несомнѣннымъ доказательствомъ силы колдовства. Вероника была насильственно вырвана изъ объятій мужа, и ея родители, не уваживъ по крайней мѣрѣ того, что она носила плодъ своей любви, на другой же день посадили ее въ кайкъ, послали въ Азію, и послѣ долговременнаго пупи по ея пусыиамъ, она достигла неизвѣснаго, далекаго городка, гдѣ несчастная жертва безчеловѣчія и суевѣрія должна была принять одежду смиренія въ Армянскомъ женскомъ монастырѣ. Судьба ея оспа-

лась въ неизвѣсности: можетъ быть еще досель помнися она любвию, можетъ быть изувѣрки монахини Армянскія успѣли ее вполне удосповѣришь, что она въ самомъ дѣлѣ была въ обьяніяхъ какого нибудь дракона, или сагама, и она долгими годами раскаянія искупаетъ крашкія мгновенія перваго и единственнаго привѣта любви и жизни.

Когда я былъ въ послѣдній разъ въ Констанцинополѣ, семейство Тенкирь-оглу было въ крайней бѣдности; оно недавно возвратилось изъ ссылки; мнѣ не удалось получить никакихъ свѣдѣній о судьбѣ Вероники, которую я знавалъ дитяшею, кошорой приключенія возбудили пономъ во мнѣ самое живое участіе. Только въ прогулкахъ моихъ въ долину и въ роцъ Эмир-яна прогушательный ея образъ придавалъ новыя прелести эшимъ восхишительнымъ ландшашамъ и сохраненнымъ мною воспоминаніямъ дашшнихъ годовъ.

Послѣ романшической Вероники мы должны посѣтишь древнее племя Израильшянъ: оно въ Констанцинополѣ, какъ и во всѣхъ городахъ Турціи, и во многихъ Христіанскихъ городахъ, не живетъ по разнымъ кваршаламъ, среди дру-

гихъ племенъ, но соединилось въ отдѣльномъ предмѣстїи, въ Хасъ-къон, во глубинѣ залива Золошаго рога, и составилъ здѣсь цѣлый Жидовскій городъ, съ 70,000 жителей, который можешь почестъся всемірною столицею Израїля. Можно подумать, смотря на постоянное стараніе Евреевъ собраться въ одномъ углу города, и не смѣшиваться съ другими племенами, что энцимъ хопяшь они вознаградишь себя за свое разсѣянїе по землѣ. Но никакое воображеніе не представитъ себѣ картины опврашцельнѣнїя ихъ Спамбульской столицы; несообразность и зловонїе улицъ, дома обвѣшенные пряпками, группы маленькихъ Израїльчанъ, копорья, вмѣстѣ съ собаками, совершенно нагіе, ползающѣ по улицамъ, сухіе, вялые, желтые, какъ семьи гномовъ, спарья Еврейки, копорья съ мистическими знаками на головѣ, какъ колдуньи Махбета, сидящѣ у воротъ съ веревками, или перекликающія изъ своихъ оконъ пропѣвными звуками, подобными погребальной пѣснѣ — все это заставитъ васъ излить свою досаду на оффиціальное любопытство путешественника, которое введетъ его не въ одни долины Босфора, но и въ Еврейское предмѣстїе.

Мужчинъ вы здѣсь увидите мало; они цѣлый день промышляютъ въ Стамбуль: и здѣсь какъ и вездѣ, они захвапили въ свои руки всю мелкую шорговлю. Изъ нихъ есть много богачей, много *сарафовъ*, но большая часть ихъ племени пребываетъ въ нищезнѣ. И богача и нищаго Еврея узнаете среди базара по заботливости, сдѣлавшейся привычною на его лицѣ и овладѣвшей всѣми его движеніями, по боязливой его походкѣ, съ взглядомъ и съ головою всегда опущенными къ землѣ, копорой грязь впиалась, кажется, въ его душу, во всѣ его мысли. Но ихъ можно узнать и по цвѣсамъ одежды; извѣстно что каждый народъ въ Турціи имѣетъ привилегированные цвѣта для своей одежды; Евреямъ Султанъ пожаловалъ голубой цвѣтъ; цилиндрическая суконная шапочка, обвязанная проспымъ плашкомъ, широкіе кафшаны и шуфли — все это грязно-голубаго цвѣта; и дома ихъ выкрашены голубою краскою. Я забылъ выше сказать, что коришневый цвѣтъ принадлежитъ Армянамъ; черный носится Греками, какъ бы наследственный шрауръ оцѣ поколѣнія въ поколѣніе по пошерянной державѣ. Эши цвѣта спрого соблюдаются въ обуви и въ наружной краскѣ до-

мовъ. Въ прежнее время считалось величайшею милостию, если Султанъ жаловалъ кому изъ *рая* привилегію носить желшья шуфли; Фанариюпскіе Греки и Армяне Дузоглу носили ихъ въ дни своей славы; теперь считается особенною почестью надѣшь новый косяномъ.

Не думайте, что Евреи, встрѣчаемые на Востокъ, побрели сюда изъ своего древняго восточнаго царства. Они пришли сюда съ Запада; они совершили, подобно пшцамъ южныхъ климатовъ, срочный и широкій кругъ переселенія, и приблизились вновь къ своей родинѣ. Это потомки тѣхъ 800,000 Евреевъ, которыхъ инквизиція Фердинанда и Изабеллы безчеловѣчно изгнала изъ Испаніи въ XVI вѣкѣ*. Они оставили

* Всѣмши Тудельскій, Испанскій Еврей, путешествовавшій въ XIII вѣкѣ, и носившій почти все известныя тогда земли, нашелъ въ Конспаніивополѣ только 1000 своихъ единовѣрцевъ. Изъ Византійскихъ летописей видно, что они тогда занимали пятнадцатую Галапу. Шамобрианъ помѣстилъ въ своемъ *Itinéraire de Paris à Jérusalem* опись Еврейскаго народонаселенія, найденнаго тогда Веняминомъ во всехъ известныхъ городахъ. Оно составяло приблизительно до 4,000,000 душъ. Ихъ народонаселеніе было вѣрнее болѣе при Веспасіанѣ. Въ эпоху осады Герусалима Типомъ погибло 1,000,100 Евреевъ. Любопытно знать въ точности ихъ число въ настоящее время.

царство Фердинанда, какъ предки ихъ оставили царство Фараоновъ; но они не унесли съ собою добычи своихъ гонимелей; напрощвъ, благодаря хитрости Фердинанда, оставили въ Испаніи свои богатства*. Только языкъ романшической Каспидіи оспался имъ въ наслѣдство отъ Пиррнейскаго полуострова, и гордый языкъ гидальговъ, изуроданный выговоромъ Левантскихъ Евреевъ, не узнается болѣе, какъ бы спылся служить для меркантильныхъ дѣлъ и самыхъ униженельныхъ промышленностей — языкъ романсовъ и героическихъ дѣлъ.

Сыны Израиля, не находя убѣжища въ Католической Европѣ, прибѣгли къ госприимству Востока, и нашли кровопильство и вѣрошерпимость въ царствѣ Корана. Они здѣсь и теперь болѣе довольны своею участію, нежели

* Известно, что сперва былъ изданъ указъ запрещающій вывозъ изъ Королевства денегъ и всякихъ драгоценностей, потомъ повелѣніе Евреямъ оставить Королевство; это былъ явный грабежъ; но остроуміе Евреевъ въ этомъ затрудненіи избрало средство, коимъ спасена нѣкоторая часть ихъ богатства: торговля обязана Евреямъ и несправедливости Фердинанда вселями, коими успѣли они перевесити въ Королевство суммы, не деньгами и не драгоценностями, а только на бумагу и на коммерческомъ кредитѣ.

во многихъ Европейскихъ городахъ, и пользующаяся одинаковыми правами со всѣми племенами подвластными Туркамъ. Даже многія вѣрованія и обряды ихъ закона сближаютъ ихъ съ Мусульманами; они также гнушаются свинины какъ и Турки; также письмо ихъ идетъ опъ правой руки къ лѣвой, также въ своемъ богослуженіи не покланяются образамъ, и ихъ религія, подобно религіи Магомеша, соспоишь въ числомъ деизмъ.

Не это племя злое и свирѣбое; нигдѣ не обнаруживается до такой степени ненависть ихъ къ Христіанамъ; мы видѣли какъ она выразилась при казни Папріарха. Если кто изъ нихъ обратится въ Христіанство, долженъ удалиться въ страну, куда его не могла бы настигнуть мстительная рука Израиля; было много примѣровъ подобнаго неизбежнаго мщенія. Кроме того, въ Констаншинополѣ носятъ ужасные слухи объ обычаяхъ Евреевъ похищать дѣтей Христіанъ для крови, требуемой ихъ Пасхальнымъ агнцемъ. Еще недавно пропало безъ вѣспидия одного купца въ Перѣ; красота его заставляла подозрѣвать, что оно похищено и продано въ неволю; попомъ нашли въ морѣ его трупъ.

диптя было зарѣзано, и все подозрѣнія пали на Евреевъ, пгѣмъ болѣе, что это было въ эпоху ихъ Пасхи. Подобныя подозрѣнія были подтверждены книгою подъ заглавіемъ «Опроверженіе Еврейской вѣры, сочиненное Неофинномъ, монахомъ Греческимъ, прежнимъ Раббиномъ;» она была издана на Молдованскомъ языкѣ, въ 1805 году, въ Яссахъ. Евреи закупили тогда все экземпляры, испребили ихъ, и огромною суммою, данною Господарю, предупредили ея новое изданіе. Но потомъ, въ 1818 г. она была переведена на Греческій языкъ, и оная напечатана въ Яссахъ. Первая ея глава говоритъ «о крови, онимаемой Евреями у Хрисціанъ, и о ея употребленіи». Послѣ ужасающихъ подробностей авторъ прибавляетъ: «Когда мнѣ совершилось тринадцатъ лѣтъ, отецъ мой открылъ мнѣ тайну крови, но предварительной клятвѣ моею всеми стихіями, землею и небомъ, въ ея сохраненіи, и подъ угрозою предашь меня проклятію, если открою се кому бы то ни было, даже роднымъ братьямъ. Когда ты женишься, скажешь оны, и у тебя будетъ десятеро дѣтей, ты долженъ передашь эту великую тайну подъ тѣми же клятвами одному изъ нихъ, которое покажется

себѣ самымъ умнымъ и самымъ швердымъ въ вѣрѣ нашихъ опцевъ; ушроба земли не приместь предашеля, и пр.

Не знаю до какой степени заслуживаютъ въ-ропнїя слова Раббина, но они болѣе подкрѣпили въ народѣ слухи о закланїи дѣшей. Вспомнимъ, что въ первыя времена Христіанства Евреи обвиняли Христіанъ въ эшомъ самомъ злодѣяніи.

Въ сосѣдствѣ съ городомъ Евреевъ, на широкомъ холмѣ, раскинулось ихъ кладбище; кладбища въ Константинополѣ составляютъ лучшее украшеніе города: эшо сады и роши, среди коихъ образъ смерти является одѣшый всею поэзіею природы; на каждомъ деревѣ найдеша гнѣздо перелетныхъ гостей весны; въ каждой шѣни воркуютъ голуби, и шайны любви ихъ соединились съ шайнами смерти. Но кладбище Евреевъ въ Хасъ-кьои безъ шѣни, безъ одного куспа: среди его пустыни расположились одни бѣлыя няйна гробовыхъ мраморовъ, и опъ него вѣетъ холодомъ. Среди роскошныхъ карпнигъ Константинопольскихъ предметснїй, эшо кладбище покажеша вамъ участкомъ Палестинской земли, съ коего гнѣвное слово Іеговы сняло одеж-

ду жизни и прозябенія. Можетъ быть Константинопольскіе Евреи любящъ его нагошу, копорая напоминаетъ имъ долину Юсафаа и гробы Царей Израиля.

Ежегодно нѣсколько спарковъ изъ Хасъ-кьон отправляются въ древнюю столицу ихъ племени, разспаются навсегда съ своими семьями, разрываютъ все узы общежитія, и послѣ эпои самовольной моральной смерти, идутъ влачить въ нищенствѣ горькій, безцвѣтный оспашокъ своихъ изгнанническихъ дней подъ святынею Иерусалима, чпобы пѣла ихъ успокоились въ долину Юсафаа. Есть что-то возвышенное и поэтическое, есть можно сказать религіозное геройство въ эпои прогашельной привязанности несчастнаго, загнаннаго, презрѣннаго племени къ той землѣ, которой воспоминанія и надежды созидаютъ для него идеальную родину, которой набожно завѣщаетъ оно свои кости.

Г Л А В А VII.

Разрядъ Путешественниковъ. — Искатели приключеній. — Медики. — Медицина дервишій. — Докторъ Балли. — Крѣпительныя. — Медицина въ гаремахъ, и языки Турчанокъ. — Приключенія двухъ мичмановъ. — Министръ медицины, и его вліяніе на политику. — Анатомическія свѣдѣнія Турокъ. — Удивительный рыбакъ.

Въ Константинополѣ есть всѣхъ родовъ путешественники; въ столицѣ Султана, какъ и во всѣхъ столицахъ, найдете людей, которыхъ жизнь обратилась въ продолжительное кочевье отъ какой-то безопытной потребности перемѣнять мѣстопребываніе; предъ ними свѣтъ распянулся безбрежный, какъ степь предъ Бедуномъ; въ особенностяхъ найдете Англичанъ, которые вылечиваются отъ сплина, проклинаютъ Турокъ и бросаютъ гинеи; есть люди, которые шудятся надъ точнымъ опредѣленіемъ мѣста, по коему галеры Магомеша были перенесены въ *Золотой Рогъ*, или хотяшь угадать, какимъ образомъ Босфоръ расступился, чтобы дать проходъ водамъ Чернаго Моря, и оставилъ Грекамъ преданіе о Девкалионовомъ пошопѣ; это ученые, которые сами шонутъ въ океанъ науки,

какъ тогда упонуль Архипелагъ; другіе хлопочушъ какъ бы проникнушъ въ шайны Серала и домашней жизни Сулпана; другіе — и это самый многочисленный классъ — скучаютъ, и они скуки надъваютъ Турецкіе *чекширы*, опращиваютъ бороду и курятъ кальянъ. Но оставивъ ихъ въ мирной скукѣ и въ миролюбивыхъ ихъ упражненіяхъ; я познакомлю васъ съ особымъ классомъ путешественниковъ; они не за пѣмъ пришли сюда чпобы вымечпшья они болѣзни: здѣсь и здоровый не уснопшъ при встрѣчѣ съ черною госпшо, которая, прибывъ изъ Африки вмѣстѣ съ пассажирами на купеческомъ бригѣ, такъ роскошно гуляетъ по берегамъ Босфора, и каждый годъ собираетъ жатвы нѣсколькихъ тысячъ Кіафировъ всѣхъ народовъ, собранныхъ въ столицѣ исламизма, — вѣрующихъ или нѣтъ въ предопредѣленіе. Они также не арпнштъ: Турки не любятъ арпнштовъ, и считаютъ тяжкимъ грѣхомъ писать свои порпшрешы; они болятся, что при преснавленіи свѣшна, когда всѣ пѣла правовѣрныхъ всшавушъ изъ гробовъ, опытушъ свои души, и чинно пойдутъ въ Магометовъ рай, какая нибудь правовѣрная душа, обманулая сходспвомъ полошна съ особою прежняго

своего вмѣстителя, поселился въ полошно и забуденнѣ шло въ опустѣломъ кладбищѣ. Правда, что Махмудъ не убоился подобной ошибки и написалъ съ себя нѣсколько порипреповъ, но народъ его крайне упрямъ въ своихъ вѣрованіяхъ. Есть другой родъ сираишковъ, гораздо многочисленнѣе, песпрѣе, предприимчивѣе, нежели всѣ вышеупомянутые: это люди, которые гонящся за щасіемъ. Это искатели приключеній, копорымъ вся широкая Европа шсна для полена ихъ генія, копорымъ всѣ обыкновенные пути въ жизни кажутся грязными пропинками, копорые рѣш лисъ проложишь себѣ новую дорогу, во чинобы то ни спало, покинули родину и родныхъ, гошovy выбришь голову и опказашся опъ своей вѣры, чинобъ осуществишь сонъ, вешревожившій ихъ праздную лѣнь каршиною золоченаго кіоска на берегу Босфора, ароматической атмосферы восшочнаго цвѣтника, раскинушаго, какъ узорчатая шаль на террасть сада, сладоспращной нѣги гарема и круга пажей и нѣмыхъ рабовъ.

Французы въ этомъ отношеніи занимающъ первое мѣсто: можешъ быть по существующему у нихъ сочувствію къ Туркамъ и къ ихъ

образу жизни; можетъ бышь — и это вѣриѣ — по недоспапкѣ религіозныхъ правилъ и по въпиренности. Первое ихъ дѣло по прибытіи въ Конспанцинополь — ипши на кладбище Дервишей плясуновъ въ Перѣ, и поклонипсья огромному мрамору, украшенному сипаринною Турецкою чалмою, и подѣ копорымъ почиваетъ прахъ славнаго ренегата, ихъ соотечесипвенника графа Бониваля, прежде Авспрійскаго генераль-лейптенанта, сражавшагося прошивъ Турокъ подѣ знаменами принца Евгенія, попомѣ Турецкаго Паша и дервиша, и наконецъ безспыднаго хошь и оспроумнаго испорика своихъ похожденій.

Со времени преобразованія введеннаго Сулпаномъ въ военной сиспемѣ, каждый корабль, идущій ошь береговъ западной Европы, доспавляетъ въ его армію, или въ армію его врага Мехмедь-Алія, будущихъ пашей изъ самой поспьдней сволочи Евроеискихъ общеспвъ. Правда, что большая частъ ихъ ошь неудачъ или по другимъ причинамъ скоро получаютъ оспвращеніе къ новому роду жизни: пробывъ нѣсколькѣ лѣтъ на берегахъ Босфора и Нила, многіе изъ нихъ вспомнили свои родные берега, и уже возвратипсь шайкомъ во свояси; но многіе пакже,

разорвавъ всѣ узы родства, и боясь показаться въ опечесствѣ, гдѣ вѣроятно ожидаетъ ихъ испразительный домъ за старыя прегрѣшенія, или шорьма за долги, рѣшились пуститься въ новую промышленность: они промѣняли шпагу на лацетъ, сдѣлались *signori medici*, и дѣяшельно спали залечивать подданныхъ Султана, которыхъ надѣялись прежде душисть другими средствами, въ качествѣ его сановниковъ и любимцевъ. Мнѣ случилось видѣть нѣсколько шакихъ побочныхъ дѣшей Эскулапа въ Кандіи, въ Смирнѣ и въ Дарданеллахъ. Многіе изъ нихъ сознаются безъ обиняковъ, что никогда не учились Медицинѣ, что даже для формы не знаютъ сколько-нибудь по-Лашыни, и увѣряютъ, что практикою узнали свойства человеческого шѣла, и что такнмъ образомъ приобретають они болѣе свѣдѣній, нежели ихъ Европейскіе собратья, копьюющіе въ книгахъ. Они всегда сославяптъ какую нибудь сантиментальную исторію своихъ приключеній, принудившихъ ихъ оставить Европу и сдѣлаться докторами: то неудачи по службѣ, то преслѣдованія за благородство мыслей, заставили ихъ искать убѣжища въ Турціи; а чаще всего измѣна любимой особы повле-

кла чувствительныхъ любовниковъ въ спрану, гдѣ такъ жестоко оплачивается коварному полу за всѣ его легкомыслія въ оспальной Гв-ропѣ. Самые добросовѣстные изъ нихъ идупъ въ шарлапаны: они употребляютъ только невинныя средства, и даютъ за хорошую цѣну своимъ паціентамъ скляночки съ водою, окрашенною розовымъ, желтымъ, кофейнымъ цветомъ, пилюли изъ хлѣба съ какимъ нибудь незначащимъ порошкомъ, и тому подобное. Другіе не такъ снисходительны, и лечатъ на убой. Рыская по Турціи съ сумою наполненною лечебнымъ запасомъ, они иногда заслуживаютъ громкую извѣстность, особенно если насмѣшница судьба вздумаетъ имъ улыбнуться, и позволить вылечить какое-нибудь высокое лицо подъ ихъ надзоромъ. Тогда имъ открываются гаремы; они приобрѣтаютъ политическій вѣсъ въліяніемъ своимъ на вельможу или на его кадыню; виваются какъ пьявки въ ихъ довѣренность, простираютъ свои интриги до самаго Серая, продаютъ дорогою цѣною свое покровительство не только мелкимъ просителямъ, но пашамъ и государямъ, и иногда располагаютъ судьбою цѣлыхъ областей. Но большею частію они дол-

жны довольствоваться весьма скромного промышлененію: я видѣлъ, какъ они десятками отправляются каждый день изъ Перы въ Консантинуполь, обходящъ самыя уединенныя улицы, и хрипымъ голосомъ исчисляющъ болѣзни, они конхъ несомнѣнныя лекарства хранящя въ ихъ коробкѣ, оканчивая всегда какого нибудь фразою въ воспочномъ вкусѣ о своемъ врачевномъ всемогуществѣ. Положеніе ихъ незавидно, не смотря на возможность вдругъ выскочить въ люди. Въ сирахъ, гдѣ царствуютъ вѣра въ предопредѣленіе, они имѣюшъ опасныхъ соперниковъ въ старыхъ дервишахъ, которые лечатъ все болѣзни талисманами; какое лекарство можетъ быть дѣйствительнѣе одного сниха изъ Корана, одного изъ девяноста девяти именъ Аллаха, прошептаннаго на ухо больному извѣстное число разъ, въ извѣстную четверть луны? Азіатское воображеніе воспламененное таинственными изреченіями Корана, обрядами словія и мученичествомъ, которому эти святоши добровольно подвергаются, крѣпко вѣрны въ силу средствъ почерпнутыхъ въ самой религіи. Припомъ дервиши имѣюшъ по преимуществу предъ другими шарлатанами, что

въ случаѣ неудачи своего пользоваія, могутъ торжественно объявить, что смерть была написана на скрижаляхъ судебъ — и что значашъ усилія человѣка предъ одною буквою предвѣстной книги?... А докторамъ по званію перѣдко доспаются палки по пятамъ, и были случаи, что какой нибудь своенравный Паша предлагалъ имъ или вымечить любимаго сына, или гошовишься къ висѣлицѣ въ случаѣ его смерти, и попомъ буквально сдерживалъ свое слово. Сверхъ того въ спранѣ непрерывныхъ переворошовъ опасно связывашъ свою судьбу съ судьбою могучаго лица, которое при первомъ гнѣвѣ Султана при первой вспышкѣ мяшежа, можетъ сдѣлаться жершвою обстоятельство; все помняшъ въ Констанцинополѣ плачевную участь Англичанина, который былъ докторомъ Султана Селима, и сдѣлался жершвою янычарской злобы въ своемъ загородномъ домѣ.

Въ Перѣ есть теперь нѣсколько ученыхъ Европейскихъ врачей, но они служатъ почти исключительно для Европейцевъ, поселившихся въ этомъ предмѣстіи Константинополя: если случится, что ихъ позовушъ къ Мусульманину, они должны только боролсь съ непреодолимы-

ми предрасудками, и часто всѣ ихъ убѣжденія безсильны передъ упрямымъ невѣжесшвомъ Турка. Недавно одинъ Англійскій докпоръ, желая познакомиться съ состояніемъ своей науки въ Конспаннинополѣ, рѣшился войти въ кофейный домъ, гдѣ Левантскіе его собраты обыкновенно имѣютъ свои засѣданія, и сыграть комедію подобно имъ. Онъ важно усѣлся на скамьѣ, а его переводчикъ спалъ, по обычаю, исчисляя мнимые его подвиги. »На дняхъ, говорилъ онъ, »эпошъ дош попочтенный *хекимъ* (мудрецъ), цвѣшъ »мудрецовт (лекарей) Френкиспана, вылечилъ, »въ присуствіи многихъ свидѣтелей, почти »умершаго эфендія: онъ извлекъ изъ груди больнаго легкое, очистилъ опъ всѣхъ поврежденій, »положилъ назадъ, и на другой день эфенди былъ »въ вождѣленномъ здравіи, за что и щедро наградилъ его нѣшью мѣшками золотомъ«. Слушатели, привыкшіе вѣрить подобнымъ разсказамъ, также какъ чудесамъ »Тысячи одной ночи«, положили въ уста палецъ удивленія. Одинъ воскликнулъ:—»Нышъ божесшва кромъ Бога!« другой прибавилъ:—»И Магомешъ пророкъ Бога!« шрепшій, вспавъ съ мѣспа, сказалъ докпору самымъ дружелюбнымъ голосомъ: *гель гяуръ!* »Поди за

мною огнепоклонникъ*!» и повелъ его къ одному большому Пашѣ. Медики всѣхъ націй, правовѣрные и невѣрные, осаждали постель спраждущаго, вмѣстѣ съ шолпою друзей, слугъ и рабовъ его. Главную дѣйствующую роль въ этомъ перспромъ собраніи игралъ важный имамъ: онъ началъ консиліумъ слѣдующимъ экзордомъ:—«Аллахъ сошворилъ міръ для того, чтобы разнши въ немъ свѣтъ исламизма. Господинъ нашъ Магомень-Избранный— да благословитъ его Аллахъ, и да просвѣтитъ онъ его!— получилъ благородный Коранъ изъ рукъ ангела Гавриила. Эта книга писана собственноручно Аллахомъ прежде всѣхъ вѣкъ, и на ея священныхъ страницахъ изображена вся мудрость богословія и природы. И такъ всякое знаніе, почерпнутое не изъ Корана есть только обманъ и нечестіе.» Имамъ справлялся съ Кораномъ, и напелъ было чинно слово «медъ» повторялось въ немъ столько разъ, сколько дней продолжалась болѣзнь Пашы: слѣдовательно медъ былъ единственнѣмъ опъ ней лекарствомъ. Воскъ входитъ въ составъ

* Известно что слово *гуръ*, которымъ Турки величаютъ всѣхъ повърцевъ, есть исковерканное ими Персидское *геберъ*, или *гевръ*, Гебръ, Гвевръ, огнепоклонникъ.

меду: и такъ надлежало употребить воскъ. »Мудрецы, *хекимы!* продолжалъ онъ, возложимъ упованіе на Аллаха и дадимъ болящему должный приемъ воску. Онъ спрavedетъ уже тридцатьшесть дней. *Иниаллахъ теаля*, если угодно всевышнему Аллаху, при благословеніи его Пророка—пусшь онъ принимаетъ по тридцати шести капель воску черезъ каждые тридцатьшесть часовъ.«—Когда имамъ кончилъ эту рѣчь, слуги, рабы, друзья больного и правовѣрные хекимы превозгласили глубокую его премудрость, и кончили пѣть, что нѣтъ божества кромѣ Бога, и другаго лекарства кромѣ воска для *Его Благополучія, господина нашего, паши*. Никому не было позволено противорѣчить. Всякое свѣтское разсужденіе считалось бы нечестіемъ послѣ всевышняго гаданія по Корану. Имамъ далъ каждому врачу по пяти цехиновъ: они раскланялись и оставили больного на произволь судьбы. Англичанинъ, который описывалъ попомъ эту комико-прагматическую сцену, выходя онъ паши, изъавилъ свое удивленіе одному Армянскому врачу; тотъ, болѣе опытный въ подобныхъ обстоятельствахъ, съ оспорожностию осомнѣлся, и сказалъ ему на ухо: »Пашу хотяшь он-

равиль! Онъ завѣщалъ всѣ свои богатства одной мечети.« Англичанинъ, для облегченія своей совѣсти, зашелъ опять въ домъ паши, и сказалъ одному изъ невольниковъ, чпобы онъ предостерегъ своего господина, что онъ умретъ, если приметъ лекарство. Но смерть паши была написана въ книгѣ предопредѣленія, и судьба его исполнилась.

Нѣчто подобное случилось съ Капипанъ-пашею, умершимъ въ 1830 году. Ахмедъ-Папудки, то есть Ахмедъ-Башмашникъ, до вступленія въ должность Главнаго Адмирала Турецкой имперіи, или какъ его оффиціально называли въ фирманахъ, въ должность *опытнаго пловца среди острововъ и скалъ, храбраго воителя морей отъ одного горизонта до другаго*, занимался шитьемъ туфель въ одной изъ грязныхъ улицъ Галапы. Его пользовали Европейскіе докторы, но, при самомъ крипическомъ переломѣ болѣзни, былъ призванъ имамъ, который, запретивъ всѣ лекарства невѣрныхъ, увѣрилъ больного, что нечистый духъ поселился въ его желудкѣ, и спалъ его заговаривашъ. Незвѣстно, какія средства употребилъ имамъ для изгнанія нечистаго, но потомъ всѣ невольники паши увѣряли, что онъ

извлекъ пять шпукъ чершей изъ тѣла верховнаго адмирала, связалъ ихъ, и положилъ на софу. Они скоро улетѣли. Разумѣется, что за нечиспыми духами улетѣла и чистая душа его Превосходительства Ахмеда-Башмашника.

Французскій врачъ Г. Балли, который провель нѣсколько лѣтъ въ Константинополь по любви къ своей наукѣ, также насмотрѣлся на странныя приключенія съ докторами, которые лечатъ Турокъ. Любопышенъ анекдотъ его съ славнымъ Гуссейнъ-пашею, испребителемъ Янычарь, въ дни его величія, когда одно его имя приводило въ трепетъ оробѣвшіе остатки дѣтей Хаджи-Бекпаша.

Гуссейнъ-паша сказалъ доктору Балли, что прежде онъ спрадалъ какою-то болыю — будно его три иглы кололи по печени, и что эша боль наводила на него порой сильную лихорадку. — Это вѣрояпно опъ усалоспи послѣ неузнреннаго движенія, или опъ какого нибудь удара, замѣнилъ докторъ — «Нѣтъ, опвѣчалъ паша: въ Варнѣ измѣнили мнѣ при злодѣя; мнѣ не удалось ихъ наказать, и тогда зародилась эша болѣзнь. Шестъ мѣсяцевъ я сильно спрадалъ: попомъ мнѣ посчаспливилось заспрѣлишь двухъ

изъ моихъ злодѣевъ — эпо меня облегчило. Голова оспалась только въ одной почкѣ, потому что претій только спасся.» — Докторъ замѣтилъ ему, что по этому его леченіе зависило болѣе отъ поисковъ полиціи нежели отъ Медицины. — «Я совершенно убѣжденъ, прибавилъ паша, что вся боль пройдетъ, если претій изъ злодѣевъ попадетъ въ мои руки: но не можешь ли облегчить мое страданіе?» — Я совѣтую вамъ быть умереннѣе, если вы дорожите жизнью. — «Меня и безъ того изломали годы! сказалъ паша со вздохомъ. Что еслибы ты меня зналъ прежде, когда голова у меня была желѣзная, умъ въ головѣ — огонь, а душа пороховая! Все во мнѣ кипѣло тогда. Оступится ли моя лошадь — пуля ей въ лобъ! Разсердится ли меня непослушный рабъ — долой ему голову!» — Васъ бы вылечила, сказалъ ему докторъ, кровавая бичева или новый Эпмейданскій день. — При этомъ воспоминаніи о Янычарахъ лице Гуссеина загорѣлось. — «Ты правъ, хекимъ, сказалъ онъ доктору: ты угадалъ мою болѣзнь!»

Таковы Турки; въ пылу страстей своихъ они не различаютъ болѣзней душевныхъ, мести, ненависти, порывовъ честолюбія и жажды крови отъ недуговъ плесныхъ; а когда вмѣстѣ

съ шълесными силами попухающъ и спрасни ихъ, имъ оспаешся одна только вѣра въ предопредѣленіе и въ Магомешовъ рай, и они умирающъ въ рукахъ имамовъ и дервишей. Боле всего досаждаютъ Турки своимъ докшорамъ непрерывными пребываніями крѣпительныхъ, *менджунѣ*, необходимыхъ имъ при непомерной неводержности. Всѣ изобрѣшенія невѣжественныхъ и сладоспраспныхъ вѣковъ употребляющся до сей поры въ Цареградскихъ гаремахъ, для возбужденія чувспенной любви въ пресыщенныхъ Османлы. Ихъ женщины, которыхъ судьба значительнo улучается, когда сдѣлающся онѣ маперями, убѣдясь въ безсиліи всѣхъ употребленныхъ фильшровъ, обращаютъ также къ докшорамъ, и просятъ у нихъ напшновъ, способствующихъ къ дѣторожденію.

Всѣ это, не считая палокъ и висѣлицы, поставляютъ врачей въ весьма неприятное положеніе, по за то они щедро вознаграждены особымъ преимуществвомъ ихъ званія, — правомъ входитъ въ завѣшныя двери гаремовъ. Визиты въ гаремы дѣлались прежде съ большими предосторожностями: всѣ невольницы, кадъни (барыни), пошпительницы запирались въ особомъ

покоѣ; евнухъ вель докшора къ постели больной, лежавшей подъ покрываломъ; если докшоръ хотѣлъ пощупать пульсъ, рука давалась подъ тонкою кисею, чтобы не осквернишь пѣла прикосновеніемъ чужаго мущины; если онъ требовалъ языка, — только часпъ покрывала приподнималась, и онъ могъ видѣшь кончикъ языка, не видя губъ красавицы. Въ наше время Турки возимѣли лучшее поняшіе, если не о нравспвенности докшоровъ Европейскихъ, по крайней мѣрѣ о правилахъ, Европейской медицины, и безпрекословно покоряюпся всѣмъ пребваніямъ докшора даже въ гаремахъ. Мой прияпелъ Докшоръ Г***, имѣлъ много случаевъ посѣщашъ Турецкіе гаремы въ Конспаншинополь и въ Смирпъ. Въ эпомъ послѣднемъ городѣ, сохраняющемъ гораздо спрже коренные Оштоманскіе обычаи, визиты дѣлаюпся еще съ какою-то шпнспвенностью, и окружены безчисленными предоспорожностями; но въ Стамбулѣ, гдѣ Европизмъ дѣлаешъ столь чувспвипельные успѣхи, хощь онъ и не облегчилъ, да и никогда не облегчилъ, учаспи гаремныхъ зашворницъ, въ эпихъ случаяхъ гораздо менѣ церемоній. Турокъ прехладнокровно вводилъ докшора въ свои

доктор, показываетъ ему жену или дочь, и всѣ вопросы, которые привели бы въ замѣшательство Европейскую даму, дѣлаются преспокойно въ его присутствіи. Въ этихъ визитахъ забавнѣе всего то, что всѣ Турчанки гарема, въ покрывалахъ и безъ покрывалъ, поочередно подходятъ къ доктору, даютъ ему пульсъ и показываютъ языки. Въ первый разъ, мой пріятель, смущенный этимъ обрядомъ, принялъ его за насмѣшку своему званію, и хотѣлъ удалиться отъ фигуръ, которые окружали его съ разинутымъ ртомъ и пропянутыми руками; но бывшій съ нимъ старикъ переводчикъ, болѣе опытный въ обычаяхъ гаремовъ, поспѣшилъ объяснить ему, что необходимо пощупать у всѣхъ пульсъ и осмотрѣть всѣ языки, потому что Турчанки увѣрены, что одно это дѣйствіе снабжаетъ ихъ здоровьемъ по крайней мѣрѣ на нѣсколько недѣль. Были даже случаи, что если не предувѣдомленный объ этой церемоніи докторъ опаздывался отъ ревизіи двадцати здоровыхъ языковъ, оскорбленная невѣжесствомъ его Турчанки снимали шуфлы и били его хоромъ по щекамъ, доколь онъ не соглашался надѣлать всѣхъ ихъ порціею здоровья.

Эпи понятія, шакъ способствующія развитію самаго дерзкаго шерлапанства, и эпи вольности, позволяемыя привилегированному классу грачей, подають иногда поводъ къ самымъ иншесреснымъ иншригамъ. Такъ какъ одна полько круглая шляпа на головѣ соспавляетъ въ глазахъ Турокъ апшесшатъ медицинской академіи, по всякой кшо ее носить, можептъ выдать себя за докшора, и подъ его именемъ нарушить неприкосновенность гаремной святыни. Эшого рода самозванцы не довольсвуются однимъ полько воззрѣніемъ на языкъ Мусульманскъ. Зная сильную ихъ склонность къ измѣнѣ и особенную привязанность ихъ къ франкамъ, о нравѣ которыхъ и обхожденіи съ женщинами ходящъ между ними весьма благопріятныя слухи, многіе изъ нихъ умѣли воспользоваться случаемъ, и зашѣвали сношенія сопроженныя съ величайшими опасностями. Турчанки, не смотря на свою непомѣрную глупость, — слѣдствіе ихъ вѣчнаго зшворничества, — одарены какимъ-то природнымъ оспроуміемъ въ назначеніи любовныхъ свиданій, и эпи самозваные докшора стараются развивать шасшливое ихъ расположеніе, хотя нерѣдко поплачиваются догоро, въ случаѣ

открышия. Но вообще смѣлость, съ копорою Турчанки пускаются въ приключенія, превосходитъ върояшіе. Во время пребыванія нашего въ Константинополь, двѣ изъ нихъ надѣлали такую суматоху, что вся Пера пришла въ волненіе.

Два восемнадцатилѣтніе мичмана Англійскаго военнаго корабля, споявшаго на Босфорѣ, оба весьма привлекательной наружности, шли по одной изъ Перскихъ улицъ, и были подмѣчены гаремными заперницами. Данный изъ за рѣшетки знакъ остановилъ ихъ. Черезъ минушу оповрещенъ калишка, и черная невольница приглашаетъ ихъ войти въ домъ. Они, не долго думая, бросились въ калишку, но къ несчастію сосѣды ихъ замѣтили, и дали знать на гауптвахту, замышляющую опрядомъ регулярнаго войска. Солдаты окружили домъ и ожидали выхода Англичанъ. они не смѣли опыскивать ихъ въ гаремъ, потому что полиція перемовъ не подлежитъ въдѣлю ни какой другой власни кромъ мужншой. Черезъ часъ молодые дженнельмены, копорые знали уже о своемъ осажденіи, вышли съ обнаженными саблями. Штыки загородили имъ дорогу; Турецкій офицеръ хотѣлъ ихъ арестовать, но они, упершись спиною въ стѣну, спали ма-

хашь саблями, въ швердомъ намѣреніи не сдѣлаться. Солдаты составили около нихъ полукруге, но ашпаковать ихъ не смѣли: впечатлѣнія войны съ Россіею поселили въ нихъ страхъ ко всемъ Европейскимъ воинамъ. Англійскій консулъ былъ увѣдомленъ о происходившемъ, и поспѣшилъ освободить молодыхъ шалуновъ. Онъ взялъ ихъ на свое поручишельство, съ условіемъ предшавить по воспреобавію, но въ топъ же вечеръ шайкомъ отправилъ изъ своего дома обратно на корабль, кошорый выгружалъ тогда у арсенала пушки, присланныя Султану изъ Англїи. На другой день Капипанъ-паша, стоявшій на рейдѣ со всемъ флотомъ и начальствующій надъ этою частію города, получилъ донесеніе о происшествїи. Хозяинъ госпеприимнаго гарема былъ его любимый офицеръ, и Капипанъ-паша рѣшился упѣшить его наказаніемъ преступниковъ. Онъ послалъ къ Англійскому капипану требованъ съ угрозами, чшобы виновники были выданы въ его руки. Англичанинъ отвѣчалъ съ насмѣшкою, что онъ справлялся съ своими законами, но не нашелъ въ нихъ никакого наказанія за посѣщеніе гарема. Озлобленный Капипанъ-паша велѣлъ схватить двухъ первыхъ Англійскихъ офицеровъ,

какіе попадутся на берегу, и привеспи ихъ къ нему. Случилось, что два офицера были тогда въ городѣ: люди Турецкаго адмирала поймали ихъ на улицѣ. Капитанъ, узнавъ что два его офицера ареспованы на Турецкомъ корабль, поспѣшилъ объявить чрезъ своего министра Капитанъ-пашъ, что за это оскорбленіе Великобританскаго флага онъ готовъ рѣшиться на все, чего только пребуешь отъ него долгъ чести и службы, и что если черезъ нѣсколько часовъ офицеры не будутъ освобождены, онъ приианешся къ арсеналу, и сожжетъ все, хопя бы и самъ сдѣлался жершвою пламени. Капитанъ-паша не хопилъ върши столь дерзкой угрозъ, но когда Англійскій корабль приготовился сняться съ якоря, онъ освободилъ офицеровъ, копорыхъ можеть быть сбирался посадить на коль за проказы въпреныхъ мичмановъ съ Мусульманками.

Судьба Турчанокъ оспалась совершенно неизвѣстною.

Возвращаясь къ шарлапанамъ, не должно забывать, что въ Констанцинополѣ есть главноначальствующій надъ шарлапанами, — министръ шарлапанства. Это хекимъ-баши, »глава мудрецовъ«, а по-Руски, лейбъ-медикъ, кошорый въ

пюже время управляетъ всюю медицинскою частью, какъ эпо, впрочемъ, извѣстно даже и чиншателямъ романовъ. Признаюсь, существованіе его казалось мнѣ баснословнымъ, судя по состоянію Стамбульской медицины, доколѣ я не имѣлъ удовольствія бытъ у него съ моимъ пріятелемъ докторомъ, чтобы лично освѣдомиться о состояніи его кейфа, и поздравить его съ оппичною исправностію ввѣренной ему части. Глава мудрецовъ Бехджепъ-эфенди—Турокъ очень пріятельный, и одинъ изъ самыхъ любезныхъ *Османлы*. Онъ живетъ въ своемъ Босфорскомъ домѣ, предъ копорымъ фрегатъ нашъ спитъ на якорѣ. Бехджепъ-эфенди—человѣкъ лѣтъ пятидесяти, говоритъ довольно бѣгло по-Италіански, но въ глазахъ Турокъ имѣетъ важный недоспапокъ, — онъ занкается, а эпо вредитъ мусульманской важности. Онъ былъ когда-то въ Европѣ, и болѣе всего любитъ говорить о полипикѣ. Чтобы ослѣпить насъ всѣмъ блескомъ своихъ обширныхъ познаній, онъ сдѣлалъ намъ нѣсколько вопросовъ о Камчаткѣ и о правахъ Алеуповъ: мы стали ему рассказывать какъ Шаманы лечатъ Камчадаловъ, надѣясь обратить разговоръ на его предметъ. Но онъ объ эпомѣ

нало заботишься. Онъ спавишь берега Босфора выше всего на свѣтъ, и любишь свою безмятежную жизнь, копорая естъ не что иное какъ продолжительный кейфъ, при долговременной къ нему благосклонности падишаха: что касается до Медицины, то знаніе эпой науки ни сколько не входитъ въ его обязанности.

Прежде это мѣсто было почетнымъ званіемъ; но Мустафа III (1768), по случаю смерти любимаго имъ Кызляръ-аги, умершаго въ рукахъ одного шарлапана, подчинилъ всѣхъ Константинопольскихъ медиковъ придворному своему хекиму. Теперь должность этого министра Медицины состоитъ въ томъ, чтобы передъ весеннимъ равноденствіемъ разсылать всѣмъ султаншамъ и вельможамъ крѣпительныя, и продавать по червонцу дипломы на докторство всѣмъ желающимъ вписаться въ врачебное сословіе: безъ сомнѣнія, чѣмъ болѣе является шарлапановъ, тѣмъ для него лучше, потому что эпошь сборъ составляетъ его доходъ. Другой не менѣе значительный источникъ его доходовъ состоитъ въ томъ, что Султанъ имѣетъ обыкновеніе, въ знакъ особенной милости къ больному вельможѣ, посылать къ нему своего лейбъ-

медика — а эпи визиты обходяпся дорого и кармну и жизни осчаспвливленнаго подобнымъ вниманіемъ.

Нынѣшній хекимъ-баши бываетъ иногда приглашаемъ въ засѣданія Дивана, по еспь, совѣща миниспровъ, какъ человекъ, копорый знаешъ всѣ болѣзни, и копораго мнѣніе, по этому, очень важно въ случаѣ полипического недуга государства. Такъ напримѣръ, въ попъ крипическій день, когда рѣшилась судьба Опшоманской Имперіи, когда всѣ миниспры Сулпана, всѣ лица имѣющія въсь при Дворѣ и въ народѣ, собрались въ домъ великаго Муфнія, чпобы подписаць уничтоженіе Япычаръ, послѣ рѣчи, въ копорой верховный визирь излагалъ вредъ нанесенный государству эшимъ войскомъ, Бегджешъ-эфенди подалъ свое мнѣніе въ слѣдующихъ выраженіяхъ. »Безпорядокъ еспь испорченная кровь, » копораая распроиваетъ организацію общеспвеннаго пгѣла, и копорую должно извлечь ланцеспомъ мудроспи. Пуспъ же изложипъ намъ Реисъ-эфенди соспояніе нашихъ внѣшнихъ сппшеній, чпобы мы могли, какъ опытные врачи, » по разспомрѣній всѣхъ припадковъ недуга, предписать должное лекарспво«. Эпо напе гашано

въ Испоріи испребленія Янычаръ, писанной государственнымъ исторіографомъ Эсадъ-эфендіемъ. Въ случаѣ открытія войны или заключенія мира хекимъ-баши равнымъ образомъ подаешъ иногда свое мнѣніе, спараясь всегда прикрасить свои рѣчи учеными шерминами, въ родъ приведеннаго образца его медицинскаго краснорѣчія.

Я посѣтилъ также Медицинскую академію, находящуюся при мечети Солиманіэ. Въ прежнее время слава ея гремѣла по всему Воспоку: ее называли «обильнымъ испочникомъ здравія на почвъ мудросіи», и «свѣплюю планешю, копорой каждый лучъ возбуждаешъ жизнь», но въ последнее время эша планеша много поперяла въ общемъ мнѣніи. Я нашелъ только довольно неопрятную комнапу, въ копорой сидѣло на коврахъ до десяти учениковъ, большею частію людей возмужалыхъ, а въ углу спарикъ ходжа, или учитель, хриплымъ голосомъ объяснялъ имъ, кажешся, вліяніе звѣздъ на здоровье человѣческое. Турки гораздо болѣе успѣвають въ Хирургіи: эшо происходитъ опъ частаго опыша намъ живыми людьми, а не опъ изученія Анатоміи, копорая встрѣчаешъ у нихъ непреоборимыя преграды въ отвращеніи Мусульманъ къ

разсѣканію труповъ. По ихъ понятіямъ вещь позволеніельная рѣзать и разсѣкать людей живыхъ, но превозить этими операціями мёртвца, считается ужаснымъ пресупленіемъ. Были примѣры, что Султаны разсѣкали пажей своихъ, чтобы узнать кто изъ нихъ съѣлъ апельсинъ, или выпилъ его шербець; на это нѣтъ закона, но законъ сурого запрещаетъ открывать человѣскій трупъ, »хотя бы въ немъ находился алмазь, не принадлежащій покойнику.«

Спаринные законы особенно способствовали развитію хирургическихъ способностей Турецкаго народа; въ нихъ Моисеевъ законъ *око за око и зубъ за зубъ* былъ принятъ въ буквальномъ смыслѣ, и исполнялся надъ преступниками со всевозможною точностію. Кто вышибъ другому зубъ или два, долженъ былъ подвергнуться этой операціи, но съ тѣмъ, что если исполнитель казни выдергивалъ лишній зубъ, самъ въ свою очередь лишался одного зуба. Тому же правилу слѣдовали при отнятіи руки, ноги, поврежденіи какого нибудь члена и п. п. Впослѣдствіи вѣроятно замѣтили, что съ умноженіемъ преступниковъ подданные Султана дѣлались уродами, и пошому замѣнили буквальное исполненіе

закона денежною пѣнію въ пользу поспрадавшаго, и опредѣлили цѣну каждому члена опнятаго или поврежденнаго, и цѣну самой жизни мужчинъ, женщинъ, дѣтей, рабовъ. Эпо называеніся въ Турецкомъ законодательствѣ «цѣною крови»; у Охсона можно видѣть любопытныя подробности о ней.

Относительно медицины религіозныя преданія Мусульманъ гласятъ только, что пророкъ Ханухъ (Енохъ), за свою любовь къ предвѣчнымъ истинамъ и за свое рвеніе къ «истиинной вѣрѣ», Исламизму, получилъ отъ Бога тридцать таблицъ, въ коихъ заключались опкровенія всѣхъ тайнъ медицины и аспрологій, и много другихъ благородныхъ познаній. Судя по нынѣшнему состоянію медицины въ Турціи, эти таблицы безъ вѣсти пропали, и Медицина почитается мистическою наукою. Дчелеби-эфенди, образованный и челоѣколюбивый вельможа царствованій Салима и Махмуда, движимый состраданіемъ къ несчастнымъ поклонникамъ, копорые, запасшись скляночками съ несомнѣнными лекарствами папешовацныхъ убійць Царьграда и амулетами дервишей и имамовъ, сонными умирали на трудномъ пути въ Меку, сочинилъ книгу

подъ заглавіемъ »Медицинскія наспавленія поклонникамъ.« Онъ самъ нисколько не зналъ медицины, но въ сочиненіи своемъ пользовался наспавленіями ученыхъ медиковъ. Религіозное назначеніе этой книги доставило ей извъспность и уваженіе между Мусульманами; она имѣла многа изданій, и сперерь служилъ у нихъ домашнимъ лечебникомъ.

Окончимъ эпу длинную главу о проказахъ Спамбульской медицины забавнымъ анекдотомъ, который доказываетъ, что въ Турціи не только наука правленія или морская наука внишающя безъ дальнихъ пригошовленій башманникамъ и серальскимъ невольникамъ, пожалованнымъ въ Главные Адмиралы и въ Сераскиры, но даже и Медицина имѣетъ своихъ случайныхъ избранниковъ. Спрогая наука Гиппокрана и благородной каспы Асклепіадовъ развранилась въ Спамбуль, въ общеспвѣ искашелей приключеній, и сама безспыдно иногда имъ улыбаелся, и ея капризы непоспижимы.

Всѣ превозглашали въ Спамбуль опытносп и врачебное искусство докшора Н*** и его всѣ при Дворѣ, и богатспва накопленныя имъ въ эпомъ благородномъ званіи; а вопшь что шепша-

ла сплетни и молва объ эпомъ удивительномъ чело-
 вѣкѣ: При Султанѣ Селимѣ любимая кадыня опа-
 сно захворала, и Селимъ, при всей своей кротости
 и мягкосердіи, въ порывѣ снрасшней любви за-
 бьлъ свои приязанія на Европцзмъ, и какъ на-
 стоящій Султанъ, облеченный всемогущеснвомъ
 Всемирнаго Халифа, повельлъ своему Кызляръ-агъ,
 чпобы кадыня была спасена во чпобы то ни сна-
 ло, или онъ головою онивннншь. Несчастннй вель-
 можа-евнухъ призвалъ всѣхъ кудесннковъ Спамбу-
 ла, и заснавлъ ихъ заговаривашь болъную, обвѣ-
 снлъ ее палисманамн — а сн все снаповнлось хуже
 и хуже; призвалъ Греческнхъ и Армянскнхъ по-
 повъ, даже Еврейскаго раббнна, и заснавлъ ихъ
 чпшашь падъ нею мошншвы; наконецъ созвалъ
 цѣлнй полкъ докторовъ Перы, и обвѣщаль имъ
 кучн золота за сн исцѣленіе, оспавляя имъ под-
 разумѣвашь, чпо они всѣ будутъ посажены на
 колъ, сслн кадыня умреть въ ихъ рукахъ. И
 палисманы и мошншвы разныхъ религій и меди-
 цнна не могли переснлншь болъзни. Весь Дворъ
 туешнлся и Кызляръ-ага шерялъ голову.

Въ эню время въ Неохорн, одномъ нзъ Бсе-
 форскнхъ предмѣстій, жнлъ рыбаекъ, Грекъ ум-
 ный и расщоронный, женатый на молодой вѣнре-

ницѣ. Проказы жены навлекли на нее супружескую опалу и побои. Жена, можши быши по собшвенной, женской изобрѣшательности, можши быши по наущенію своего любовника, придумала весьма зашѣйливое средство, чтобы избавишися опѣ ревниваго мужа. Она отправилась въ Сераль, и пошребовала аудіэнціи у Кызляр-аги, говоря что она владѣши секретомъ, что бы спасти кадъню. Кызляр-ага ее принялъ; она, упавъ къ нему въ ноги, и поцѣловавши его шуфлю, объявила ему, что у нея ести мужъ, который подъ видомъ беспаланнаго рыбака скрываетъ много шайныхъ познаній и владѣши наукою исцѣляши всѣхъ родовъ недуги, но по варварскому капризу не хочешъ употребляши свои познанія къ пользѣ человѣческа. Она прибавила, что сама недавно была больна именно пою болѣзнію, которою спрадала кадъня, и онъ по любви се исцѣмилъ, спрого запрешивши объ эпномъ кому нибудь говориши. Для Кызляр-аги было довольно: онъ послалъ за рыбакомъ, принялъ его ласково, и объявилъ ему какія на рады ожидали спасишеля кадъни. Рыбакъ долго не понималъ о чемъ идеши дѣло; вельможа выдалъ ему нѣсколько мѣшковъ піаспровъ, надѣлъ

на него собственную свою богатую шубу, упребилъ всѣ возможныя убѣжденія, чтобы склонивъ его принявъ за леченіе, и видя, что онъ упорно отказывался и призывалъ всѣхъ Спамбульскихъ рыбаковъ въ свидѣтели, что все его искусство состоятъ въ рыбной ловлѣ, — Кызляръ-ага велѣлъ своимъ невольникамъ разложить его, и дать ему пятьдесятъ палокъ по пятамъ. Рыбакъ перенесъ боль, продолжая божишься, что онъ ничего не смыслитъ въ медицинѣ. Кызляръ-ага далъ ему два часа на размышленіе, и потомъ возобновилъ ему свои предложенія, и опщипалъ ему еще сно палокъ; послѣ чего далъ ему еще два часа, и объявилъ съ хладнокровною рѣшимостію Турецкаго вельможи, что по испеченіи этого срока ему дадутъ двѣсти палокъ и въ заключеніе посадятъ на колы. Когда настала роковой часъ послѣдняго испытанія, рыбакъ видя, что дѣло идетъ не на шулку, объявилъ Кызляръ-агъ, что онъ рѣшается лечить кого угодно, хотя бы самаго Султана. Тотчасъ явленіе переменилось: новый докторъ, которъй едва могъ держаться на распухшихъ своихъ ногахъ, былъ осыпанъ ласками, наряженъ въ докторскій

костюмъ*, и введенъ во внутренніе покои къ больной кадынѣ. Онъ заспалъ ее въ болѣзненномъ усыпленіи; собрался съ духомъ, оправился какъ могъ, и долго щупая ея пульсъ и на удачу спрашивая о симптомахъ ея болѣзни, размышлялъ о томъ, какъ бы сыгралъ сполнѣ новую для него ролю. Наконецъ, какъ бы вдохновенный опчаянною рѣшимостію, велѣлъ выбросить вонъ все лекарства, которыя давались ей въ одно время онѣ разныхъ докторовъ, и вынесши изъ комнаты все вазы съ цвѣтами, отъ конхъ атмосфера была напитана тяжестью ароматомъ; имѣлъ даже довольно смѣлосни чіобы приказать натереть ей руки и ноги крѣпкою горчицею, хотя Кызляръ-ага замѣшилъ, что она больна головою а не ногами.

Выходя отъ кадыни рыбакъ былъ встрѣченъ съ почестями; богатый канкъ и невольники были въ его распоряженіи, и Кызляръ-ага таскою возобновилъ ему свои лесныя обѣщанія, уверилъ его, что онъ будетъ совершенно свободенъ, но только съ тѣмъ чіобы два гѣрные

* Такъ какъ все сословія узнаются по формѣ шапокъ, докторъ носилъ собольи высокія шляпы; имъ позволяется также носить желтые туфли и яркіе цвѣтлыя кафтаны.

раба его сопровождали, чтобы онъ возвратился на другой день. Но нашъ рыбакъ уже не думалъ бѣжать; онъ рѣшился испытать свое счастье, и хотя онъ былъ твердо убѣжденъ, что въ случаѣ смерти кадыши его ожидала висѣлица или колъ, но хотѣлъ насладиться своимъ новымъ родомъ жизни пока кадыня не умирала. Онъ обѣщался приготовить лекарство, и всю ночь съ своими спорожами ходилъ по горамъ собирая на удачу разныхъ травъ, пѣз конхъ составилъ пилюле для больной. На другой день кадыня почувствовала облегченіе, и черезъ нѣсколько дней она совершенно оправилась, къ чести новаго доктора, коего весь курсъ медицины состоялъ въ сопаніи палочныхъ ударовъ, и къ чести профессора Кызляръ-аги, подарившаго Спамбу у эшаго «мудреца» съ апеспашомъ на распухшихъ пяпахъ. Щедробы Султана излились на него, и онъ рѣшился продолжать новое поприще начатое, хотя подъ палками, но споль счастливо. Онъ имѣлъ довольно совѣснн, чтобы не морить довѣрчивыхъ людей, и потому взялъ къ себѣ въ помощники хорошаго аптекаря, ввѣрилъ ему тайну своей науки, и уступая ему часть своего сбора, учился у него граммонтъ и

лашинскимъ выраженіямъ, необходимымъ въ консиліумахъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ сдѣлался въ самомъ дѣлѣ однимъ изъ лучшихъ докшоровъ Сшамбула, или по крайней мѣрѣ пользовался въ своихъ леченіяхъ посшояннымъ прасшіемъ.

Г Л А В А VIII.

Поприще искателей приключений.—Калоссо, пивоварня и Султанская лошадь.—Цера и ея население и ея нация.—Католики-изувьры и аббатъ Жапсонъ.—Лѣтние вечера и кладбище.—Дервиши Мевлеви.—Ихъ религиозныя пляски.—Ихъ попойки.

Врачебное поприще остается послѣднимъ средствомъ существованія для Европейцевъ, которые играютъ со слѣбнымъ счастьемъ въ жмурки въ обширной Имперіи Султана; они берегутъ эпошу родъ шарлапанства на худой конецъ. Самые швердые и предприимчивые оспались въ военной службѣ; многіе сдѣлались ренегатами—не по необходимости, а по вкусу, потому что Султанъ не требуетъ эпошу оныхъ Европейскихъ офицеровъ. Послѣ графа Бониваля, о коемъ мы упомянули, другой Французъ, баронъ Дешонъ, при Селимѣ, вступилъ въ Турецкую службу, и открылъ математическое училище въ Адмиралтействѣ; онъ жаловался потомъ, по возвращеніи своемъ въ Европу, на упрямое невѣжество своихъ учениковъ. Онъ образовалъ впрочемъ для Турецкаго флота нѣсколько офицеровъ свѣдущихъ въ начальныхъ правилахъ геометріи, и

способныхъ измѣривъ секстанномъ высоту солнца. Потомъ это училище было совершенно забыто, и правительные флоты совершали свое годовое плаваніе по Архипелагу безъ ухищреній Европейской мореходной науки. Султанъ Махмудъ въ первомъ порывѣ своихъ преобразованій возобновилъ морское училище, и въ твердой волѣ сдѣлать своихъ подданныхъ мапематиками и астрономами, заставилъ много молодыхъ людей также усердно заниматься геометрическими фигурами, какъ регулярные полки маневрами. Старые ученики Деспота сдѣлались профессорами, и принялись опять за забытыя проблемы канешовъ и гипотенузы; нѣсколько Европейскихъ офицеровъ поступили къ нимъ въ помощники; но эта часть нововведеній чувствительно опстала опъ всѣхъ другихъ, по общему невѣжеству учащихся и учащихся.

Послѣдователи графа Бошваля и барона Деспота занимають теперь разныя должности въ Султанской арміи. Между ними наиболее извѣстны генераль Боле и баронъ Болле, образователи генеральнаго штаба, и полковникъ Калосо. Происхожденія послѣдняго весьма любопытны. Онъ родомъ изъ Пизмонты. Подъ Наполеоновскими

орлами опъ дослужился до чина ротмистра въ Испано-галлическомъ войскѣ Принца Эвгенія Богарне, и когда Французская Имперія распалась, вступилъ нѣмъ же чиномъ въ армію возстановленнаго Савойскаго дома. Въ продолженіе шестилѣтняго всеобщаго мира военная жизнь въ полкахъ Сардинскаго Короля показалась ему скучнѣе монашеской: при томъ же онъ не имѣлъ другой перспективы, какъ вѣкъ служить капишаномъ и умереть въ томъ же чинѣ.

Надѣясь на повышеніе въ другомъ порядкѣ вещей, онъ принялъ участіе въ бунтѣ 1821 года; но вся комедія Піэмонна кончилась ровно въ мѣсяць; Австрійскія войска поспѣшили на помощь съ снарому Королю Виктору Эммануэлю, и карбонари принуждены были спасаться бѣгствомъ. Калоссо, блуждавшій изъ города въ городъ, пріѣхалъ наконецъ въ Константинополь. Тогда еще не было рѣчи о преобразованіяхъ; чувство военной чести не позволяло ему сдѣлаться *signor medico*; вся его наука состояла въ верховой ѣздѣ и въ командованіи эскадрономъ, — и эта наука была совершенно бесполезна среди вѣчно пѣней, шортующей толпы его соопечественниковъ, поселившихся въ Перъ. Нѣсколько времени Калоссо

жилъ скудными ихъ подаваніями, скипался полубосый по грязному предмѣспію, и ожидалъ опкрыпія ваканціи прикащика въ какой-нибудь коншоръ. Наконецъ какой-то Швейцарець, большой прожектеръ, вздумалъ удесяперить свой капиталъ опкрыпіемъ поршернаго завода на Босфоръ, и взялъ Калоссо въ прикащики. Бывшій рошмистръ «великой арміи» занялся усердно разливаніемъ поршера въ бупылки. Къ несчастію, ихъ поршеръ оспавался въ совершенномъ небреженіи у жишелей Спамбула. Прожектеръ имѣлъ въ виду единственно шопъ спихъ Корана, кошорымъ запрещается правовѣрному упошребленіе вина, и былъ швердо убѣжденъ, что вопреки Пророку, непредвидѣвшему его зашѣи, онъ спанептъ пошпъ до-пьяна мусульманъ любимымъ панишкомъ Англии и Германіи, и что они съ восшоргомъ примупъ Вакхическую систему съвера, — а шого не расчипалъ, что Турки изблываны шербешами и сласпиями, и что горечь поршера будешъ имъ вовсе не по вкусу. Дѣйствительшю, пѣ изъ нихъ, кошорые рѣшились опвѣдать Европейской бузы, сдѣлали гримасуи шоржештвенно объявили, что она никуда не годипся. Что касается до Европейскихъ моряковъ, на кош-

рыхъ также полагался предприимчивый Швейцарецъ, но они шѣмъ только и блаженны подъ могучимъ скипетромъ Султана, что могутъ досыща за безцѣнокъ напиваться сладкими винами, и ихъ папріопизмъ вовсе не простирается шакъ далеко, чтобы предпочитать невинный поршеръ проклятому Тенедосскому и Самосскому винамъ. И такъ, поршерный заводъ, расположенный въ Трапѣ, въ самомъ живописномъ мѣстоположеніи Босфора, скоро былъ включенъ въ списокъ несостоятельныхъ спекуляцій, и Калоссо опять оспался безъ мѣспа. Но въ Константинополѣ уже наступала эпоха проекшовъ, важнѣе и прибыльнѣе пивоварни.

Одна изъ Султанскихъ лошадей долго не давалась сѣдокамъ. Калоссо вызвался ее выѣздить: эшимъ онъ сдѣлался извѣстнымъ Султану и обратилъ на себя его вниманіе, когда Махмудъ началъ формировать первый кавалерійскій эскадронъ своей гвардіи по Европейскому образцу. Обученіе эскадрона было ввѣрено Панолеоновскому офицеру. Вскорѣ самъ Султанъ рѣшился научиться ѣздить по-Европейски, на маленькомъ сѣдлѣ и на длинныхъ спременахъ. Онъ взялъ себѣ Калоссо въ учители. Султанъ Махмудъ счи-

нялся однимъ изъ лучшихъ ѣздоковъ своей Имперіи на старинный Турецкій манеръ, и шеперь онъ ѣздитъ прекрасно въ гусарскомъ сѣдлѣ; но въ одномъ изъ первыхъ уроковъ Европейской ѣзды, когда Калоссо заставилъ его скакать въ манежѣ на неосѣдланномъ конѣ, онъ захопѣлъ слишкомъ рано выполнить какую-то эволюцію показанную ему училелемъ, и съ непривычки, пошерявъ равновѣсіе, владыко правовѣрныхъ неминуемо упалъ бы на-земь безъ распоропности Калоссо, который его подхватилъ и спасъ отъ приключенія, сопряженнаго съ ужасными послѣдствіями. Надо знать предрасудки Турокъ и то, какое впечатлѣніе сдѣлало бы на умы царедворцевъ, войска и народа это незначащее обстоятельство, чтобы вполне цѣнить заслугу Калоссо. Съ той минуты онъ сдѣлался однимъ изъ любимцевъ Махмуда, — пожалованъ въ полковники, награжденъ значительными подарками и содержаніемъ, — и его образованность, его любезность, заоряпанная прежде подъ рубищемъ несчастія, и вдругъ блеснувшая въ немъ, вмѣстѣ съ богатымъ гусарскимъ мундиромъ, а болѣе всего частые случаи видѣнья съ монархомъ, доставили ему уваженіе первыхъ вельможъ: мно-

гіе даже изъ членовъ дипломатическаго корпуса Перы ищуть его дружбы.

Безъ сомнѣнія подобный прыжекъ изъ пивоваровъ въ кавалерійскіе полковники, въ любимцы Султана, можетъ сильно воспламенить воображеніе искашелей счастья, но, къ досадѣ, милоснѣ Шадишаха рѣдко доспается незванымъ госнямъ, и Европейцы, прїѣзжающіе сюда опредѣляться въ службу, большею частію валяющіяся въ Перопской грязи, копорая гораздо неопрящѣе грязи всехъ Европейскихъ столицъ.

Но все это только внороспепенные эпизоды въ каршинѣ, копорую предспавляютъ вся Пера съ полною праздношатающихся поней Европейцевъ, даже съ неспрымъ своимъ народонаселеніемъ, копорое ведетъ свой родъ отъ Генуэзцевъ, владѣвшихъ этимъ предмѣстіемъ при Византійскихъ Императорахъ, хотя генеалогія его весьма шемна и сомнипельна, и съ каждымъ днемъ неспрѣшъ еще болѣе отъ пошолнаго спеченія выходцевъ всехъ народовъ. Забавно смотрѣшь на этихъ людей, когда они въ чудныхъ своихъ нарядахъ, соспавленныхъ изъ смѣси Европейскаго съ Азіяшскимъ, и падушые двумя огромными спѣями, Европейскою и Азіяшскою,

расхаживаютъ по улицамъ, суеются по базарамъ, важничаютъ по крикливымъ приспанямъ и гуляютъ по кладбищамъ.

Предсавъше себѣ десять, пятнадцать или болѣе разнохарактерныхъ купъ, копорья изображаютъ сполько же Европейскихъ племенъ, перемѣшанныхъ и образующихъ родъ винегрета на холмѣ Перы, и копорья при всякомъ «важномъ политическомъ событїи», какъ то, прїездъ новаго посланника, аудіенціи у Визиря, шабельномъ праздникѣ, или балѣ въ посольствахъ, опдѣляются однѣ опъ другихъ, чшобы соспавить пакъ называемыя «націи Перы». А націею въ Перѣ называется сословіе всѣхъ подданныхъ какой нибудь Христїанской державы, живущихъ здѣсь и въ другихъ мѣстахъ Имперїи подъ непосредственнымъ вѣдомствомъ своего посольства, и управляющихся своими законами. По должно думать чшобы эти пятнадцать націй соспавляли по крайней мѣрѣ большую часть народонаселенія Перы; онѣ всѣ вмѣстѣ — едва десятая доля жителей предмѣстїя, въ копоромъ счисляется до пятидесяти тысячъ душъ обоого пола. Но онѣ пакъ шумятъ, пакъ чванятся пѣмъ, чшо не признаютъ надъ собою власти

Султана, что могутъ безнаказанно смѣяться въ глаза всѣмъ Турецкимъ кадїямъ, и что ихъ пяпы недоспунны палкамъ Боспанджи-баша, что вы скорѣе примене ихъ за вапагу Креспоносцевъ, идущихъ на завоеваніе Восюка и случайно оспановившихся въ Визанціи при ея Императорахъ, нежели за мирныхъ иноспрашцевъ, пользующихся только правомъ гостепрїимства въ чуждой имъ державѣ. Конечно это нисколько не мѣшаетъ усерднѣйшимъ мусульманамъ чешить ихъ, по старой привычкѣ, невѣрными, огнепоклонниками и даже собаками, но эти слова уже потеряли свое значеніе для народа, и при всѣмъ его религіозномъ презрѣніи къ Европейцамъ, въ немъ проглядываетъ страхъ, внушаемый глурями. За это Европейцы, живущіе въ Конспанцинополѣ, должны бытъ благодарны оружію Русскихъ и Задунайскимъ ихъ подвигамъ; но они не благодарятъ ихъ ни мало, и большею частію дѣлаются усердными Турецкими патриотами.

Значительнѣйшую часть коренныхъ жишелей предмѣстїя составляютъ каполикки — и каполикки не на шупку: ужъ не попадайся имъ еретикъ. Они предпочитаютъ Турка Хрисціан-

скому повороту, и въ фанатизмъ не уступаютъ самимъ Армянамъ Сшамбула. Терпя постепенно, со времени своего поселенія въ Перъ, свою національную физіономію, они замѣнили любовь къ забытымъ родинамъ привязанностію къ догмамъ предковъ, выражаемого преимущественно жестокою ненавистію ко всѣмъ другимъ исповѣданіямъ.

Отъ времени до времени пылкой миссіонеръ католическаго Запада приходитъ поджигать новымъ факеломъ ихъ рвеніе. Недавно былъ въ Перъ извѣстный французскій аббатъ, Жансъ-Форбенъ, на возвращномъ пути изъ Іерусалима. Эпопъ проповѣдникъ, вмѣсто того, чтобы у гроба Спасителя научиться смиренію, терпимости и кротости христіанина, воспламенился шамъ несповымъ негодованіемъ на «ереси». Увлеченный жаромъ своего воображенія или речкапіемъ за заблужденія бурной юности, онъ разшевелилъ проповѣдями своими въ здѣшней католической церкви всю ненависть здѣшнихъ католиковъ противу грековъ и протестантовъ. Главнымъ предметомъ своихъ проповѣдей избралъ онъ опасность всякихъ сношеній, особенно кровныхъ связей, Римскихъ католиковъ въ

христіанами другихъ исповѣданій; и такъ какъ всякое краснорѣчіе согрѣшное воображеніемъ и приправленное миспицизмомъ сильнѣе дѣйствуетъ на пылкій умъ женщинъ, по слѣдствіемъ его возгласовъ были безчисленные семейные раздоры. Многія имперіи семействъ эпохи Церкви, конторыхъ мужья были протестанты или греки, пробудились съ религіознымъ испугомъ, и ихъ долготѣпнее домашнее счастье показалось имъ продолжительнымъ грѣхомъ: разрывая священные узы семейной жизни, онѣ вдругъ покинули своихъ супруговъ и дѣтей, чшобы раскаяніемъ купить свое спасеніе. Въ Смирнѣ поведеніе Жансона было еще преступнѣе. Въ этомъ городѣ нашель онъ совершенный миръ между христіанами: когда проповѣди его начали шревожить умы, протестантскій пасторъ вспунилъ съ нимъ въ богословское и правоучительное прѣніе, не о догманахъ вѣры, а о вредѣ и соблазнѣ, происшекающихъ отъ подобныхъ раздоровъ въ спра-нѣ магомешанской. Благоразуміе шребовало производить такія прѣнія впайнѣ, чшобы не возжигать взаимной ненависти приверженцевъ шпой и другой церкви; но аббашъ въ одной изъ своихъ громовымъ проповѣдей показалъ письма, пи-

санныя по этому предмету протестантскимъ пасторомъ, началъ со злобою опровергать слова мира, и до того воспламенилъ своихъ слушапелей, что фанатическая толпа, оставивъ церковь, бросилась въ домъ пастора, чтобы расперзать ерешика. Къ счастью, покуда ломали дверь, пасторъ успѣлъ спастись на крышу сосѣдняго дома, и поспѣшилъ оставитьъ городъ.

Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе производятъ подобныя соблазны надъ умомъ Турокъ, копорыхъ законъ, не смотря на свою неперпимоспъ, допускаешъ однако браки между магомешанами и христіанками. Въ одинъ эполь день Смирнскіе мусульмане болѣе восклицали — гяуръ! и — собака! нежели вся остальная Турція въ печеніи цѣлаго послѣдняго вѣка.

Въ прежнее время квакеры иногда посѣщали Турцію; теперъ посѣщающъ ее сенсимонисты. Надъ первыми Турки смѣялись, но сенсимонистовъ они не шерпящъ, потому что проповѣдуемая ими свобода женщины вовсе не согласна съ ихъ выгодами и можетъ взбунтовать всѣ гаремы.

Кромъ домашнихъ церквей посланниковъ, кашолики, какъ владычеспвующая каша въ Персѣ,

имѣютъ двѣ церкви, имѣютъ своихъ Капуциновъ и Езуитовъ и исключительное право звонить въ два хриплые колокола, копорые, какъ извѣстно, уничтожены во всѣхъ Турецкихъ земляхъ, чтобы не будить ангеловъ, почивающихъ на куполахъ мечетей.

Льпомъ высшее общество Перы, ея дипломатическій кругъ и семейства богачей банкировъ живутъ на Босфоръ, въ Терапъ и Буюкдере, въ деревнѣ Санъ-Стефано и на Княжескихъ Островахъ. Одинъ только купеческій классъ всѣхъ націй толпится въ базарахъ Галапы и одушевляеть своей суевливостью длинную улицу, выющуюся вдоль всего предместья. Но теперь весь холмъ Перы гремитъ оглушающимъ шумомъ поспроекъ. Пожаръ 1831 года превратилъ это богатое предместье въ кучу пепла. Этошь пожаръ былъ одинъ изъ ужаснѣйшихъ, какіе только въ памяти у Константинопольскихъ жителей, привыкшихъ впрочемъ считать тысячами дома, потребляемые попеременно этимъ бичемъ Константинополя. За то они пріучились спроекъ съ неимовѣрною скоростію; земля еще не остыла отъ пробѣжавшаго по ней пламени, и среди кучъ золы поднимаются новые

домы въ три этажа, также деревянные, также прилѣпленные одинъ къ другому, и со всеми удобствами, чтобы сдѣлались жертвами новаго пламени.

Пойдемъ лучше, по здѣшнему обычаю, подышавъ вечернимъ воздухомъ на одномъ изъ кладбищъ Перы. Ихъ бѣлые мраморы и вѣчнозеленые кипарисы обложили съ разныхъ сторонъ красивою мозаикою погорѣлае предметъ, какъ-будто для того, чтобы заключить въ раму неизмѣннаго покоя смерти и постоянства гробового быта картину судорожной дѣятельности челоука на пепелищѣ его города.

При вечерней прохладѣ группы жишелей Перы всѣхъ сословій, всѣхъ народовъ, всѣхъ вѣроисповѣданій, группы пестрыя, причудливыя, спранные, блуждаютъ въ Кючюкь-Мезарлыкь; или »Маломъ Кладбищѣ,« и сидятъ между надгробными мраморами, со всемъ безспрастїемъ, какое только внушается привычнымъ сближеніемъ со смертію въ спранѣ чумы, пожаровъ и вѣчныхъ кровопролитій. Мусульмане по крайней мѣрѣ сохраняютъ и здѣсь свою ненарушимую важность на которой, какъ и на всей ихъ жизни, отражается спокойствіе гробницъ; но вы невольно

ощущаеше непріятное впечатлѣніе при видѣ болтливыхъ Першовъ и Перошкѣ, которые сходясь по вечерамъ сюда съ хлопотливою веселостью своего Левантскаго нрава, со всеми сплетнями своихъ пѣсныхъ круговъ, шумно толкуютъ о своихъ оборотахъ, рассказываютъ свои продѣлки, разсыпаютъ свой мелкій жишеискій бытъ на величій могильномъ, или въ завѣпный часъ сумрака назначаютъ любовныя свиданія среди обширнаго поля смерти. По праздникамъ жиды скоморохи забавляютъ гуляющихъ: намапская ихъ музыка, обильныя возліянія Вакху, шумное веселіе гуляющей толпы немилосердно тревожатъ покой мертвецовъ. Я не могу объяснить себѣ, какимъ образомъ Турки, имѣя столь строгія понятія о неприкосновенности гробницъ и покойспвіи усопшихъ правовѣрныхъ, допускаютъ подобныя оскверненія могильной святыни, ненарушимой у всѣхъ другихъ народовъ.

Одно только кладбище дервишей Мевлеві, расположенное кругомъ *текке*, или монастыря этихъ опшельниковъ, въ одномъ изъ лучшихъ мѣстоположеній Перы, свободно опять гуляющихъ. На немъ воздвигнутъ надгробный памятникъ славному Халедъ-эфенди, о которомъ мы

уже имѣли случай говорить. Кромѣ своего мавзолея, Халепъ-эфенди оставилъ эшимъ дервишамъ, къ сословію кошорыхъ принадлежалъ онъ самъ, богашую библіюшеку и разные вклады. Онъ также обновилъ и украсилъ шеккіе, въ опоромъ совершающія ихъ мистическія пляски. Дважды въ недѣлю жипели Перы могутъ видѣть это странное зрѣлище, по впорникамъ и по пашницамъ въ первомъ часу по полудни.

Созерцательная жизнь дервишей Мевлеви однообразно протѣкаетъ на возвышеніи, съ кошораго ихъ взоръ обнимаешь столицу, Босфоръ и окресности, — весь эшопъ обширный пейзажъ, гдѣ шакъ быспро развиваются въ глазахъ внимательной Европы проекпы преобразования Турецкой Имперіи.

По Мевлеви не принимаютъ въ нихъ участія: ни перемѣны костюмовъ, ни устройство регулярнаго войска, до нихъ не касаются. Сохраняя свои высокіе острокопечные колпаки и небрежно драпированныя маншіи, они присушествуютъ какъ беспрасные зрители въ великой драмѣ Махмуда; блуждаютъ по Спамбулу среди непознаемой толпы населенія, одѣшаго имъ въ однообразное платье, и по прежнему соблюдаютъ по-

луязыческіе обряды своего ордена. Они всегда были пзвъспны своей вѣроперпимостью, а нынче соспавляютъ родъ эпикурейской секшы между спрогими послѣдовашелями Корана, любящъ застольное веселье, и, послѣ упомипельныхъ пируэшовъ, копорыми добивающся просвъшленія свыще, съ удовольствіемъ шянушъ «нечисную влагу» въ ночномъ уединеніи.

Я нѣсколько разъ былъ зршпелемъ ихъ религіозныхъ плясокъ. Толпа любопытныхъ всѣхъ народовъ каждый разъ ожидала у рѣшешки, пока опкроется ихъ свяпилице. Входъ въ мечеши больше или менѣе воспрещенъ иновѣрнымъ, но въ ихъ пеккіе позволено бывашъ Хриспіанамъ, и даже Евреямъ. Женщины всегда соспавляли большую часшь эшой шолпы. Турецкія семейспва, кадъни, ихъ дѣши и невольницы, были расположены на шравѣ или на мраморныхъ спупеняхъ предверій храма. Зашворническая жизнь Турчановъ заспавляетъ ихъ жадно искашь зрѣлицъ, копорыя придающъ сколько нибудь разнообразія ихъ бышу. Широкіе фереджѣ (ферязи, плащи) закрывали все ихъ шѣло; головы ихъ были закушаны въ бѣлую кисею, предоспавлявшую

любопытству нашему только черные ихъ глаза и часпъ ланипъ, копорыхъ блѣдно-матовалъ близна можешъ быпъ цвѣтомъ упомленныхъ спраспей юга, но не согрѣпа его солнцемъ. Армянки были одѣпы такимъ же образомъ, и оппчались полько цвѣтомъ плапья и неприяпнымъ оппечашкомъ грубой, вялой, сидячей жизни своего племени: онъ шакъ рано полспѣюпъ, что вся широпа плацей не можешъ скрыпъ ихъ льпивыхъ формъ; брови ихъ соединяются природоу или кистпю въ дугу между глазами. Грѣчанокъ почпи не было. Кромъ цвѣпа ферязей и шуфлей, нравспвенныя разноспи полагали еще больше различія между предспавительницами разныхъ исповѣданій: Турчанки рѣдко благоволили обрапппъ рѣчь къ Армянкамъ и Жидовкамъ: въ ихъ рѣзкомъ и опрывиспомъ понѣ опзывалась вся гордоспъ владычеспвующаго племени. Армянки съ покорноспю опускали взоры предъ женскимъ аристокраппзмомъ мусульманокъ, и презришельно опдѣлялись опъ Жидовокъ, копорыя сосщавляли опдѣльную групу. Даже дѣппи разныхъ религій держались другъ опъ друга въ какомъ-шо недружелюбноу раз-

сполніи, опасаясь въ своихъ играхъ всякаго прикосновенія съ инновѣрцами.

Когда открылся шеккіе, желтыя туфли Турчанокъ, красныя шуфли Армянокъ и синія туфли Жидовокъ вдругъ пришли въ движеніе. Женщины вмѣстѣ съ дѣтьми заняли назначенную для нихъ галерею, обведенную рѣшеткою, и сдѣлались невидимками: только изрѣдка лучъ чьего-нибудь взгляда мгновенно мелькалъ сквозь таинственную рѣшетку. На другой открытой галереѣ, кое-какъ сложивши ноги, усѣлся я среди Мусульманъ, расположенныхъ на полу, на старой циновкѣ.

Внутренность шеккіе чрезвычайно проста. Архипекшура его представляетъ Китайскій угольныйникъ подъ оспроконечною кровлею; нѣсколько деревянныхъ колоннъ и рядъ иеримъ отделяющіе зрителей отъ мѣста, гдѣ совершается обрядъ. Надъ дверьми, въ небольшой галереѣ, находится оркестръ, составленный изъ нѣсколькихъ восточныхъ флейтъ и лилавръ, и хоръ поющихъ дервишей. Огромнаго размѣра Арабскія надписи изъ Корана украшаютъ стѣну съ восточной стороны. Зеленая подушка для настоящаго ордена и нѣсколько циновокъ для

братъи, — вошь все внутреннее убранство Сре-
дина залы, назначенная для круженія, поиро-
вана какъ стекло.

Наспояшель, сухой спарикъ скелешнаго цвѣ-
ща, въ зеленой маншіи и съ зеленымъ шюрба-
номъ на огромномъ дервишескомъ колпакѣ, сп-
дѣлъ на подушкѣ въ восточной споронѣ залы,
обращаясь къ зриателямъ и неподвижно какъ ис-
пуганъ. Три спарыхъ дервиша спояли по спо-
ронамъ, сложивъ руки, попутивъ взоры и не
измѣняя спокойнаго выраженія въ лицѣ. Тушь
вошло принадлецашь другихъ дервишей въ парад-
номъ плашь ордена, — узкихъ доломанахъ в ши-
рокой драпировкѣ изъ сукна самыхъ яркихъ цвѣ-
повъ, перешянушой ремнемъ кругомъ пояса и
висячей до земли. Они спали въ среднѣ круга,
въ ровномъ одинѣ отъ другаго разстояніи. Не-
движность ихъ взгляда, опущенаго долу, бо-
лѣзненная блѣдность лицъ, высокіе колпаки,
длиныя съдыя бороды и разноцвѣтная одежда
самаго фантастическаго покроя придавали имъ
невыразимую шайнственность: въ моемъ вооб-
раженіи бродили балладные мершвецы.

Хоръ пропѣлъ вмѣстѣ съ музыкую свое
Ая иляге иль Аллахъ; пошомъ наспояшель про-

изнесъ пропяжнымъ носовымъ голосомъ моливу, при копорой всѣ дервиши спали на колъни: опть времени до времени они клали земные поклоны, и согласно издавали глухой звукъ, — Гу! — (Онъ!), выходившій какъ-будпо изъ внушренности ихъ груди. Нѣсколько минутъ царствовало глубокое молчаніе. Хоръ началъ пропяжное и пихое пѣніе, сопровождаемое полькою чужь слышцими вздохами инструменшовъ. Дервиши проходили мѣрными шагами передъ наспо-япелемъ, оспанавливались, поклонялись ему до земли, и начинали свое круженіе на пяпахъ, — сперва медленно и сложивъ руки на груди. Музыка поспепенно дѣлалась громче, хоръ издавалъ восклицанія во славу Аллаха, и круженіе дервишей спановилось живѣе. Они пропянули руки. Побы ихъ широкой драпировки поднялись на воздухъ, и образовали огромные верпящіеся круги, среди кошорыхъ блѣдные дервиши казались верпящимися куколками. Музыка пѣніе и восклицанія хора слились наконецъ въ дикій, оглушительный гуль; шумъ и воспорженное круженіе дервишей привели, казалось, шеккіе въ содроганіе. Но — среди самой большой сумашохи — знакъ, данный невидимо, невзначай оспановилъ разомъ

и музыку и дервишей. Они очутились въ тѣхъ же разспояніяхъ одинъ опъ другаго, такъ при началъ представленія, — опяшь недвижные и блѣдные какъ мерпвцы.

Невозможно себѣ предсавить, какой сильный эффектъ производить эпо мгновенное прерваніе музыки, пѣсень, пляски. Ихъ дикая гармонія такъ овладѣла нами, что мы находились какъ-будшо подѣ вліяніемъ волшебной силы: превращаясь всѣмъ существомъ въ зрѣніе и слухъ, мы нечувствительнѣно упились эпою фантазмагорією, и шеккіе съ своего спранною архиплекпурою, и эши кружащіяся вихри, и судорожные звуки эпой музыки, и чудныя восклицанія шарцевъ, слились было для насъ въ неразгаданное видѣніе. И вдругъ эпо все прекратилось, омертвѣло, — какъ-будшо съ послѣднимъ прескомъ оркеспра лопнула пружина огромной машины. Я невольно содрогнулся, когда послѣ продолжительной, поспепенно возраставшей бури, сдѣлалась вдругъ глубокая тишина, и все какъ-бы окаменѣло. Послѣ крапкаго отдыха дервиши начали опяшь пляску прежнимъ порядкомъ. Эпо возобновлялось три раза, и каждый разъ ихъ круженіе дѣлалось быспрѣе и продолжитель-

нѣ; музыка также издавала звуки болѣе рѣзкіе, унымый голосъ воспочныхъ флейпъ (*ней*) усиливался до самыхъ дикихъ и раздражающихъ слухъ гуденій, глухое шенаніе литавръ и барабановъ обращалось въ страшныя, разорванныя удары грома, пѣніе Дервишей разбивалось въ бѣшенныя, дрожація восклицанія.

Плясуны кружились безоспановочно и съ немовѣрною скоростью около двадцати минутъ; потъ лился съ нихъ градомъ; блѣдность ихъ лицъ опгѣнялась желтыми и синими опливала; но когда они оспанавливались, ни малѣйшее движеніе успаноспни не измѣняло ихъ глубокому смнренію: глаза также были опущены и почти закрыты, руки также недвижно сложены на груди, даже дыханіе не спановилось спльнѣе и грудь не приподнималась. Во все продолженіе пляски начальникъ ихъ шеккіе ходилъ между ними, по всемъ направлснїямъ, мѣрными, почти незамѣтными шагами; и въ самомъ испуспенномъ ихъ круженіи, когда круги, очерченныя на воздухъ протянушими руками и длинными полами плащя, почти допрогивались одинъ къ другому, эпанъ пчинственный старичекъ, сгорбленный и въ

зеленой маншіи, какъ привидѣніе скользиль промежъ нихъ, ни къ кому не касаясь.

Мнѣ сказывали, что эшимъ плясунамъ дѣлается дурно отъ продолжительнаго круженія, что они падаютъ и издають пѣну: это эпиплетическое состояніе считается минушою просвѣтленія; проспой народъ въришь, что ихъ душа приходишь тогда въ ясновидѣніе божесва. Но при мнѣ этого не случилось. Магомешане, сидѣвшіе на галереѣ, были глубоко пронужы зрѣлищемъ, отъ котораго ихъ религіозныя понятія, возбужденныя эффектами чудной пляски и вліяніемъ музыки, воспламенялись и пересиливали на время ихъ обычное безспрастіе.

Въ этомъ обрядѣ состояишь все богослуженіе дервишей Мевлеви. Нововспуающіе въ ихъ званіе должны подвергнуться тысячи-однодневному искусу, въ продолженіе котораго каждое утро сообщаютъ они наспоаяпелю ордену видѣнные ими сны. Магомешъ, очищая Востокъ отъ язычесва, предалъ проклятію всѣ обряды, всѣ пляски древнихъ маговъ, и запрешиль употребляшь въ молишвахъ Творцу музыкальныя инструменшы: по этому пурисшы въ магомешанспвѣ не любяшь эпихъ дервишей, ни

ихъ пляски и музыки; они ихъ подозрѣваюшъ даже въ тайномъ ученіи, не совсѣмъ согласномъ съ догматами исламизма, но простой народъ пишетъ къ нимъ большое уваженіе; во всякомъ шурецкомъ городѣ найдете или гробы дервишей, служащіе предметомъ всеобщаго благоговѣнія, или даже живыхъ свящешъ и кудесниковъ, которые имѣюшъ сильное вліяніе на умы черни и иногда играютъ значительныя роли въ политическихъ событіяхъ. Турецкая исторія наполнена подобными примѣрами, и перѣдко могущественныя султаны, по собственному ли суевѣрію, или плапя дань народному суевѣрію, оказывали нищимъ дервишамъ знаки глубокаго уваженія и даже перѣблѣ ошъ нихъ упреки.

Орденъ дервишей Мевлеви болѣе всѣхъ другихъ уважаеся въ Турціи; эшимъ онъ обязанъ памяти основателя своего славнаго Мевлана, прозваннаго Молла-Хункяромъ и жившаго въ Иконіи при Эрцогрулѣ. Слава о его свящости наполняла тогда всю Анаполію; Султанъ испросилъ его благословенія сыну своему Осману; Молла-Хункяръ предсказалъ молодому князю блистательную судьбу его племени и его народа, и прибавилъ что щаспіе шурецкаго оружія

и величіе его преемниковъ budouть прочны, доколь они budouть пишають къ потомству его такое же уваженіе, какое оказывалъ ему султанъ, его отецъ. Потомство Молла-Хункяра и теперь пользуется уваженіемъ султановъ, и пребываетъ въ Иконіи, гдѣ находится и главный шеккіе дервишей Мевлеви; старшій въ родѣ его постоянно облеченъ званіемъ гросмейстера или начальника эшихъ дервишей, и даже носитъ пишло султана. При возшествіи на престолъ Махмуда онъ былъ приглашенъ въ Константинополь и опоясалъ Султану наследственный мечъ; а эшошъ обрядъ, совершаемый въ Эюбской мечети, замѣняетъ у мусульманъ обрядъ въичанія.

Къ чести дервишей Мевлеви должно сказать, что они ведутъ жизнь спокойную и добродѣтельную: они выше бѣшеннаго фанатизма, который славятся другіе дервиши. Они усердно пляшутъ во славу Аллаха, но не вырываютъ себя всѣхъ зубовъ, какъ эшо дѣлають Іеменскіе опщельники, въ память Пророка, которому тышибли два зуба въ битвѣ, не привязываютъ себя за волосы къ спѣнѣ, чтобы не уснуть всю ночь, и не перзають своего шѣла раскаленнѣмъ желѣзомъ. Неблагопріятный слухъ, который мо-

сился въ прежніе годы объ употребленіи гмъ невозволеныхъ напитковъ шецеръ не ошъ- сень, потому что самъ намъспникъ Пророка, великій халифъ, разръшилъ правовърнымъ питье вина, какъ увръяють злые языки, собспвеннымъ примъромъ. Впрочемъ, законъ, воспрещающій хмъльные напитки, никогда не былъ такъ стро- го соблюдаемъ въ Турціи, какъ о томъ думали въ Европъ: вопервыхъ Турки, такъ же какъ и другіе народы, умъютъ толковать законы, а во-вторыхъ и оправданіе, въ случаъ явнаго на- рушенія этой спаньи, не сопряжено съ боль- шими трудностями: оно большею частію со- споншь въ томъ, чтобы виновный прочиталъ передъ кадіемъ по мъспю Корана, которымъ ви- но предасна апаемъ. Ежели онъ въ состояніи исполнишь это какъ-нибудь, то, при помощи не- большой взяпки, не считаенся пьянымъ. Одинъ даже изъ ихъ богослововъ-законодательей пре- буешь, чтобы, для обвиненія кого въ пьянствъ, онъ былъ не въ состояніи различить мужчину отъ женщины. Да сверхъ того, на шурецкомъ языкъ еспъ книга, подъ заглавіемъ — «Оспрешы Ходжы Насиръ-эддина», которая соспавляетъ любимое чтеніе нисшихъ сословій, и гдъ значи-

пельная часть анекдотовъ относится къ плянымъ кадіямъ.

Вкусу миспическаго сословія Мевлеви къ созерцательнымъ удовольствіямъ должно способствовать много и самое мѣстоположеніе ихъ монастыря. Онъ вѣнчаетъ вершину холма Перы и обладаетъ однимъ изъ великолѣпнѣйшихъ видовъ Константинополя; кругомъ его раскинулась пѣнь нѣсколькихъ плапановъ, и тонкіе кипарисы поднимаются среди узорчатыхъ гробовыхъ мраморовъ. Суешная Пера, портовая Галаца, Арсеналь, Артиллерійскія казармы заняли капризные уклонности полуострова. Съ другой стороны открывается взору широкое кладбище, которое प्राурною обвязкою обнянуло городъ. Христіане и Магометане улеглись въ немъ отдѣльными семьями, какъ они жили въ Стамбуль, вѣчно раздѣленные. Попомъ голая гора, копорая еще болѣе поражаетъ своею дикостью въ близкомъ сосѣдствѣ многолюднаго города, раскинулась длиннымъ шатромъ до Еврейскаго предместья и до Босфора.

Это все на первомъ планѣ необъятной панорамы, открывающейся съ высокихъ оконъ деревянскаго шеккіе. Босфоръ разыгрался у оконеч-

поспи Серая, и кицулся какъ рѣзвое диня въ Мраморное Море, опкрывшее ему маперинскія объапія. Романишческій замокъ дѣвы (Кызъ-Кулеси) съ чиспою бѣлизною сѣнь, омываемыхъ со всѣхъ споропъ волнами, и съ яркозеленою пирамидальною кровлею, лежишь какъ букешъ бѣлыхъ розъ на голубой маншіи Босфора. Зеленые пригорки и роци расположились кулсами на Азіатскомъ берегу, и промежь нихъ видѣются уютныя долины, по коимъ какъ змѣи выюпся живые ручьи. Дома и кіоски розовые, бѣлые и желтые, привилегированыя жилища правотѣрныхъ, пянупся вдоль береговъ, и одѣвають Босфоръ фаншаспическимъ вѣнцемъ своей воспочной Архишесктуры. Мраморное Море любовно лѣлешъ мирную семью Княжескихъ Осирововъ, сшарья сѣньи Визаншіи и дворець Сулпановъ. Сады, занимающіе промежушки Сераяскихъ зданій, покршыши паниспвенною швнїю вѣчно-зеленыхъ деревъ, копорья ревниво закрываютъ опъ самага солнца плѣнныя красы гарема, и набрасываютъ дымку зеленовапаго онлива на бѣлыя какъ снѣгъ сѣньи меланхолическихъ кіосокъ.

Попомъ опкрывается обширный Стамбуль;

мозаика пѣсныхъ домовъ облѣпила семь его коломовъ; широкіе куполы Святой Софіи, Султана-Ахмеда и множества другихъ мечетей оплывають на массивныхъ зданіяхъ, и минареты кажутся тонкими линіями висящими на воздухѣ. Европа и Азія какъ двѣ царицы сидятъ на Босфорѣ, смотряся въ живое зеркало его водъ, и туманными объятіями сладострастно обхватили на горизонтѣ Мраморное Море и одѣли его роскошною драпировкою синихъ и фіолетовыхъ горъ.

Свѣтъ южнаго солнца какъ жизнь обливаетъ эту величественную картину, по полуденнымъ золотомъ дрожитъ на ней, по набрасываетъ на нее розовое покрывало вечера, по въ прозрачномъ туманѣ утра рисуетъ поперечныя ея формы.

Нѣсколько разъ я наслаждался этими несравненными видами съ высоты дервишскаго пеккие, и благославлялъ память первыхъ опшечельниковъ его строителей.

ГЛАВА IX.

Старина. — Сила воспоминаний. — Колонна Константина и мнѣній искусства въ пѣну. — Колонна дѣвы и преданіе. — Колонна въ Сераль. — Фродосіева колонна. — Статуя Юстиніана и выставка головы. — Дворецъ Велисарія. — Вуколеонъ и элегическое воспоминаніе. — Влахеры. — Богословское совѣщаніе. — Оувъ. — Св. Софія и преданіе. — Архитектура религии. — Торжество Юстиніана и послы св. Владимира. — Нагота мечетей. — Театральное освѣщеніе. — Конь Магомета.

Часто въ моихъ прогулкахъ въ Конспаншинополѣ любилъ я оставлять на время Спамбулъ, городъ Султановъ, и переноситься воображеніемъ въ Визанцію, падъ которою еще носящая колоссальныя шѣни Греческихъ Императоровъ. Впечатлѣнія наспоящаго займутъ васъ своею новостію, своимъ разнообразіемъ, но иногда вы почувствуете холодную усталость въ этомъ чудномъ калейдоскопѣ, въ которомъ какъ-будто нарочно собраны рукою капризнаго художника все спраннысти, все предрасудки, все суевѣрія сполькихъ спранъ и племень, обставлены алымъ группомъ крови, освѣщены заревомъ пожаровъ, и среди нихъ раздается шолько спонъ спрадальца и ревъ фананика.

Можешь быть и прошедшее Константинопля чаще представишь картины траура нежели веселыя картины; есть люди которые видяшь въ льшописяхъ всѣхъ спранъ одно грустное повѣспованіе вѣчныхъ бѣдъ человѣческа, и любяшь обращать свѣпильникъ исторіи въ погребальный факель. Но если Творецъ въ благости своей одарилъ наше воображеніе увѣшительною силою удерживать изъ прошедшихъ льшъ нашей жизни болѣе воспоминаній пріятныхъ, нежели воспоминаній грустныхъ, если краски мгновенія прошедшей радости могутъ длиться очарованіемъ памяти, какъ веселыя радуги, надъ горизонтомъ долгихъ льшъ тоски, если одна улыбка новой радости, какъ волшебница, разрушаетъ тяжелыя зданія скорбей, подъ конми, казалось, намъ суждено было изныть — то преимущественно въ спранъ, гдѣ зрѣлище народныхъ бѣдъ раздираетъ душу, мы обращаемся къ прошедшему, прося у него увѣшительныхъ воспоминаній, такъ какъ въ часъ печали мы вспоминаемъ дѣтскія радости.

Нѣсколько изувѣченныхъ колоннъ, развалина одного дворца, Христіанскіе храмы обращенные въ мечети и въ звѣринцы, водопроводы и

тысячильшіи стѣны Константинополя — вопъ чшо оспалось опъ столицы Свяшаго Константина, вмѣстѣ съ семью ея холмами, копорые брошены Провидѣніемъ на эптошъ прекрасный берегъ, какъ-будшо въ предзнаменованіе того, что на нихъ долженствовала воцариться столица преображеннаго міра, преемница семихолмной столицы Тибра.

На третьемъ холмѣ Константинополя, на древнемъ форумѣ, называемомъ нынѣ Таукъ-базаръ, стоить колонна Константина Великаго, перенесенная имъ изъ Рима, и имѣющая 90 фушъ вышины. На ней былъ Фидіасовъ Аполлонъ, увѣнчанный лучами, съ надписью: »Константину сіяющему подобно солнцу«. Колонна составлена изъ восьми кусковъ Египетскаго порфира, и мѣдныя обручи, въ видѣ вѣнцевъ, покрывающъ швы ея часней. Мишо видѣлъ въ нихъ изображеніе цѣпей, копорыми Аюллонова колонна окована у варваронъ, какъ гоній искусства въ плѣну: Анна Комнина говоришь, что спашуя и верхъ колонны, поврежденной земляшресеніемъ, упали опъ въпра, и въ ея время искусства были въ споль жалкомъ состояніи, что новой спашуи уже не воздвигли, а колонну достроили небольшими

плишамн камя, какъ и шеперь видится. Она шеперь называется »погорьлая колонна«, попому что она пожаровъ вся почернѣла.

На чешвершомъ холмѣ, недалско опъ мечети Сулмана Мехмета, стоить колонна Марціанова, или »колонна дѣвы«; такъ называли ее въ древности, такъ называющъ ее и Турки: *Кызъ-тасы*. Можеть быть это названіе происходитъ опъ того, что на ней была статуя Венеры; но преданіе приписывало ей чудесную силу изблчашъ пресупныхъ дѣвъ. Она Коринтскаго ордена, изъ одного куска блага мрамора въ 75 фушъ вышины. Еще недавно она принадлежала какому-по Турку, и запиралась въ его саду; но все сгорѣло кругомъ ея, и колонна дѣвы доступна любопытнымъ.

Среди кипарисовъ и минаретовъ Серала стоить еще древняя колонна, о которой ничего положительнаго неизвѣстно, и которую можно видѣть только съ моря. Патриархъ, ученый изслѣдователь Константинопольскихъ древностей, полагаешъ, что это та колонна, которую пославилъ Θεодосій Великій (581 г.) въ память покоренія Готловъ и царя ихъ Апанарика, и что на ней сохраняется надпись: *Fortunæ reduci ob*

devictos Gothos. Какіе полки объ эпохѣ надписи ходятъ между двѣма Сераля?

Отъ славной Θεодосіевой колонны, соперницы колоннъ Адріяна и Траяна, остался только педесталь, вышиною въ три сажени, и въ немъ продѣлана лѣстница. Она имѣла 110 футовъ высоты, была изъ бѣлаго мрамора, внутри пустая, и обвитая спиралью рельефовъ, въ коихъ Аркадій изобразилъ победы своего отца Θεодосія надъ Скѣтами. На ней стояла статуя Θεодосія, вылитая изъ серебра, весомъ въ 7,000 фунтовъ. Разсирокные финансы Юстиніана заставили славить ее для украшеній Софійскаго храма. Анастасій поставилъ попомъ свою статую на ней. Примѣчанія доспойно, что этотъ побѣдный памятникъ служилъ въ Константинополѣ для казни пресупниковъ, какъ тарнейская скала въ Римѣ: съ ея высоты Тьерри де Лозъ, одинъ изъ Крестовыхъ полководцевъ, бросилъ Алексѣя Мурзуфла, убійцу Алексѣя Комнина и похищателя престола. Эта колонна, извѣстная еще подъ именемъ «исторической», стояла до начала XVIII вѣка, но, поврежденная отъ пожаровъ и землетрясеній, она грозила паденіемъ, и чтобы предупредить раз-

давленіе окрестныхъ домовъ, была разрушена по повелѣнію Дивана. На пьедесталѣ ея сохранились только чепыре орла и геѣи, несущіе лавровыя вѣнки*.

Никакого слѣда не осталось опѣ Юстиниановой колонны, величайшаго изъ памятниковъ Константинополя; на ней была мѣдная ея статуя на конѣ. Она еще стояла въ роковой день паденія Константинополя, и ей было суждено нести главу послѣдняго изъ Константиновъ, выпавшую въ зрѣлище народу, между тѣмъ какъ на ея высотѣ еще стоялъ поржесивующій всадникъ**.....

Изъ всѣхъ Императорскихъ дворцовъ Византіи остался только дворецъ называемый у Турокъ »Текюръ-серай«***. Это развалина, въ коей

* Венеціанскій живописецъ Дженциле Беллини съ позволенія Магомета II снялъ рисунки рельефовъ этой колонны; они сохранены въ твореніи Бандури, и хотя опзываются испорченнымъ вкусомъ вѣка, но превосходятъ все, что произвела скульптура въ Константинополѣ. Виллардуинъ говоритъ о Феодосіевой колоннѣ: *Cette colonne était des plus haltes et des mieux ouvrees de marbre, qui oncques fut vue d'oeil.*

** Лукасъ.

*** Каншемиръ полагаетъ что Текюръ происходитъ отъ испорченныхъ словъ *τοῦ κυρίου*, т. е. государя; такъ Турки называли Греческихъ Императоровъ.

тѣперь укрывается незначачій стеклянній заводъ. Греки называютъ ее дворцемъ Веллсарія, основываясь не знаю на какомъ преданіи. Онъ поспросилъ Константина Великимъ, и примыкаетъ къ крѣпостной стѣнѣ, недалеко отъ Адрианопольскихъ вратъ. Зданіе довольно обширное, въ три этажа, изъ правильныхъ плитъ камня, сохраняющее еще нѣкоторыя мраморныя плиты и двуглавый орелъ его строителей; нижняя его часть ушла въ землю; кровли нѣтъ; смотря на него вы вспомните двуспишіе, произнесенное Магомедомъ II, когда онъ вступилъ во дворецъ Греческихъ Императоровъ:

Паукъ расплутъ свою ткань во дворецъ царей, и ночный
голосъ совы раздастся въ его башняхъ.

Но это не есть дворецъ, который напомнилъ завоевателю, въ минуту его торжества, элегическое двуспишіе Персидскаго поэта: большой дворецъ Императоровъ на Гипподромѣ былъ почти развалиною въ эпоху взятія города. Славный Вуклеонъ, въ которомъ распочалось все великолѣпіе Императоровъ, поражающее воображеніе пословъ сосѣдственныхъ народовъ и вассаловъ приходившихъ на поклоненіе, былъ уже обвѣщальнымъ колоссомъ, который напоминалъ

только прежнее величіе его обитателей, такъ какъ цѣлая Имперія представляла тогда развалину, копорой огромные размѣры говорили еще о древнемъ ея могуществѣ. Въ немъ было пребываніе Французскихъ Императоровъ Константинополя: воспоминанія Крестовыхъ походовъ и Западныхъ рыцарей сошлись въ немъ съ воспоминаніями Восточныхъ монарховъ. Послѣ крестопосцевъ Палеологи не были уже въ состояніи поддерживать древній блескъ Вуколеона, и Магомешъ, довершая начатое временемъ, разрушилъ его до основанія. Судя по мѣстностямъ, онъ тянулся слишкомъ на одну версту вдоль всего Гипподрома до Пропианды*. Нынѣшній Сераль построенъ Магомешомъ изъ его обломковъ, и украшенъ остатками его украшеній; но это все недоступно для взора любопытнаго изыскателя старины: одни серальскія дѣвы и сперегущіе ихъ евнухи и толпа серальскихъ невольниковъ могутъ видѣть почтенное наслѣдіе Константиновъ.

Древніе путешественники Вильгельмъ Тирскій и Веніаминъ Тудельскій съ воспоминаніемъ го-

* Мечеть Султана Ахмеда, многія казармы и часть Серали занимаютъ теперь это пространство.

ворящъ о красотѣ и богатствахъ Влахернскаго дворца, построенаго Марціаномъ и Пульхеріею и замѣнившаго Вуколеонъ; отъ него остался только небольшой укрѣпленный замокъ Византійской поспрейки, на живописномъ возвышеніи, во глубинѣ залива Золотаго Рога. Въ этомъ замкѣ защищался еще Нопарасъ съ своимъ злополучнымъ семействомъ, когда городъ былъ взятъ Турками.

Въ такомъ состояніи теперь все памятники величія Византійскихъ Императоровъ; перейдемъ къ памятникамъ оставленнымъ религіею; они болѣе уцѣлѣли, хотя на нихъ полумѣсяць замѣнилъ крестъ Спасителя; такъ и сама религія, ипоржествуя надъ всеми гоненіями, между тѣмъ какъ величіе Кесарей осталось въ пыли хроникъ и въ пыли развалинъ, возносишь еще свои ипоржественные гимны у угнѣтенныхъ алтарей, и одна поддерживаешь еще духъ изнемогающаго народа.

Весьма трудно дается позволеніе посѣпить мечети; для этого нуженъ Султанскій фирманъ; народъ не любитъ чтобы невѣрные входили въ его храмы, особенно въ тѣ, которые прежде принадлежали Христіанамъ; Турки думаютъ,

что мы можем тайно молишься въ нихъ, припоминая прежнее ихъ предназначеніе, а я говорилъ уже какое понятіе имѣютъ Турки о нашей молитвѣ. Леди Моншегю рассказываетъ, что она при разѣ посылала къ Каймакаму, или намѣстнику города, за фирманомъ, и что онъ созвалъ всѣхъ законоучителей и Муфтия, и спросилъ у нихъ: можно ли дать гяуркѣ позволеніе войти въ мечети? — Опшоманскіе богословы нѣсколько дней разсуждали объ этомъ важномъ предметѣ.

Вице-адмиралъ Рикордъ выпребовалъ у Порты нужный фирманъ, и я воспользовался этимъ случаемъ для посѣщенія мечетей. Мы проехали въ Перъ, и съ разсвѣтомъ отправились въ Стамбулъ. Всякій изъ насъ имѣлъ съ собою пару турецкихъ *мештовъ*; это родъ сафьянныхъ полчулокъ, сверхъ коихъ надѣваютъ Турки туфли или сапоги, оспавляемые обыкновенно у порога, предъ входомъ въ жилые покои. Безъ этихъ мештовъ, которые надѣвали мы входя въ мечети, пришлось бы намъ скидывать сапоги для удовольстворенія нашего любопытства, потому что Турокъ никогда не позволилъ, чтобы вы вошли въ его храмъ въ вашей обуви.

Въ Византійской испоріи найдемъ много подробностей о Софійскомъ соборѣ, объ этомъ храмѣ Небесной Мудрости, воздвигнутомъ сперва св. Констанциномъ, потомъ обновленномъ въ большемъ размѣрѣ Θεодосіемъ спаршимъ, и наконецъ расширеннымъ въ настоящее его видѣ Юстиніаномъ. Имена трехъ величайшихъ государей Восточной Имперіи, какъ при генія славы, опдыхали на его чудесномъ куполѣ, когда рука другаго, бурнаго генія пришла водрузить надъ нимъ порожествующій полумѣсяцъ. Судьба этого храма неразлучно была связана съ судьбою Имперіи: издревле народъ пишалъ къ нему особенную набожную привязанность, и привыкъ видѣть въ немъ палладіумъ своей столицы. Юстиніанъ его расширилъ въ этомъ колоссальномъ объемѣ, и обогатилъ всеъ что могли создать искусства въ его время, всеъ что могло бытъ заимствовано изъ языческихъ капищъ въ Христіанскій храмъ, единственно чтобы утѣшить народъ, упавшій духомъ послѣ того дня, въ который 35,000 мясепжниковъ были изрублены въ столицѣ полководцами Велиссаріемъ, Мундомъ и Паркисомъ, а храмъ Софіи и полгорода сдѣлались жертвою пламени. Все пророчества, кошо-

рыми сполько вѣковъ помился народъ Византіи, какъ тайнымъ предчувствіемъ, о паденіи Восточнаго Царства, соединяли судьбу царства съ судьбою Софійскаго храма; и когда сбылись эти пророчества, народъ въ своемъ несчастіи искалъ утѣшенія въ другихъ повѣрїяхъ объ эшомъ храмѣ, и теперь еще всѣ его надежды, всѣ его ожиданія стремятся ко дню, когда въ немъ онъ услышитъ свою лишургію. Самый униженный, самый безграмотный Христіанинъ Константинополя знаетъ судьбу Софійскаго храма, сохранившаго досель свое имя (и Турки его называютъ *Аи-Софья*), и можетъ быть, одна его святыня продлила въ народъ воспоминаніе объ управленномъ престолѣ; а это воспоминаніе такъ живо, и до того превозмощно оно подозрительный Диванъ, что въ послѣдніе годы вынесъ въ Константинополь фирманъ, запрещавшій Грекамъ даванъ своимъ дѣтямъ при св. крещеніи имя Константиана.

Суевѣрный народъ рассказываетъ чудесное преданіе о храмѣ св. Софїи. Извѣстно, что во время послѣдняго приступа народъ плакалъ и молился у своихъ алтарей, и духовенство, въ полномъ облаченіи, въ ожиданіи чуда или мучени-

ческой смерти, служило послѣднюю литургію въ своихъ соборахъ. При освященіи даровъ въ алтарь св. Софій, когда зашворились Царскія врата, и хоръ пропѣлъ: »Господи, да не яростию своею обличиши мене, ниже гнѣвомъ своимъ накажеша мене; помилуй мя Господи, яко немогущъ есмь.« — плачь бѣгущаго народа прервалъ священнослуженіе; Турки были въ городѣ. Народъ вѣривъ, что тогда невидимая рука заперла двери того прищвора, въ коемъ служилъ Патриархъ со многими Епископами, и священники продолжаютъ доселѣ молиться въ немъ, и кончая литургію, когда Христіанское воинство возьметъ обратно городъ и освободитъ храмъ отъ Турокъ. Фальшивая дверь, выдѣланная для симметріи на мраморъ снѣжны одного изъ прищворовъ, подавала поводъ къ этому сказанію, къ которому прилепили еще тысячу нелѣпостей; между прочимъ и то, что при Султана въ разныя эпохи пыпались сломать шипованную дверь, и при первомъ ударѣ молота о мраморъ невидимая рука такъ тяжело падала на голову присутствовавшаго Султана, что его голова оставалась обращенною лицомъ къ спицѣ, доколѣ не призывали въ Сераль Патриарха для

прочненія молитвы надъ спраждающимъ монархомъ.

О построеніи и обь архитектуру эшого храма, огромнѣйшаго въ міръ изъ древнихъ памятниковъ, сохраненныхъ въ цѣлости, такъ много писали, что боюсь повпорять сказанное и пересказанное. Три архитектора заслужили бессмертіе эшимъ колоссомъ*, и архитекторы Римскаго собора св. Петра съ удивленіемъ и съ завистию смотрѣли на многія его части. Куполь его есть самое смѣлое созданіе рукъ человѣческихъ, и своєю необъятностію и легкостію достойно выражася мысль перваго архитектора, раскинутаго эшо полушаріе надъ молящимися Хрестіанками, въ видѣ неба. Подъ нимъ двѣ почти также необъятныя ниши удваивающъ для глазъ его ширину. Потомъ, какъ воздушныя мосты, какъ небесныя радуги, дивныя арки перешагнули опъ пиласиръ въ пиласиръ; переломанныя вѣтцы архиправовъ, меньшіе куполы и ниши, своды и полусводы, составили какой-шо воздушный

* Анѳемій Трульскій и Исидоръ Милетскій строили его опъ 555 до 558 г; но въ 559 г. опъ сильныхъ землетрясеній большій куполь упалъ, и былъ вновь выстроень другимъ архитекторомъ Исидоромъ, племянникомъ шого Исидора.

лабиринтъ, висящій надъ вашей головою, по легкой, покойной, гармонической, какъ симфонія небесныхъ духовъ надъ Христіанскимъ алтаремъ; среди его галлерей хоры вьются тонкими, едва замѣтными линиями, какъ миссионерскія дорожки. Шестидесятъ огромныхъ колоннъ убажало въ высоту, и среди этихъ чудесъ остановились надъ другими колоннами, какъ тонкія стрѣлы; промежъ нихъ, изъ двадцати чепырехъ оконъ льются во внутренность храма золотыя волны небеснаго свѣта, и рисуютъ широкія стѣны другихъ граничныхъ, порфировыхъ и мраморныхъ исполновъ, которые такъ легко поддерживаютъ это чудесное зданіе въ недостижимой высотѣ.

Если вы стоите у колонны, если увидите надъ собою всю ея массу, вы почувствуете себя будно раздавленнымъ ею, и васъ устрашитъ безконечная пустота, которая виситъ надъ вами; но вы почувствуете все оппическое могущество архитектуры, когда, по мѣрѣ того, какъ вы отдаляетесь отъ каменныхъ массъ, онѣ видимо уменьшаются, сливаясь въ общую гармонию зданія, и если вы однимъ взоромъ обнимете весь планъ храма — а только этому храму дано показывать въ одно время взору всѣ

свои очарованія — его воздушныя чудеса предснавяшся вамъ одною могучею мыслию, которая одѣлась въ гранитъ и въ мраморъ, и раскинулась надъ вами, необъятная, въ царственномъ отдыхѣ; тогда вы чужды того неприятнаго ощущенія, которое невольно тяготитъ и давитъ душу среди пустыни колоссальнаго зданія; здѣсь душа на волю, какъ подъ куполомъ неба.

Человѣкъ благоговѣетъ предъ религіею, которая воздвигла подобныя памятники, даже въ ту эпоху, когда искусства были въ совершенномъ упадкѣ; религія была однимъ архипепромъ, однимъ создателемъ Софійскаго собора. Но упадокъ искусства грустно проглядывается въ исполненіи многихъ частей этого зданія. Юстиніанъ долженъ былъ его спростить изъ обломковъ другихъ зданій; Греція, Малая Азія, Римъ и Египетъ послали дань своихъ архитектурныхъ памятниковъ для его сооруженія. Колонны изъ зеленой яшмы взяты отъ Эфесскаго храма Діаны, восемь порфировыхъ колоннъ отъ храма солнца, сооруженнаго въ Римѣ Авреліаномъ; другія изъ Александровой Трои, изъ Аѳинъ, отъ Циклады, изъ Мемфиса и Александріи; но отъ

или пошеряли свои прежнія капищели, или сохраняющъ ихъ подъ фризами и архиправами совершенно различнаго вкуса. Яшма, порфиръ, бѣлый и цвѣтшій мраморъ одѣвають весь свѣтлы храмъ; пространный куполъ покрытъ золошистою мозаикою, въ которой было изображеніе Саваоѳа посреди, а по чепыремъ сторонамъ Херувимы. Турки покрыли шпукапуркою мозаику купола, равно и множество другихъ изображеній, за исключеніемъ чепырехъ Херувимовъ, которыхъ однако простымъ глазомъ шрудно разглядѣть. Спорожа храма промышляютъ продажею Европейскимъ путешественникамъ кусковъ мозаики, ошбиваемыхъ ими опъ св. образовъ.

Полъ покрытъ Египешскими цыновками и коврами; полагающъ, что подъ ними сохранены на многихъ мраморахъ Греческія надписи, двуглавые орлы и креспы, такъ какъ подъ шпукапуркою сохранилась мозаическая живопись; можно подумать, что Турки на время только посвятили своей религій эпощъ храмъ, сохранили его названіе и на время прикрыли его святыя эмблемы.

Мы говорили уже, что Юстиніанъ не пожалѣлъ серебряной конной спашуи Феодосія для

украшенія Софійскаго собора; спросніе его поглотило всѣ ищючники богатствъ Имперіи; даже Науки принесли ему свою дань, и профессоры всѣхъ академій были нѣсколько лѣтъ на половинномъ жалованьи. Софійскій соборъ былъ плодомъ усилій последней эпохи величія Всемирной Имперіи, которая, какъ бы предчувствуя свою судьбу, свое грядущее изнеможеніе, успѣшила воздвигнуть себѣ эпоху колоссальннй памятникъ, завѣщанный вѣчности. Самая архитектура его эпохи, уже состарѣвшаяся, смиллась пышностію замѣнивъ свое древнее изящество, и красовалась въ серебро и въ золото и въ драгоценные камни. Четыре золотыя колонны поддерживали надъ олпаремъ липой и въ серебра балдахинъ (ciboire), надъ коимъ возвышался огромный золотой шаръ и золотой крестъ осыпанные алмазами*.

Говорятъ, что когда Юстиніанъ увидѣлъ совершенно окончаннымъ эпоху храмъ—пред-

* Примѣчая достойно, что для этого балдахина было употреблено серебро Теодосіевой снашуи, такъ какъ для балдахина св. Петра папа Урбанъ Барберини употребилъ бронзу Понтеона, и заслужилъ эпиграмматическій латинскій каламбуръ: quod non fecerunt Barbari, fecerunt Barberini.

меньь долготинныхъ его усилій и помысловъ, когда вснувалъ въ него при его освященіи, упоенный воспоргомъ при видѣ великолѣпнаго своего созданія, воскликнулъ: »О Соломонъ, я побѣдилъ тебя! — Въспынь съ нимъ шоржесиво-вала шегда вся Хрисціанская Церковь; эно было первое зданіе сооруженное ею и dospойное ея; дошоль или обращались въ ея храмы языческія капища, созданія совершенно прошивоположнаго ей тенія, или дѣлались шолько слабыя попышки, въ новомъ родѣ архипектуры, шребуемомъ ею. Но Софійскій соборъ наводитъ еще и другія воспоминанія, дорогія для всякаго Русскаго; изъ него лучъ Хрисціанской религіи проникъ въ Сѣверъ, чинобы преобразилъ полъ-міра; въ немъ язычники Сѣвера просперлись предъ незнакомымъ еще имъ величіемъ Хрисціанскаго священнослуженія. Когда гармонія хора лилась въ эномъ морѣ сводовъ и куполовъ, когда свѣтъ милліона огней, среди облаковъ ѳиміама, шанипенвенно сливался съ полосами лучей надающихъ изъ подъ купола, когда Цареградскій монархъ, окруженный всѣмъ блескомъ своего Двора, просирирался ницъ, со всѣми земными величіями предъ величіемъ молишвы, и среди благоговѣйнаго молчанія

сполькихъ тысячъ народа, открылся олтарь въ сіяніи золота и свѣта, и предъ нимъ порожественно явился священнослужитель съ дарами — что почувствовали тогда послы Владиміра въ эпомъ новомъ для нихъ мѣрѣ?... Сколько мы видимъ примрвовъ, что Христіанская Церковь однимъ строгимъ величіемъ своихъ обрядовъ и своею пышностію поразила воображеніе людей, непрічастныхъ ея таинствамъ! Въ ней было уже не то миспическое величіе Египта и Греціи, которое пугало только суевѣрное воображеніе язычниковъ, не извлекая слезъ умления, но оснавяя грозное впечатлѣніе на всю жизнь; кто дерзаетъ совѣщаться съ прорицающимъ Трофоніа уже навсегда теряеть улыбку, и народъ видеть въ немъ мученика, осужденнаго изныть подъ бременемъ окроченія.

Магометъ исключилъ изъ своей религіи все обряды язычества и все обряды Христіанства; общая молитва, одинъ постъ и два три праздника въ году — все внѣшнее его богослуженіе; и въ храмахъ его даже самая простота, которую приняли нныя Христіанскія секты; когда вы входите въ Магометанскій храмъ, особенно въ пространную мечеть, близна и на-

гоша ея спятъ обдають васъ холодомъ; ничю не говоритъ въ ней чюо эпо домъ моливвы, домъ изліянїя чистѣйшихъ чувствъ швари предъ Создашелемъ, чюо въ немъ шюшь алшарь, кошо-рый у всѣхъ народовъ, окружавшихъ его шеплюю вѣрою, красилса въемъ чюо еспь для чело-вѣка драгоцѣнѣе изъ его земныхъ богапствъ. Имя Аллаха начерпанное надъ мѣспомъ алшаря, нѣсколько массивныхъ кандеабровъ по обшмъ его споронамъ, возвышенное мѣшо для Сулпана и его приблнженныхъ — вошъ все чюо можно видѣшь внупри Софійской и всякой другой мечени; шюлько для вечерняго освѣщенїя развѣшаны фестонны изъ безчисленныхъ разноцвѣтныхъ лампъ, и пропаянупы по всѣмъ направлѣнїямъ, подъ куполами и сводами и между колонъ. Эфескшъ ихъ безъ сомнѣнїа долженъ бышь весьма красивъ, но въ немъ чюо-то теашральное, подобное освѣщенїю Кїа-Кинга въ большемъ размѣрѣ, и предшавляешъ спранную прошивоположностш спрогому величїю архншекшуры, раздѣшой опъ въемъ своихъ древнихъ украшенїй. Турки, хопя пакъ спрого воспрецають Хрїспїанамъ входъ въ мечени, но во-все не оказывають къ нимъ шюго благочесннваго уваженїа,

которое мы пишемъ къ нашимъ церквамъ. Они спягъ и объдаютъ въ своихъ меченяхъ. Въ меченяхъ непосроенныхъ Магометанами, но завоеванныхъ оружіемъ ихъ, имамъ произносятъ какую-то молитву опираясь на саблю, потому что сабля неразлучна съ Кораномъ, и завѣщава Магометомъ какъ знаменіе его религій.

Наружность Софійскаго храма представляеть тяжелую массу, изуродованную отъ множесва присроекъ разныхъ эпохъ. Извѣстно, что при Юстиніанѣ уже онъ получилъ поврежденіе; потомъ, въ шнадцати-вѣковое свое существованіе, отъ землетрясеній падали разныя его части. При Василии II Волгароклонъ*, упала даже часть большаго купола, и была имъ возобновлена. Андроникъ старшій построилъ консьерфорсы къ сѣверной стѣнѣ, которая грозна паденіемъ. Капшакузинъ и Іоаннъ Палеологъ возобновили разныя части храма. Между тѣмъ какъ Имперія сама распадалась отъ вѣнхоспи, Импе-

* Т. е. Болгарорязъ; онъ красился этимъ шиломъ з неимверныя свои жестокоспи съ Болгарами. Его звѣрство доходило до того, что онъ ослѣпилъ нѣсколько тысячъ плѣнныхъ, и далъ имъ одноглазаго проважатаго для возвращенія ихъ на родину. Онъ усердно строилъ храмы.

рапорты употребляли послѣднія усилія для поддержанія своего собора, и усшарьльи искусства Византіи еще находили силы, чтобы про-длить существованіе своего лучшаго памятника. Магометъ, при взятіи города, собственноручно разсѣкъ голову солдату, который въ порывѣ фанатизма лоялъ мраморъ Софійскаго храма. Что же касается до сказанія, что онъ въѣхалъ верхомъ въ храмъ, и кормилъ своего коня у ол-шаря — это кажется преувеличеннымъ сказані-емъ побѣжденныхъ. Извѣстно только, что онъ сидѣлъ на ошарѣ и раздавалъ милости и на-грады полку своихъ фанатиковъ. Магометъ, об-рашивъ храмъ въ мечеть, приспонулъ къ нему четыре минарета; преемники его сдѣлали так-же много приспоекъ, и имѣли архитектуру его образцемъ во всѣхъ воздвигнутыхъ ими ме-чешяхъ.

Г Л А В А X:

Древніе храмы.—Гробъ Анны Комниной. — Звѣринецъ, и леопарды защитники Визанціи. — Арсеналь, Римскіе орлы и знамена Крестоносцевъ. — Церковь крови. — Гипподромъ. — Овельскъ. — Дельфійская колонна. — Колонна Порфиrogenета. — Венеціанскіе кони. — Мѣдныя статуи и ихъ судьба. — Воспоминанія. — Гладіаторъ.

Еще нѣсколько большихъ Христіанскихъ храмовъ Константинополя сохранились до нашихъ дней. Магомешъ II, великодушный варваръ, оставилъ въ своемъ шоржесивѣ нѣкоторыя изъ нихъ богослуженію Грековъ, но его преемники, поспешенно осягчая свое иго надъ побѣжденнымъ народомъ, не могли терпѣшь, чтобы въ столицѣ Исламизма величественныя зданія были посвящены Христіанской вѣрѣ. — Бросимъ быспрый взглядъ на другіе храмы, болѣе заслуживающіе любопытства по древности и красотѣ архитектуры, или по историческимъ воспоминаніямъ.

Фатиге-джамисы*, былъ храмъ во имя Бого-

* Т. е. мечеть завоевателя; Магомешу II дано прозваніе *фатигъ*, завоеватель, побѣдитель.

ролицы, построенный Михаиломъ Дукою. Въ немъ покоились шъла многихъ Императоровъ и Императриць дома Комниновъ и Палеоловъ. Гробъ Анны Комниной былъ въ дорогомъ саркофагѣ, подъ Императорскими орлами. Здѣсь былъ и гробъ послѣдняго князя изъ дома Палеологовъ, Θомы Деспота Морейскаго, убѣжавшаго въ Римъ отъ оружія Магомета, и потомъ возвратившагося подъ великодушное его покровительство. Когда эпооть храмъ былъ обращенъ въ мечеть, останки Императоровъ были выброшены изъ него. Анна Комнина, которая и въ дни упадка Императорскаго престола поэтически мечтала о древнемъ его блескѣ, эта Византійская Аѳинянка, которая въ классической своей гордости ошказывалась писать въ своей краснорѣчивой лѣтописи варварскія имена бароновъ и князей Запада, могли предчувствовать, что другіе варвары будутъ ругаться надъ ея прахомъ?...

Эмиръ-ахоръ-джамисы,—древній храмъ Іоанна Крестителя, возобновленный Константиномъ Палеологомъ, и примѣчательный по прекраснымъ Коринтскимъ колоннамъ изъ зеленаго мрамора, которые видимо принадлежатъ языческой древности.

Ключокъ-Ая-Софья-джамисы (маленькій Софійскій храмъ) — такъ прозванный чернію не по сходству его архитектуры съ Софійскимъ храмомъ (онъ имѣетъ видъ рошонды, и восемь небольшихъ куполовъ опоясываютъ средній куполь), но по богатству его украшеній и по красотѣ колоннъ, зеленыхъ мраморныхъ и порфировыхъ. Онъ построень Юстиніаномъ Великимъ недалеко отъ Гиподрома, вѣроятно изъ остатка матеріаловъ собранныхъ для Софійскаго собора; онъ былъ посвященъ святымъ Сергію и Вакху.

Будрумъ-джамисы; эша мечеть была женскимъ монастыремъ, въ коемъ приняли одежду смиренія многія Императрицы.

Кехріэ-джамисы—храмъ Спасителя, построенный Юстиніаномъ, и обновленный въ настоящее время видъ при Комнинахъ. Въ послѣднюю осаду Конспаншинополя молящійся народъ вынесъ изъ дворца чудотворный образъ Богородицы, писанный св. Лукою, въ эту церковь, которая прилежала къ стѣнамъ болѣе грозимымъ отъ Турокъ.

Ходжа-Муснафа-паша-джамисы — древній великолѣпный монастырь Андрея Первозваннаго, построенный Аркадіею, сестрою Феодосія млад-

шаго. Муссафа, котораго онъ носилъ пеперь имя, обратилъ его въ мечеть при Селимъ I. Онъ вмѣстѣ съ Соиманомъ дѣлалъ славный походъ въ Родось; но помъ замыслилъ оплохнуться и получилъ снуровъ. Въ этой мечети возбуждаешъ общее любопытство цѣпь, которая обпягиваетъ кшиарисы обсаженные кругомъ, и о которой послыся различныя преданія.

Въ этихъ Хрисіанскихъ храмахъ пеперь моляся православные; въ храмъ Іоанна Богослова, построенномъ при Царь Иракліи, содержатся дикіе звѣри, львы и пугры Африканскихъ степей; онъ называется *асланъ-хане*. Прежніе Султаны всегда любили имѣть въ своей столицѣ дикихъ звѣрей, и иногда давали народу зрѣлище ихъ боя. Это водилось и при Императорахъ; даже въ львописяхъ Ирсеновыхъ походовъ находимъ, что когда крестоносцы атаковали городъ при Алексѣ Комнинѣ, были приведены изъ своихъ норъ львы и леопарды на защиту города, и Западные рыцари имѣли дѣло съ незнакомыми допоя врагами, какъ герои старинныхъ балладъ. Имъ казалось, что сверхъестественныя силы поднялись тогда за воспощную столицу, и Воспощъ представлялся Ломбардскимъ баронамъ со

всеми чудесами, которыми одъвало его младенческое воображеніе Европы.

Другаго рода оскверненіе постигло храмъ св. Ириніи, въ коемъ соединился соборъ священныхъ Восточной Церкви въ царствованіе Θεодосія: онъ обращенъ въ арсеналь, и заключается внутри серальскихъ сплѣтъ, недалеко отъ монетнаго двора. Въ немъ множество любопытныхъ и драгоценныхъ для археологій древнихъ оружій и осадныхъ машинъ. Нѣсколько знаменъ Западныхъ рыцарей, оставленныхъ по ихъ изгнаніи изъ Конспанниополя, перемѣшаны въ немъ съ орлами Римскихъ легионовъ, съ знаменами Восточныхъ Императоровъ. Французскій инженеръ Дешотъ, которому въ войнѣ съ Россією, при Мусафѣ II, было препоручено укрѣпить Босфоръ и Гелеспонтъ, получилъ позволеніе порышиться въ этомъ арсеналѣ, и нашелъ многіе остатки самой глубокой Римской древности. Побѣдные орлы Сципіоновъ и Кесаря, свидѣтели долгихъ бѣдъ созданной ими Имперіи, какъ плѣнные профетіи, лежатъ въ пыли серальскаго арсенала.

Мы видѣли состояніе нынѣшнихъ Греческихъ церквей Конспанниополя. Одинъ только небольшой храмъ съ куполомъ оставленъ досель Гре-

камъ; его Турки называютъ *кань-кисесы*; т. е. церковь крови, отъ того что въ немъ полилась кровь послѣднихъ защитниковъ города. Кантемиръ говоритъ, что онъ оставленъ Грекамъ въ награду за услуги одного архитектора, построившаго Турецкія мечети. Скучное наслѣдіе искусства и въ самомъ плъну облегчало гоненіе Грековъ.

Можетъ быть всѣ упомянутыя древности не въ одинаковой степени возбуждаютъ любопытство путешественника; но кто не посѣщаль Ашмейдана, древняго Гипподрома, обезображеннаго, ограбленнаго въ различныя эпохи, едва сохраняющаго слѣды своего величія?.. Среди широкой площади поднимается необъятная масса Софійскаго собора; тяжелая мечеть Султана Ахмеда закрыла значительную часть этой площади — единственной большой площади древняго и новаго Константинополя. Кругомъ расположились мелкіе деревянные дома, которыхъ безобразная полоса обняла древнюю площадь триумфовъ и народныхъ празднествъ поясомъ изъ лоскутьевъ. Мѣсяцами недавній пожаръ оставилъ широкій пяна изъ золы.

Три памятника разныхъ вѣковъ остались на Гипподромѣ: обелискъ Египетскій, колонна Дель-

фійскаго храма и чешырегранныя колонны Констанциана Порфирогенеса. Египеть, Греція и Римъ пославши себѣ здѣсь надгробныя памятники, и на каждомъ изъ нихъ сохранилась печать народа и эпохи. Обелискъ изъ одного куста гранита* покрытъ весь гѣроглифами мисиническаго Египта, весьма многосложными и красивой ошдѣлки. Чешыре мѣдныя куба поддерживаютъ его на высокомъ мраморномъ пьедесталѣ; а на этомъ пьедесталѣ вырѣзаны эмфатическія надписи, и изображенъ на чешырехъ его сторонахъ Императоръ Θεодосій, то сидящій на престолахъ вмѣстѣ съ Царицею и съ дѣтьми Аркадіемъ и Гоноріемъ, то принимающій поклоненіе покоренныхъ народовъ, то предсѣдающій въ играхъ, то несущій въ рукахъ Императорскую корону. Какъ будто нужно было предсавить здѣсь, подъ суровымъ величіемъ Египта, нѣсколько картинъ суетнаго величія Византіи, и подъ шаниственными и нѣмыми письменами древней науки и аллегорической религіи — панегирическія надписи Кесарей**. Что касается до изваянія барель-

* Онъ имѣетъ около 60 футовъ высоты.

** Надписи двѣ: Греческая и Латинская; вошь содержаніе первой:

ефовъ — изъ нихъ видно только, что въ эту эпоху былъ уже невозвратно поперягъ древній рѣзецъ, и уже образовался Византійскій вкусъ, съ своею недвижностію, съ своимъ безжизненнымъ спокойствіемъ, съ условными позами и драпировкою, — вкусъ болѣе извѣстный намъ по иконамъ Византійской церковной живописи, а на мраморъ представляющій только досадный анахронизмъ въ искусствѣ, болѣе принадлежащій, за исключеніемъ правильности формъ, въ-къ перехода Египетской скульптуры въ Грецію, нежели въ-къ богатому неподражаемымъ произведениямъ Аѳинъ и Коринфа.

Турокъ строгой наружности сидѣлъ на площади, недалеко отъ Египетскаго обелиска, и предъ нимъ былъ огромный подносъ съ дѣтскими игрушками. Его важная наружность представляла смѣанный контрастъ съ этимъ предметомъ промышленности; можешь быть лице его приняло мрачное выраженіе отъ того что фигуры съ такимъ любопытствомъ осматривали

Только Царя Θεодосія воля могла воздвигнуть этотъ четырехгранный столпъ, вѣчное бремя земли, и, по его велѣнію, Проклъ въ тридцать два дня его здѣсь поставилъ.

Этотъ Проклъ былъ Эпархомъ или правителемъ столицы.

обелискъ, который по его понятіямъ, есть одинъ изъ шалисмановъ Спамбула, и обезпечиваетъ владычество въ немъ Турокъ. Это общее повѣріе Спамбульской черни, которая иначе не можетъ растолковать себѣ, къ чему служатъ огромный камень среди площади, и что означаютъ живописныя, пишицы и люди изсѣченные на немъ; а она привыкла почипать шалисманами все, чего не смыслишь, и приплела ко всякому памятнику Константинополя какое-нибудь чудесное сказаніе.

Я обратился къ Турку съ вопросомъ, что онъ думаетъ о спранныхъ вещахъ вырѣзанныхъ на камнѣ? — Онъ не удостоилъ меня отвѣтомъ; онъ сидѣлъ молчаливый предъ обелискомъ, съ каменною недвижностію сфинкса, который все знаетъ и ничего не говоритъ.

Между наслѣдіемъ Фараоновъ и колонною Константина Багрявороднаго стоитъ небольшой мѣдный столпъ, сосланный изъ шрехъ змій свинныхъ вмѣстѣ. Головы этихъ змій, вѣнчавшія его фанпастической капишелью, давно потеряны. Сказываютъ, что Магомедъ II шепоромъ отрубилъ одну изъ головъ, чтобы показать свою силу; другія двѣ были отломаны

и украдены ночью, въ началѣ прошедшаго вѣка*.

Эно шопъ самый сполгъ, который поддерживалъ въ Дельфійскомъ храмѣ золотой преножникъ, посвященный Аполлону Греческими республиками изъ добычи, оспавленной имъ послѣ лучшаго дня древней Эллады, дня увѣчаннаго Платейскими лаврами. Геродотъ и Павзанія упоминають о немъ. Константинъ Великій, разрушивъ храмъ Греціи, перевезъ въ свою сполцу ея спазнуи, разжалованныя изъ боговъ изыческихъ храмовъ въ декораціи Гипподрома, и вмѣстѣ съ идолами поэпической религій, ошавля у Греціи и впрофеи ея древнихъ поржеспивъ. Эношъ памятникъ Греческихъ республикъ, среди разрушеннаго величія сполци Греческой Имперіи, эпи обезглавленные змьи на пятинномъ гипподромѣ, предспавляютъ сполко спранныхъ спближений, сполко воспоминаній. Но мысль Константина — посспавивъ среди обширнаго респалнца, окруженнаго колоссальными зданіями, небольшое внутреспнее украшеніе Дельфійскаго храма, обспавняспя сполко безвкусіемъ вѣка. Вѣкъ

* Съ точностью когда неизвестно; но путешественники видѣли ихъ въ первыхъ годахъ прошедшаго вѣка.

его, получивъ богатое наслѣдство древнихъ искусствъ, но уже истощенный и безсиленный произвести что-либо новое, приличное своему величію, наряжался безъ разбора въ убранства древности, такъ какъ въ самой архитектурѣ своей, промѣнявъ изящество Греціи на колоссальность Римскихъ и Азіяцкихъ зданій, оставилъ намъ странные памятники, безъ гармоніи, безъ единства, смѣсь вкусовъ всѣхъ вѣковъ, видимо слѣпленные изъ обломковъ другихъ зданій.

Столпъ Порфиросепа имѣетъ форму обелиска, но несравненно выше и тяжелѣе его*. Онъ составленъ изъ небольшихъ гранитныхъ плитъ, скрѣпленныхъ пиропами; былъ одѣтъ золоченою мѣдью, но по взятіи Константинополя Турками, мѣдь съ него содрана, и онъ остался голый среди Амшайдана, какъ колоссальный скелетъ, и грозитъ паденіемъ. Надпись на мраморномъ его подножіи сравниваетъ «это чепырегранное диво» съ колоссомъ Родосскимъ, хотя между ними ничего общаго не было кромѣ мрамла.

* Онъ имѣетъ 94 футовъ вышины. Изъ надписи сохраненной на немъ видно, что Константинопольскій Порфирородный не былъ его основателемъ, но только обновилъ его.

Это единственные древности Гипподрома; в цѣвшущей вѣки Имперіи здѣсь спояли многія тысячи драгоценныхъ статуѣй, множество Императорскихъ памятниковъ. Но этой злополучной Имперіи было суждено такое продолжительное бореіе со смертію, что она пережила не только свою славу, но и самыя памятники свои, завѣщанные вѣкамъ. Здѣсь спояли между чудесами древнихъ искусствъ и бессмертныя кони Лизиппа, которые долго были символомъ любви и спутниками славы; они изъ Коринѣа, вмѣстѣ со славою Греціи, перешли въ Римъ, чтобы украсить триумфальныя врата Императоровъ*. Константинъ перенесъ ихъ въ новую столицу міра, и поставилъ на высокой мраморной галлереѣ Гипподрома. Потомъ Венеціанцы по взятіи Константинополя (1204 г.) принесли этихъ коней ко льву св. Марка, и поставили какъ плѣнный трофей, надъ входомъ своего собора. Но вольные кони Коринѣа, постоянно уско-

* Они были поставлены на триумфальныхъ вратахъ Нерона, потомъ Траяна; потомъ ихъ перенесли въ храмъ солнца. Мнѣніе, что они были изъ Коринѣа, заслуживаетъ болѣе вѣроятія, хотя безымянный лѣтописецъ времени Комниновъ, говоритъ, что они были взяты изъ Хіоса.

живая изъ побѣжденныхъ городовъ, умчались въ день паденія республики за колесницею завоспашеля въ Парижъ, простояли въ Тюлерійскомъ дворцѣ, на триумфальныхъ врапахъ, въ быснрый періодъ триумфовъ Франціи, и когда улетѣли Наполеоновскіе орлы, возвратились опять ко льву спарой царицы Адриапикки. Кажется, что они одни были сбережены на эту удивительную судьбу изъ всѣхъ богатствъ Гипподрома. Когда Крестовое войско овладѣло Константинополемъ, спашун Греческихъ боговъ и памятники Византійскихъ Императоровъ были обращены въ деньги на жалованіе полудикихъ ордъ Запада. Эта несчастная судьба постигла вообще мешаллическіе памятники древности, кромѣ немногихъ случайно сбереженныхъ вѣками. Варварство тогдашнихъ Европейцевъ оправдываетъ уничтоженіе дорогихъ памятниковъ Гипподрома, но кто бы повѣрилъ, что въ Неаполѣ, въ избранной землѣ художествъ, въ Неаполѣ, недалѣе какъ въ срединѣ прошедшаго вѣка (1740 г.) прекрасная спашуя Пестора была сплавлена и обращена въ медали для какого-то ученаго общества; видно что крозь Ваудаловъ лилася въ жилахъ ученыхъ Неаполитанцевъ.

Эта голая площадь Ашмейдана была въ древности опоясана стѣною и ступенями для многихъ тысячъ зрителей; Гипподромъ былъ Коллизеумъ новаго Рима; его началъ строить Сепсимъ Северъ въ Византіи, когда она не была еще соперницею вѣчнаго города. Попомъ Констанцины далъ ему колоссальныя размѣры Римскаго амфитеатра, и самъ одержалъ въ немъ первую побѣду на бѣгѣ колесницъ. Галлерей его были одѣсны мраморомъ; надъ портикомъ изъ двадцати чотырехъ колоннъ было мѣсто Императорскаго семейства. Гипподромъ украсился всеми богатствами искусствъ древней Греціи, и каждый Императоръ ославлялъ въ немъ какою нибудь памятникъ; до нашествія Крестоносцевъ, говорили Мисно, онъ имѣлъ болѣе славы боговъ и Императоровъ нежели шеперь жителей.

Былъ поздній часъ вечера, когда я продолжалъ еще мою прогулку въ Ашмейданъ. Никакого шума въ немъ не было; въ окрестныхъ домахъ изрѣдка свѣтился огонь, и лунная ночь покрыва свою таинственностію молчаливыи Спамбуль. Ашмейданскіе памятники казались тогда исполнскими призраками прошедшихъ лѣтъ, одѣсны туманомъ ночи какъ саваномъ, одинокіе,

неподвижные на опускѣломъ кладбищѣ; а эта площадь, въ которой десяты вѣковъ суешилось блѣдное величіе Всемирной Имперіи, уже давно была кладбищемъ древняго міра. Вѣчныя имена Египта, Греціи и Рима неизгладимо начертаны на ея гробовыхъ доскахъ, надъ коими замокъ послѣдній опголосокъ эпихъ магическихъ именъ, заключившихъ весь кругъ развишя древняго міра. Храмъ св. Софіи и мечеть Ахмеда возвышаюпъ надъ нею свои несобьяшныя куполы, какъ эмблемы двухъ идей—Хрисціанства и Магомешианства, копорыя воздвигли зданіе новыхъ вѣковъ изъ развалинъ вѣковъ пропекшихъ. Но надъ шимъ куполомъ, гдѣ сіялъ крестъ преобракеннаго міра—освященъ шеперь блѣднымъ свѣтомъ полнаго мѣсяца полумѣсяць Османа....

Сколько сбъжалось сюда могучихъ воспоминаній! Какъ сильно выразилась здѣсь каждая эпоха съ своими повѣрїями, съ своими спрашьями, съ своими собышїями! Испорія Гипподрома можетъ бышь испорією цѣлыхъ государствъ; это каменная льшонисъ Констаншинополя, видѣвшая всю судьбу столицы и царства.

При Туркахъ ее одушевляли воиншвенныя забавы наѣздииковъ, и въ ней рьшались крова-

выя распри, копни начались и заключились мно-
 гія царствованія; еще недавно раздался въ ней
 послѣдній, удушенный вздохъ фанатиковъ оджа-
 ка, и ее покрыли трупы. Тоже было и при Ви-
 зантійскихъ Императорахъ. Здѣсь собирался без-
 покойный народъ, по превозглашать своихъ Им-
 ператоровъ, поднимая ихъ на щиптъ, какъ пре-
 шоріящцы Рима, по безспрашно глазѣть на
 междоусобіе двухъ искашелей престола, по съ-
 оспервененіемъ проливать свою кровь на эшой
 ирагической сценѣ, предназначенной его увесе-
 леніямъ. И въ дни своего упадка Греки были
 спрашно привязаны къ эшой площади, кото-
 рая напоминала пмъ птъ вѣки, когда упоенные
 своимъ величіемъ, владѣтели Востока и Запада,
 они могли безнаказанно предаваться въ ней буй-
 ству своихъ спрасней. Здѣсь рѣшались распри
го губыхъ и зеленыхъ, и попрясалось спокойспіе
 цѣлой Имперіи мелочного ненавистію двухъ пар-
 тій двора и народа, въ соперничествѣ коихъ за-
 ключилось все рыцарство Восточной Имперіи,
 вымчалась вся сила народныхъ спрасней и паш-
 ріопизма, шобы оставить послѣ въ эшой драх-
 той столицѣ безжизненную массу народа, какой-
 то трупъ, издавшій только вопль ошчаянія подъ
 ножемъ завоевателя.

Но все еще были видны въ этомъ народѣ слѣды его происхожденія отъ двухъ первыхъ народовъ — отъ Грековъ и Римлянъ: изнеможенный гений Греціи сохранилъ только свои софистическія тонкости, безъ древняго блеска, и разсыпался въ богословскія прѣнія, въ пылкіе споры о словахъ и выраженіяхъ; а развращенное мужество Рима измѣнилось въ бой ристалища.

Удалимся еще въ разнохарактерную перспективу вѣковъ, оставившихъ свои слѣды на камняхъ Гипподрома: мы увидимъ наконецъ первыхъ переселенцевъ Рима жадныхъ и въ новой столицѣ ихъ опивательныхъ зрѣлищъ, которыми шлишли ихъ въ Колизей. Какъ приятно по крайней мѣрѣ слѣдишь, среди послѣдняго развращенія великаго народа, торжество Христіанской религіи, которая омыла сердца отъ звѣрскихъ склонностей вѣка Антониновъ и Веспасіана. Бой гладиаторовъ повпорились и въ Гипподромѣ, но уже пересыпали давали людей на пожраніе пиграмъ, и по мѣрѣ того какъ нравы смягчались подъ вліяніемъ религіи, вывелись и кровавыя зрѣлища гладиаторовъ. Воспоминаніе о нихъ слилось въ моемъ воображеніи съ несравненнымъ спансомъ Чальдъ-Гарольда, и при свѣ-

пѣ луны могучая карпина Римскаго коллизея
перенеслась въ блѣдный Гипподромъ:

Вня у гладіатора распроспертымъ предо мною; онъ оперся на свою руку; его мужеспвенное чело соглѣшается на смерть, но онъ побѣждаетъ смершное бореіе, и его озилченвая голова поспешенно спускается къ землѣ. Последній капли его крови медленно выпадають изъ широкой раны въ его бедра; онъ капаетъ тяжело, одна за другою, какъ въ пору грозы первыя капли дождя. Вокругъ него плаваешь въ туманѣ огромный амфитеатръ. Онъ умираешь — а восклицанія гремятъ еще привѣспивіями побѣдителя его: — онъ слышитъ эти голоса, и презираешь ихъ. Онъ не думаетъ ни о жизни, кошорая его покидаетъ, ни о наградѣ побѣдителя. Его глаза и его сердце шеперь въ иной хижинѣ на берегу Дуная, гдѣ варваренки, его дѣти, играютъ между собою при Дакіанкѣ, ихъ матери. — А онъ, ихъ опецъ, хладно кровно умерщвляетъ для пошѣхи Римлянъ. Предъ нимъ все исчезаетъ съ испоконъ его крови. — Умреть ли онъ неопшценный? — Возспаньте Господъ, идите насытитъ вашу ярость!

КОМЪЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.